

А.Н.Панин

История
Николаевской
Бердюковской
пустыни

2020 год

**По благословению
Высокопреосвященнейшего ЮВЕНАЛИЯ
митрополита Крутицкого и Коломенского**

Руководители проекта:

Настоятель Николо-Берлюковского монастыря Московской епархии,
благочинный монастырей Московской епархии
Игумен ЕВМЕНИЙ (ЛАГУТИН)

Председатель правления фонда
«Возрождение культурного наследия»,
заместитель председателя и член Совета
Московского областного отделения
Императорского Православного Палестинского Общества
Александр Николаевич ПАНИН

Выбор места для храма никогда не был на Руси делом случайным. Присмотритесь, как расположены православные храмы. Не торопились раньше, выбирая место для строительства, понимая, что это навсегда. Строили «как мера и красота скажут». Наверное, поэтому приезжая сегодня к разрушенным и поруганным храмам, в разоренные обители, люди чувствуют избранность этих мест. Бредешь по развалинам, нагнешься, бережно уберешь с дороги кирпич, выпавший из разрушенной стены, помотришь вверх, на березку, торчащую из покосившегося купола – вроде и ничего особенного, и смотреть-то не на что, а под сердцем что-то зашевелится, защемит. Такие минуты учат человека любить Родину, чувствовать связь времен, уважать свою историю.

Николаевская Берлюковская пустынь – не исключение. По словам духовного писателя XIX века Ивана Шевелкина «во всей губернии не найти такого приволья»¹. Дорога, ведущая из Москвы к монастырю, пересекает речушку Воря. Не все из машины успевают рассмотреть огромную колокольню, что возвышается на крутом берегу реки. А кто полюбопытнее, через сотню-другую метров сворачивает направо и через пару минут останавливается в изумлении. Перед глазами предстает великолепный архитектурный ансамбль, гармонично слитый с природной красотой места. И не устаешь удивляться великому умению наших предков создавать такие шедевры.

ISBN 978-5-904922-01-6

© Благотворительный фонд
«Возрождение культурного наследия»,
2020 г.

«Монастырь, как мы видим его и на визуальных изображениях, на иконах, – это изображение Небесного и земного Иерусалима. Потому так прекрасны наши монастыри. Это духовная красота, воплощенная в архитектуре, в живописи, в литургическом служении, в звоне колокольном, в той возделанной земле, которая вокруг него. И поэтому приобщение к монастырю – это приобщение к нашим сакральным святыням».

Профессор М.Н.Громов

ОСНОВАНИЕ

Люди в этих местах появились давно. Могильники скотоводов еще фатьяновской культуры были обнаружены археологами у селений Громково, Мизиново, Каблуково, Лосиный Завод, Берлюки. Долгое время здесь жили финно-угорские племена, давшие привычные нашему слуху названия: Клязьма, Воря, Уча и Шерна. Примерно **в IX – X веках** территорию современного Богородского района заселяли славянские племена вятичей. Ведомые легендарным вождем Вятко, они поселились в бассейне реки Оки. В «Повести временных лет» Нестора Летописца читаем: *«...а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи»*. Продвигаясь с юга, вятичи достигли Московской земли. Вятичи самое восточное и самое воинственное из всех славянских племен. Полагают, что **до конца XI века** большая часть населения Русской земли оставалась языческой. Время это принято считать переломным. Христиан становилось все больше и больше, но еще целое столетие понадобилось, чтобы практически вся Русь приняла христианство, хотя сильное влияние язычества оставалось еще очень долго, народ исполнял языческие обряды и поклонялся истуканам. Среди славян было лишь одно племя, упорно сопротивлявшееся принятию христианства – вятичи. Они оставались приверженцами язычества дольше других восточных славянских племен. Сложность христианского просвещения вятичей была вызвана еще и спецификой их территории, покрытой густыми, труднопроходимыми лесами – это нынешние Калужская, Брянская, Орловская, Тульская и Московская области. Они позднее всех вошли в состав Древнерусского государства и дольше всех сопротивлялись власти Киевских князей. Преподобный Нестор Летописец, описывая вятичей, возмущался их *«гнусными обычаями»* и добавлял, что живут они так *«даже и до нынешнего дня»*, незнакомые с Законом Божиим и творя свой закон: *«Радимичи и вятичи один имели обычай... ели все нечистое и срамословили пред отцами и пред снохами; и браков у них не бывало, но игрища между селами устраивали, и сходились на игрища на плясанье и на всякие бесовские игрища, и тут умыкали жен себе, с какой кто сговорится...»*².

Великая задача христианизации востребовала великих мужей: молитвенников, проповедников, просветителей. Неоценим здесь вклад Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры. Обитель преподобных Антония и Феодосия Печерских взрастила целый сонм просветителей и проповедников Слова Божия. Она стала центром духовного просвещения и христианской академией для всей Руси. Более пятидесяти епископов земли русской были так или иначе связаны с нею. То были люди высоких христианских качеств, некоторые из них причислены к лику святых: свт. Леонтий Ростовский, свт. Иоанн, архиепископ Новгородский, свт. Никита, епископ Новгородский. Среди них были и выдающиеся церковные писатели: Иларион, митрополит Киевский, свт. Кирилл Туровский. Имен можно вспомнить много: идея особенной избранности Руси, «в последние времена» пришедшей к Богу, была едва ли не самой актуальной для образованных русских людей того времени. Глубокое осознание личной ответственности перед Богом влекло православных монахов-миссионеров в земли, населенные язычниками. Преподобномученики Кукша и Никон Печерские, преподобный Авраамий Ростовский, святители Леонтий и Исайя, епископы Ростовские и преподобный Герасим Вологодский – вот далеко не полный перечень просветителей язычников того времени. Обращение вятичей ко Христу совершалось трудами преподобномученика **Кукши Печерского** и его учеников, из которых мы знаем только лишь о. Никона. Выходцы из Киево-Печерской Лавры, они были образованнейшими людьми своего времени. Из письменных источников следует, что преп. Кукша обошел все вятские земли. В Печерском патерике, основанием для которого послужило послание епископа Владимирского и Суздальского Симона (на кафедре 1214 – 1226 годы) к другу монаху Поликарпу, насельнику Киево-Печерской обители, о преп. Кукше сказано: *«Волею како премьну сего блаженнаго и священномученика, того же монастыря Печерскаго черноризца, Кукшу, егоже вси изведаютъ, како беси прогна, и вятичи крести, и дождь съ небеси сведе, и езеро изъсуши, и многа чудеса сътворивъ, и по многих муках усечен бысть съ учеником своим»*³. Сегодня – это главный источник для описания жизни и подвигов преподобномученика Кукши Печерского. Из патерика следует, что преп. Кукша был общеизвестен, слава о нем выходила далеко за пределы Печерского монастыря. Можно предположить, что преп. Кукша прошел многие славянские земли, ведь ни газет, ни радио тогда не было. В патерике не указаны годы его жизни, однако епископ Симон говорит о нем и о его сподвижниках, как о прежде просиявших отцах, что делает возможным предположить, что жил он все-таки в конце XI века – начале XII века. Вот, собственно, и все, что известно о его жизни. Мы точно не знаем, как выглядел преподобномученик Кукша. Описание его внешнего облика существует лишь в «Иконописном подлиннике», специальной книге, составленной для иконописцев. Там мы читаем: *«Кукша подобием: власы с ушей мало кудреват, брада доле Сергия Радонежскаго, ризы преподобнические и епитрахиль, в руках четки»*⁴. Мы не знаем, откуда преподобный Кукша пришел в Печерский монастырь, однако, успех в просвещении вятичей позволил некоторым церковным истори-

кам предположить, что сам Кукша был вятичем⁵. В конце X века многие «лучшие мужи» из вятичской земли были переселены князем Владимиром Святославовичем в города - крепости Киевской Руси – это исторический факт. Преподобномученик Кукша вполне мог принадлежать к потомкам этих переселенцев⁶. На это наталкивает нас и само его имя – Кукша, имя явно языческое, встречавшееся на Руси вплоть до XIV века. Употребление языческих имен было довольно распространенным явлением в Древней Руси. Возможно, что этимология его имени восходит к названию птицы – «кукша» или «ронжа» - представитель семейства вороновых, птица, распространенная по всей Евразии⁷. Здесь мы можем сделать еще одно интересное предположение: из предания мы знаем и второе, христианское имя Кукши – Иоанн, но оно не закрепилось за ним в памяти и святцах. Объяснение этому может быть только одно: Кукша принял крещение уже в осознанном возрасте и какое-то время жил в Киеве под своим языческим именем, которое прочно за ним закрепилось. Возможно, что и в Киево-Печерской Лавре он жил как послушник под этим именем, и лишь после принял крещение и был пострижен в монашество под именем Иоанн. Но всем жителям Киева, в том числе и братии, он запомнился именно как Кукша. Интересно и еще одно написание имени просветителя вятичей. В Арсеньевской, наиболее ранней редакции Патерика, в том числе и в древнейшем Берсеневском списке (1406 год) имя его названо иначе – Купша, причем трижды в одном и том же написании. Древнерусский памятник – «Проложное сказание» или «Проложное слово» о принесении перста святого Иоанна Крестителя из Царьграда (Константинополя) в Киев. Там сказано: *«пренесен бысть в град великий Киев при князи Владимире Мономахе в лето 6000 шестьсотное и положен бысть в церкви святаго Иоана на Сетомли, у Купшина монастыря»*⁸. Монастырь приводится здесь, как ориентир, то есть место это известно всем. Очень возможно, что основан монастырь тот был именно преподобномучеником Кукшей Печерским, до его пострижения в Киево-Печерской Лавре или после. Истории русской Церкви неизвестен никакой другой Кукша, имя, которого мог бы тогда носить монастырь. А, ведь основать обитель рядом с Киево-Печерской Лаврой, позволили бы не каждому. Для этого надо было обладать высоким духовным авторитетом, а главное немалым богатством финансовым. Но все, что связано с Купшиным монастырем, является на сегодня не более чем догадками.

5

Кончину преподобномученика Кукши прозрел его духовный брат, преподобный Пимен Постник Печерский, прозванный Постником за многие его воздержания и труды. Итак, просветитель вятичей преп. Кукша был убит в их землях, претерпев сильные мучения и страдания за Христа перед смертью. Усечен он был на рассвете и возможно предположить, что страдания он терпел всю ночь: *«С нима же и Пимен блаженный Постник в един день скончался, проведев свои отход прежде двою лету, и многа ина пророчествовавъ, недужныя исцели, посреди церкви велегласно рекъ: «Брат наш Кукша противу свету убиен бысть». И рекъ, преставися в един час с тема святыма»*^{8а}.

Преподобномученик Кукша всю свою жизнь посвятил проповеди христианства среди воинствующих племен вятичей, сумев посеять в этом народе семена веры Христовой. Если Кукша сам был вятичем, то резонно предположить, что это во многом способствовало успеху его миссионерской деятельности. В русскую историю и в историю Русской Православной Церкви преподобномученик Кукша вошел именно, как просветитель вятичей. Русь становилась единой страной с единой верой и единой культурой. Владыка Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский писал о крещении Руси: *«Вошли в купель святого крещения племена полян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели - русский народ»*⁹.

Впоследствии мощи преподобномученика Кукши были доставлены в Киево-Печерскую Лавру, где и покоятся в пещерах донине (память прпп. сщмч. Кукши и Пимена Постника – 27 августа по старому стилю, память Собора преподобных, почивающих в Ближних пещерах – 28 сентября по старому стилю).

6 Где принял смерть преподобномученик Кукша, мы точно не знаем, но пройти мимо теперешней Богородской земли просто не мог. Всем было известно, что здесь живут вятичи. Люди с опаской проходили эти места, избегая с ними встречаться. Несмотря на то, что племена вятичей жили почти в центре Русской земли, фактически их территория была независимой страной. Князь Владимир Мономах, в своем «Поучении детям», вспоминая многочисленные опасности, которым подвергался он в своей жизни – нападение зверей, раны во время сражений - упоминает и свое прохождение через землю вятичей, когда шел он из Киева в Залесскую Русь: *«А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружаль, пути дея и ловы с 13 лет. Первое к Ростову идохъ, сквозе вятиче, посла мя отец, а сам иде Курьску... А въ вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму»*¹⁰. Из этого видно, что Владимир Мономах дважды ходил в походы на вятичей, упоминаемый в тексте Ходота – это князь вятичей, а Корьдна – город в вятичской земле, о котором, к сожалению, ничего более не известно. Причем шел Владимир Мономах именно напрямик, через вятичские леса. Именно здесь проходил прямой путь из южной Киевской Руси в северо-восточную Залесскую - будущий **Стромынский тракт**.

Сегодня об этой дороге нам напоминает одна из известных улиц Москвы, носящая то же название – Стромынка, выводящая нас на Щелковское шоссе. В древности Стромынский тракт был первой прямоезжей дорогой на русской земле, соединившей Московские и Владимиро-Суздальские земли. Благодаря Владимиру Мономаху дорога получила продолжение в Киев, а в XII-XIII вв. превратилась в оживленную артерию северо-восточной Руси. Уже в конце XIV века Стромынская дорога стала проходить более прямым путем – через Медвежьи озера, Громково, Стромынь и далее, через Киржач в Юрьев-Польский. В «Географическом словаре Российского государства», составленном в начале XIX века ска-

зано: «*Стромынка, большая проезжая дорога от Москвы до города Юрьева Польского... В середине по ней, в 50 верстах от Москвы, есть село Стромынское, по которому она и прозвана*»¹¹. Москва - узел сухопутных больших дорог: «*Москва-городок XII столетия обосновалась у перекрестка больших дорог, проходивших через Владимиро-Суздальское и другие княжества частью по лугам, частью проселками в дремучих лесах*»¹². Стромынский тракт – всегда был стратегической дорогой для Москвы. Этимология слова «Стромынь» довольно загадочна. Если опираться на толкование В.И.Далем слов: «стромок, стромить, остромок», то получается, что название Стромынь можно в некоторой степени связать или с рьяной, стремительной ездой, или с небольшими возами, или, наконец, со «стромлением» местности, то есть укреплением грунта под какое-либо строение. Возможно, что раньше первые грунтовые дороги назывались «стромынями», а может, такое название относилось к дорожным гатям (греч. Строма - подстилка, ложе, постель).

В начале XII века на Стромынском тракте стояло крупное поселение вятичей - Берлино. Находилось оно на территории, расположенной между современными деревнями Громково, Дядькино и Авдотьино. Следы капища, а также остатки крупного городища с курганами и богатыми захоронениями были обнаружены при раскопках 1950-1960 годов известными археологами Ростиславом Леонидовичем Розенфельдом и Андреем Борисовичем Вареновым, проводившими многочисленные археологические работы по славянскому периоду на территории Московской области. Удобное географическое положение, могучий лес над рекой, живописное место в сосновом бору – все условия для жизни людей. В результате тех же раскопок были обнаружены остатки жилищ вятичей, погребения, причем погребения богатые - в них найдены венецианское стекло, золотые и серебряные украшения. Вещи и глиняная посуда, найденные при раскопках, датируются XII- XIII веками. На Воре, напротив поселения, нашли остатки пристани, до наших дней под водой сохранились крепко вбитые дубовые сваи: произведенный анализ показал – дуб XII века. Река в то время была судоходной. Интересно, что даже в XIX веке: «...мост через Ворю ... в полную воду разбирается и заменяется большим перевозом»¹³. Под нынешним мостом через Ворю, под водой, сохранились, и остатки дубового моста того же времени. По предположениям ученых, производивших раскопки, здесь проживало около 2000 человек. Таким образом, все свидетельствует о том, что в XII - XIII веках в этих местах действительно было весьма крупное поселение. Попадались такие поселения в то время не так часто. Были здесь и обширные пещеры. Геологи Московского Государственного Университета утверждают, что пещеры эти очень древние, скорее всего ледникового происхождения. Наличие пещер тоже могло сыграть свою роль в выборе этого места преподобномучеником Кукшей и его учениками – это монахи Киево-Печерской Лавры, монахи пещерной жизни. Все это позволяет предположить, что Берлино было как раз таким местом, где мог поселиться монах-миссионер, посвятивший жизнь проповеди христианства среди язычников. Здесь было все: крупное поселение язычников, капище, пещеры, судоходная река с пристанью и важная

дорога – Стромьинский тракт. Вряд ли Кукша, а также его ученики и последователи могли пройти мимо и, скорее всего, именно они своими трудами и положили начало христианизации этого края.

Переходу вятичей в православие способствует и колонизация этих мест, которую начинает с **середины XII века** великий киевский князь Юрий Владимирович Долгорукий. Особенно же много для этого сделал его сын, святой благоверный князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Стремясь основать на северо-востоке новое сильное государство, он: *«всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими и многолюдными учинил»*¹⁴. Люди с большой охотой переезжали в Залесскую землю с Киевской Руси, страдавшей от постоянных набегов кочевников. Естественно, предугадать монголо-татарское нашествие в то время никто не мог. Переселенцы получали землю, льготы и право основывать поселения. Осваиваясь в новых местах, они строили в Залесье новые города, укрепления и дороги. Город Переславль-Залесский – это киевский Переславль, город переехал сюда со всеми жителями. Киевское государство, распространив свое влияние на Владимиро-Суздальские земли, принесло в эти края и свет Христовой истины. Переезжают сюда воцерковленные люди, христиане, приходят и монахи, которые продолжают дело преподобномученика Кукши, просвещая языческие народы. Они строят небольшие скиты и пустыни. С образованием Московского государства этот процесс выходит на новую ступень: жизнь с Богом стала чаением русского народа. Это дало мощный импульс развитию и зарождению религиозной строительной деятельности. Светская власть всячески поддерживала Церковь: строились храмы, появлялись новые обители, скиты, пустыни и монастыри, вокруг которых жили и трудились люди. По дорогам вместе с воинами и торговыми караванами двинулись в путь богомольцы, странники и паломники, связав невидимыми нитями обители Святой Руси.

8

Известные историки конца XIX века, братья Василий Иванович и Гавриил Иванович Холмогоровы полагали, что в XIV веке уже существовала на левом высоком берегу Вори первая в этих краях обитель - монастырь во имя Иоанна Предтечи, или, как он назван у них, **Иоанновский монастырь**. Скорее всего, находился он на месте бывшего языческого капища. Так делали всегда: одни религиозные центры вытеснялись другими точно в том же самом месте: срубали Велеса и ставили Крест, дабы место, где были когда-то пляски и совершались жертвоприношения, осветилось светом Христовым. Итак, в это время в этих местах уже существует очень крупное славянское поселение с мощными укреплениями и, возможно, христианский монастырь.

Что происходило на этих землях **с XIII по XV столетие**, пока неизвестно. Правда: *«начиная с XIV века в глухих лесах подмосковного края, стали бурно появляться всевозможные скиты и обители религиозных отшельников. Скиты вскоре становились монастырями, являясь в то же время притягательными центрами крестьянского и ремесленного люда не только в качестве набожных богомольцев-паломников, но и людей*

*оседавших в этих местах на постоянное жительство в качестве ли служников монастыря или в качестве его вотчинников. При монастыре возникала слобода, а вокруг него – различные крестьянские поселения. Все это тоже в немалой степени способствовало развитию дорожной сети. Некоторые из бывших монастырских путей стали впоследствии проезжими большаками»*¹⁵.

Об этом же пишет и археолог Сергей Заремович Чернов, написавший уникальное историческое исследование, посвященное небольшим, «сельским», как он их назвал, монастырям. В своей работе он отмечает, что с XIV по XVI века наблюдается подлинный расцвет таких обитателей: одни из них через какое-то время исчезали, другие угасали, но потом снова набирали силу. Это была «практика стихийного создания пустыней, многие из которых лишь по прошествии определенного времени санкционировались церковными властями»¹⁵. Некоторые из пустыней и уединенных скитов прошли долгий путь от небольших лесных и сельских обитателей до крупных монастырей. Это было очень распространенное явление. Особенно активно этот процесс происходил на северо-востоке и востоке Московского княжества. Церковь пыталась этот процесс регулировать. На Стоглавом Соборе 1557 года, который проводил митрополит Макарий при Царе Иоанне IV Грозном, поднимался вопрос об упорядочении таких монастырей. Православная Церковь не всегда однозначно относилась к практике стихийного пустынножительства, которое имело место в русской истории, вплоть до богоборческих времен. Даже XIX век дал Руси таких столпов сельского народного жительства как Иларион Троекуровский и Иоанн Сезеновский, на месте подвигов которых в Тамбовской губернии возникли впоследствии известные духовные центры – Сезеновский Иоанно-Казанский женский монастырь и Троекуровский Димитриевский Иларионовский женский монастырь. Несомненно, это явление принесло Руси огромную пользу. Рядом с такими обителями селились, жили и духовно окормлялись русские люди. Возникали поселения, жители занимались обработкой земли, рыболовством, ремеслами и торговлей - происходило заселение сельской местности. Скорее всего, именно так и зародилась обитель на месте современного Николаевского Берлюковского монастыря. Подобным лесным пустынным монастырем была, возможно, и Николаевская обитель на высоком берегу Вори. Правда, все это лишь предположения, путь обители вплоть до начала XVII века изучен мало. Единственными следами более ранних поселений в ближайшей округе являются, датируемые археологами курганы XI – XIII веков, селище на горе Ульянихе (или Ульянке) XIII – XVII веков.

Перенесемся сразу в **век XVII**. Существует интересный документ, датированный 1613 годом, подтверждающий, что задолго до начала Смуты на Руси, здесь уже была **церковь Святителя Николая Чудотворца**: «... церковь Воскресения Христова, что было село Павлово, ныне же именуется Вохна, да другая во имя Иоанна Богослова, что меж рек Шерны и Клязьмы, третья во имя Николая Чудотворца, что ныне Берлюковская пустынь, четвертая Петра и Павла на реках Шалове и Клязьме на устьях»¹⁷.

Как видим, об Иоанновском монастыре здесь ничего не сказано. Что с ним стало? Сошел ли он на нет или возродился потом, как Николаевская обитель? Скорее всего, последнее, и вот почему мы имеем смелость сделать такое предположение. В Николаевской Берлюковской пустыни до революции хранился древний рукописный синодик, в котором встречается имя строителя Феодорита с припиской, что впоследствии он - владыка Тверской и Кашинский. Мы попытались выяснить, где еще в архивных документах XVI века, встречается это имя. Оказалось, что в списке тверских владык было два Феодорита: один - в XIII веке, а вот другой - в 70-х годах XVI века. Указывается, что с 1573 по 1578 годы был он епископом Тверским и Кашинским, до этого же, с 1571 по 1573 годы, настоятельством в Макарьевском Калязинском монастыре. А вот в Калязин монастырь он прибыл из обители Святителя Николая Чудотворца, где был строителем. Для нас крайне интересно, из какой именно Николаевской обители пришел он в Калязин монастырь. Никто из исследователей до сих пор не обратил внимания на этот факт, а, между тем, факт этот крайне интересен и вполне может служить доказательством, что Феодорит был строителем того древнего Николаевского монастыря, который существовал до разорения литовского и возможно был продолжением самого первого, Иоанновского монастыря. Если наши предположения окажутся, верны - это позволит сделать вывод, что уже в середине XVI века здесь существовала обитель. Так это или не так покажут, возможно, дальнейшие поиски и изучение архивов Макарьевского Калязинского монастыря, которые, к счастью, сохранились до нашего времени.

Начало XVII века. Смутное время, нашествие поляков и литовцев, Лжедмитрий, гражданская война. Казалось, страна гибнет. Существовала реальная угроза уничтожения Русского государства. Полное безвластие и полное торжество беззакония. Три Лжедмитрия, другие самозванцы, которые выдавали себя за родственников царя. Два года подряд - неурожай: в июне - мороз и снег. Начался голод, разбой, кризис власти, беззаконие. Нужно было какое-то начало, какая-то объединяющая сила. Единственная сила, которая, как и прежде, во время татаро-монгольской раздробленности, могла объединить народ, это была Православная Церковь. Не надо забывать, однако, что польская интервенция - это в то же время католическая интервенция. Цель вполне определенная - насадить на Руси католичество и подчинить Русь Римскому Папе. В такой ситуации требовалось личное мужество. Патриарх Гермоген рассылает по городам и селам бесстрашные воззвания к защите Отечества («грамотки»), призывающие русский народ к освобождению Москвы от врагов и избранию законного русского царя. Святого патриарха Гермогена насильно свергают с патриаршего престола и заключают под стражу в Чудов монастырь. Уже из заточения обращается он с последним воззванием к русскому народу, благословляя освободительную войну против завоевателей: *«Пишите в Казань к митр. Ефрему. Пусть пошлет в полки к боярам и к казацкому войску учительную грамоту, чтобы они стояли крепко за веру и не принимали Маринкина сына на царство. Я не благословляю. Да и в Вологду пишите к властям о том и к Рязанскому владыке. Пусть пошлет в полки учитель-*

ную грамоту к боярам, чтобы унимали грабеж, сохраняли братство и как обещались положить души свои за дом Пречистой и за чудотворцев и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишете, что сына Маринкина отнюдь не на царство. Везде говорите моим именем»¹⁸. Священномученика Патриарха Гермогена, в конце концов, уморили голодом в подвалах Чудова монастыря в Московском Кремле. Одним из оплотов этой национально-освободительной борьбы была Троице-Сергиева Лавра. В тяжелых условиях выдержали монахи 16-ти месячную осаду польского войска и выстояли. И сегодня мы можем видеть следы тех трагических дней. На воротах внутри Троицкого храма, рядом с ракой Преподобного, имеется пробоина от ядра, выпущенного из польской пищали. Ядро попало в икону Святителя Николая, практически не повредив ее. Сейчас на этой иконе в месте удара ядра небольшая железная заплатка. Козьме Минину трижды являлся преподобный Сергей Радонежский, в свое время сыгравший выдающуюся роль в объединении русских земель еще при татарах. И вот Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский ведут ополчение на поляков, освобождать Москву, защищать Святую Русь. В 1613 году на три века возвращается династия Романовых. Первым Романовым становится Царь Михаил Феодорович, сын митрополита Филарета Никитича Романова, нареченного Патриархом после смерти Патриарха Гермогена. Царь молод и малоопытен. Поэтому, пока жив Патриарх Филарет, государственная политика определяется в тесном контакте с Святейшим Патриархом.

11

Таковы некоторые события нашей истории на протяжении неполных пятидесяти лет, но и они уже заставляют задуматься, какую огромную роль играла Церковь в судьбе нашей страны, насколько тесно переплетена история Русской Православной Церкви с историей нашего государства. Примеров тому можно привести множество. Мы обязаны знать это и помнить об этом.

Что же происходит в Берлюках в те далекие времена? Начало XVII века – это начало официальной истории обители. Предание о Николаевской Берлюковской пустыни стало известно из рукописных тетрадей настоятеля архимандрита Венедикта (1829-1855), который был крайне любознательным человеком, очень интересовался историей пустыни, собрал воедино все древние документы, старательно переписал их, вел тетради, которые собирался опубликовать, однако, внезапная смерть помешала осуществлению этого замысла. Смог сделать это только настоятель игумен Нил (1870-1880), издав все собранное отцом Венедиктом. Сами рукописные тетради Венедикта до нас не дошли, но все собранное и написанное отцом Венедиктом по-прежнему является основным источником сведений об истории обители. Это было первое официальное историко-статистическое описание монастыря, известное, как «Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни» настоятеля Нила (Сафонова). Оно издавалось дважды: в 1875 году – в журнальном варианте и отдельной брошюрой и в 1889 году – уже переработанное и дополненное. В архиве сохранился еще один документ, составленный послушником монастыря Павлом Розановым в 1854 году под названием «Сказание об основании

Берлюковской пустыни и о существовании оной до сего времени» с припиской, что «заимствовано из устных преданий и народных рассказов»¹⁹. Несомненно, Павел Розанов писал с тетрадей о. Венедикта и по его благословию, но он также пользовался и различными документами, не дошедшими до нас, а, главное, имел возможность выслушать старцев монастыря и опросить местных жителей. В 1898 году при о. Адриане Леонид Иванович Денисов выпускает третье историко-статистическое описание Николаевской Берлюковской пустыни под своим именем, где пишет, что оно опирается на предыдущие, но существенно переработано и дополнено. Было еще и рукописное описание, которое нигде не издавалось и не сохранилось до нашего времени, хотя, сведения из него, вероятно, вошли частично в описание Леонида Ивановича, который упоминает в своей работе об этом рукописном документе.

12

Итак: «Основание обители сея относят к началу XVII века, - но взгляд на первоначальное развитие оной нимало неотраден. Подобно сеющему семена свои со слезами, основание ея положено среди плачевных бедствий, коим подвержена была Матери градов Москва и окрестныя населения. Поляки и другие буйныя скопища злодеев, во время самозванцев, не щадили и самых священных обителей. Утешительно только то, что слабый начаток пустыни освящен благодатным присутствием Святителя Николая – в Его Чудотворном лике. Две старицы, убегая из разоренного поляками Пречистинского Успенского монастыря, вынесли древний образ Угодника Божия. Как верный хранитель в напастях, Он направил их шествие к тому месту, где скрывался некий старец священной схимник Варлаам, от тех же гонений. Инокнии вручили ему святую икону, которую о. Варлаам принял с благоговением как священный дар и внес в ту часовню, при которой водворился. Молва пронеслась и жители окрестных селений притекали к скорому в бедах помощнику и изливали теплые молитвы пред св. Иконою. Усердие и любовь к Святителю Христову – подвигли некоторых Боголюбцев к пожертвованию для устройства каменной церкви, которая в начале царствования Михаила Феодоровича и сооружена в память Святителя Николая, от чего и пустынь называется Николаевскою. Впрочем, при новопостроенной церкви еще не было угодий, чем бы могли содержаться иноки, - а по кончине старца Варлаама, не нашлось преемника, который бы исходототайствовал пред правительством участок земли на открытие обители. Почему церковь оставалась запустелою до времени, когда угодно было Промыслу воззвать оную на чреду ей предназначенную. Правда, временно поселялись на монастырище некоторые из простолюдинов, отшельников, но они не могли восполнить оскудение запустевающей пустыни, требуя сами от других подаяния на пропитание. В числе таковых был некто старец, живший в пещере, которую сам называл берлогом, а потому всеми знавшими его прозван Берлогом, а потом Берлюком, от чего и донныне самая пустынь в простонаречии именуется Берлюковою»²⁰. В этом уникальном документе есть ответы на многие вопросы. Послушник Розанов очень обстоятельно рассказывает, как сложилось название монастыря, рассказывает о его первых подвижниках. Попробуем разобраться во всем этом поподробнее.

Иеросхимонах **Варлаам** пришел в эти места около 1606 года. *«Можно думать, что он был пустынножителем и подвизался в одиночестве, так как нет и намек на существование обители»* - напишет Л.И.Денисов²¹. Однако, если храм святителя Николая Чудотворца существовал здесь задолго до «разорения литовского» (из документов обнаруженных братьями Холмогоровыми), значит, отец Варлаам пришел сюда не на пустое место. Старец знал, что здесь существовал и храм, и погост, и что жили здесь прежде монахи. Скорее всего, речь шла все-таки о возобновлении монашеского жительства. Во время смуты здесь сожжено было все, включая поселение Берлино и храи святителя Николая Чудотворца - так было везде, где проходили тогда польско-литовские завоеватели. Остались только пещеры и кладбище, которое и указывает нам на то, что монастырь здесь возможно когда-то был, то есть места эти были уже намолены, почему старец Варлаам здесь и поселяется. На берегу озера он ставит крест и копает землянку. Тогда рядом с крестом забил святой источник, тот самый, который сохранился до наших дней. Здесь же он строит и деревянную часовню, где ставит древний образ Святителя Николая Чудотворца. И часовня и источник посвящаются Святителю Николаю - об этом рассказывает тот же документ 1613 года, приведенный братьями Холмогоровыми.

Древний образ Святителя Николая принесли сюда две старицы, престарелые монахини – **Евдокия и Иулиания**, которые пришли из Предтеченского Успенского женского монастыря, разоренного и сожженного поляками в 1606 году (теперь на этом месте стоит храм Живоначальной Троицы в г.Лосино-Петровский). Монастырь тот был основан в 1392 году в 7 верстах от нынешней Берлюковской пустыни, в селе Пречистое. Одна из них была настоятельницей, а другая казначеей этого монастыря. Л.И.Денисов пишет, что отец Варлаам приходит из Стромьинского Успенского монастыря²², также разоренного и сожженного поляками, и выдвигает предположение, что он жил какое-то время при обители. Профессор и библист Д.И.Введенский, автор многочисленных статей и книг по истории Берлюковской обители пишет более конкретно о старце Варлааме: *«В это время, когда поляки и шайки разбойников опустошали города и селения, грабили и сожигали храмы и обители иночские, один из безприютных скитальцев, инок опустошенной врагами обители, иеромонах Варлаам (около 1606 года), пришел в дремучие леса, облежавшие берега реки Вори, и здесь поселился на берегу ее. Это был, по преданию, настоятель Стромьинского Троицкого монастыря, находившегося на месте нынешнего села Стромьини. Покинув разоренный монастырь, старец временно удалился, было, в Успенский девичий монастырь (в 7 верстах от Берлюковской пустыни). Но когда и эту обитель разорили поляки, он ушел в леса, покрывавшие берега реки Вори»*^{22а}. Интересно что, деревня, примыкающая сейчас к Берлюковской обители, называется Авдотьино, а одно из мест неподалеку в лесу - Ульянина гора (Авдотья и Ульяна - то же, что и Евдокия и Иулиания, соответственно). Жизнь в этих местах начинает возрождаться, возвращаются жители. К отцу Варлааму стекается братия из уничтоженных поляками окрестных монастырей. В историческом очерке 1875 года написано: *«Скоро разнеслась молва о пришель-*

цах, о часовне и о находившейся в ней иконе, и дотоле безмолвное место оживилось толпами богомольцев, и дремучие леса огласились звуками молитвенных песнопений»²³. Приходится строить все заново - все сожжено и разорено. Но на пепелище стоять не принято, стали строиться в другом, чистом месте. Так появляется деревня, которую позже и назовут Авдотьино. Позже отец Варлаам строит **новый каменный храм во имя Святителю Николаю Чудотворца** в самом центре старинного погоста, на месте теперешнего Троицкого собора. Место это с тех пор навсегда станет местом главного храма Николаевской Берлюковской пустыни. 1613 год – год постройки и освящения храма Николая Чудотворца. Но это, также, и год окончания смуты и воцарения Дома Романовых на российском престоле. **Таким образом, храм, построенный отцом Варлаамом, стал одним из первых, указ, об освящении которого подписал Царь Михаил Федорович, первый из Династии Романовых, вззошедший на российский престол.** Вскоре иеросхимонах Варлаам уходит в вечность. Дата его кончины неизвестна, но, видимо, произошло это почти сразу после освящения храма. Места его погребения мы также не знаем. Как отмечает Л.И.Денисов: *«всеобщее мнение таково, что благочестивый старец опочил здесь, при созданном им храме»*²¹, во всяком случае, с того времени лес, в котором находился храм, стали называть Чернецким или Черничьим (*чернец* – инок, монах). Более подробных сведений о старце Варлааме пока не найдено.

Рассказывая о тех давних временах нельзя обойти молчанием и еще одно имя - даже давнее название обители. После смерти о. Варлаама сюда продолжают приходить желающие уединенной отшельнической жизни. В описании Павла Розанова говорится о некоем **Берлюке**²⁴ - человеке, имя которого вошло в название обители наравне с именем Святителю Николаю Чудотворца. Считается, что был он отшельником, жил в пещере (там, где впоследствии образовался Предтеченский скит), многие из окрестного населения его знали и почитали за старца. Эта версия кажется нам наиболее вероятной, так как известно, что к описанию истории монастыря Павел Розанов подошел со всей тщательностью и использовал многие не известные нам источники. Хотя, вполне вероятно, что человек этот получил свое прозвище по местности, где жил - бывшее поселение Берлино. Существуют и другие версии: *«Начну свой рассказ с местности, расположенной километрах в двадцати западнее села Стромьины, - с так называемых Бирлюков (Берлюков), т.е. с бывшей Бирлюковской пустыни. Это бывшее монастырское поселение расположено на высоком берегу реки Воря (приток Клязьмы). Возникло оно во времена Смуты на Руси, в начале X VII века, из небольшого Никольского погоста, основанного неким монахом Варлаамом. И вот будто бы близ этой погостской церковки поселилась разбойничья шайка во главе с атаманом Бирлюком (вероятно от понятия «бирюк» - угрюмый, нелюдимый человек), которые занимались разбойным промыслом на пролегавшей близ этого места Стромьинке. Поселились же они на погосте будто бы уже как отшельники, отрешившиеся от своего греховного промысла и обратившие все свои помыслы и сокровища награбленные на спасение своих душ, на замаливание своих*

тяжких грехов. С тех пор прозвище разбойного атамана и осталось навечно названием разросшегося затем монастырского поселения»²⁵. Тогда, вскоре после смуты, подобное не было редкостью. Есть предположение, что именно так появилась и знаменитая Козельская Введенская Оптина пустынь: первоначально в тех местах обитал раскаявшийся разбойник Опта. Возможно, покаявшийся Берлюк пришел к отцу Варлааму и предложил принять от него деньги на строительство каменного храма, впрочем ему и свою кающуюся душу. Такое предположить логично: кто-то должен был дать средства на новый храм, ведь двухтысячного населения в этих местах уже к тому времени не было. Если рассматривать эту версию, то название обители можно трактовать следующим образом: в первой части названия вспоминается икона и святой, в честь которого были освящены и первая часовня, и источник и новый храм, а вторая часть названия, возможно, возникла в воспоминание о человеке, вступившего на путь покаяния.

О существовании нескольких версий говорится и в историческом описании 1875 года: *«Одни почитали его за убогого пустынножителя и отшельника, а другие подозревали в нем человека недоброго, начальника Станичников, каковыми почитали обитателей опустелого монастырища. Иногда видели Берлюка стоящим при большой дороге на груди его висела икона Святителя Николая, одна рука опиралась на старческий посох, а другая простиралась к ходившим и проезжавшим Стромынкую и испрашивала скудную милостыню для хлеба насущного. Это была светлая сторона жизни этого неведомого старца. О нем ходили еще и другие смутные слухи, что будто бы он иногда, под вечер, выходил на большую дорогу, но только уже не для того, чтобы испрашивать милостыню, а чтобы силою отнимать у проходивших и проезжавших, что мог, при помощи своих соумышленников, и счастливыми почитали себя те, которым удавалось живыми избить от злодейских рук его»*²⁶. Таким образом, Берлюк в народном предании представлен и как старец-пустынножитель, и как предводитель разбойников, как покаявшийся разбойник, усердно собирающий милостыню на обитель, и как разбойник, который жил на старом монастырище и продолжал свои злые дела. Есть и другие версии об этом историческом персонаже, однако их и версиями назвать вряд ли возможно, но, скорее, романтическими легендами, которые так любят создавать и передавать старожилы. Любопытно, что именно такие предания глубоко входят в людское сознание и так живучи, что многие до наших дней уверены в их правдоподобности. Конечно, любопытно слушать рассказы о поисках зарытых кладов и пр., но все же ничего общего с подлинной историей подобные «истории» не имеют. Мудро об этом написал о. Нил (Сафонов): *«Нет сомнения, что воображение народное многое дополнило и украсило вымыслами, чтобы придать более вероятия этому народному сказанию, но нельзя же и вполне отвергать преданий; ибо, в основании и самых вымыслов всегда, как зерна, лежат истинные события»*²⁷. И все же, вероятнее всего, Берлюк или Бирлюк был отшельником, подвизавшимся в пещерах. Также вполне можно допустить, что именно с его помощью иеросхимонах Варлаам воз-

двиг храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Угодник Божий Николай Чудотворец сам направил стариц Евдокию и Иулианию со своей иконой к этому месту. Несомненно, то было промыслительно, как и то, что обитель получила в наименовании своем два имени: Святителя Николая Чудотворца по святой иконе его и неведомого Берлюка. Значит, труд сей, и жизнь Берлюка приняты были Богом как спасительные. Повторим: ни одно из этих преданий до сих пор не подтверждено документально. Никаких источников, подтверждающих реальное существование этой личности, пока не найдено. Но, во всяком случае, кто-то на этом пепелище после смуты поселяется.

Существует несколько упоминаний о Берлюковской пустыни, относящихся к XVII веку:

«В Приказе Большого Дворца, в писцовых книгах Московского уезда 7139 (1631) и 7140 (1632) годов записано: В Черноголовской волости пустошь, что было сельцо Берлино, на речке Воре, пашни худые земли церковные, что был Храм Николы Чудотворца, семь четьи в поле, а в двух по тому ж, да сена церковна 30 копен, пашет и косит из оброку деревни Васютиной крестьянин Ивашко Петров, а оброк платит в казенный Патриарший Приказ»²⁷.

16

«В дозорных книгах № 141 за 7188 (1680) год записано: Николая Чудотворца церковная земля, Черноголовской волости в пустоши, что было сельцо Берлино на речке Воре, от Москвы в 35 верстах, около кладбища пашни пахотной худой земли десятины 3, лесом поросло десятины с 4, сена копен на 30 волоковых, земля на оброке у крестьян села Пушкина оброка 15 алтын»²⁷.

Как видим, везде упоминается пустошь в Черноголовской волости, бывшее село Берлино на речке Воре, пашни и церковные земли храма Николая Чудотворца, но ни в одном из этих документов нет упоминания о селе Авдотьино. Название это возникло уже позже. Таким образом, мы имеем право, говорить, что в XVII веке здесь существует небольшая обитель, «сельский монастырь», с храмом Николая Чудотворца, вокруг которого и теплится жизнь. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) недавно был обнаружен план Николаевской Берлюковской пустыни XVII века. Это первый дошедший до нас план - очень интересный, цветной, раскрашенный и очень подробный, обозначено все, вплоть до дерева, надписаны даже названия деревьев: рябина, береза. На плане ясно видно, что это действующий монастырь. Дубовая деревянная ограда, вход в монастырь находится там же, где и сейчас. Таким образом, нынешние Успенские ворота - это исторические центральные ворота обители. Единственный храм, каменный храм святителя Николая Чудотворца, расположен на месте нынешнего Троицкого собора, келья настоятеля каменная. На Ворю выходят хозяйственные постройки. Посреди Вори остров, на нем кожевенный завод. За оградой, рядом со святыми воротами, «гостиные кельи», два дома. Это значит, что уже в XVII

веке здесь ночевали паломники, и таких было не мало, то есть пустынь хотя и уединенная, но не такая уж и маленькая.

XVIII столетие вписало новые страницы в историю обители. В 1701 году после смерти последнего Патриарха Адриана, Николаевская земля изымается из ведения Патриаршего казенного приказа и приписывается к Московскому Чудову монастырю: *«Там были выстроены конный и скотный дворы, присланы были на жительство два семейства монастырских крестьян и несколько человек братии под начальством Настоятеля Пахомия»*²⁸. Назначение настоятеля, присылка монастырских крестьян и братии указывает на то, что речь едва ли шла об обычной сельской приходской церкви, но именно как о небольшом монастыре. К этому же времени следует, вероятно, отнести **рождение деревни Авдотьино**. Берлино было сожжено и крестьяне, пришедшие с отцом Пахомием из Чудова монастыря, были присланы сюда специально для возрождения подмонастырской слободы. Они-то, крестьяне московского Чудова монастыря, и стали первыми жителями деревни Авдотьино. Таким образом, **о. Пахомий** – первый известный нам официальный настоятель Николаевской Берлюковской пустыни. Впрочем, эта зависимость от Чудова монастыря продолжалась недолго, ибо: *«нашелся некий боголюбивый мирянин, купецкий человек, Вукол Мартынов, тяглец мещанской слободы, изъявивший желание свое, по обещанию выстроить вновь храм во имя Святителя и Чудотворца Николая, и ему выдан был храмозданный указ, за подписью Казначая Синодального Дома, Антония»*²⁸. Однако, по неизвестной причине, строительство храма в тот год так и не началось. И только в 1714 году благотворители предпринимают вторую попытку выстроить храм. Московской Духовной Дикастерией выдается указ за подписью архимандрита Златоустовского монастыря Антония на строительство храма. Во главе группы вкладчиков указан Викула Мартынов. Документ гласил: *«И того же 1714 года, мая в 31 день, по указу великаго государя, а по челобитью Мещанской слободы тяглеца Викулы Мартынова со вкладчики, велено им на вышеписанной церковной Николаевской земле построить вновь церковь Николая Чудотворца, а покаместа та церковь станет строиться и с той земли имать с него, челобитчика, оброчными деньгами. И июня в 1 день, те деньги на нынешний год взято»*²⁹. На этот раз, строительство увенчалось успехом. Уже через год: *«1715 года, сентября в 14 день, по указу великаго государя и по помете на челобитной казначая иеромонаха Антония Яковлева, велено новопостроенной церкви во имя Николая Чудотворца, которую построил по обещанию своему Мещанской слободы тяглец Викула Мартынов в Московском уезде в Вохонской десятине, на пустынной церковной Николаевской земле... дани 31 алтын 4 денги и те данныя деньги велено имать с нынешняго 1715 год»*³⁰.

17

Братья Холмогоровы предполагают, что сразу после строительства храма Николая Чудотворца Викула Мартынов постригается в монашество в Николаевской Берлюковской пустыни и в 1719 году он уже **строитель Василий**. Такое предположение, братья Холмогоровы делают на основании документа 1719 года, где говорится о строительстве церкви Иоанна

Богослова на месте часовни, приписанной к Николаевской Берлюковской пустыни. На документе есть резолюция Преосвященного митрополита Стефана (Яворского) о том, что некий монах Троице-Сергиева монастыря Питирим должен смотреть за строительством, но при этом все свои действия согласовывать со строителем Василием: «*дать указ против челобитья о строении и освящении церкви Божии и антиминс выдать, устройства той церкви быть монаху Питириму, токмо с благословения Николаевской пустыни строителя Василия. Может быть, этот строитель Василий и был тот самый Викула Мартынов, который в 1714 году соорудил церковь во имя Николая Чудотворца*»³¹.

Николаевская Берлюковская пустынь в первой половине XVIII века.

В 1719 году церковь Святителя Николая Чудотворца становится уже обителью и называется Николаевской пустынью. С 1719 по 1731 годы строителями обители были иеромонахи Диодор, Серапион, Никифор.

18

Иеромонах Диодор - пришел из того же Стромьинского Успенского монастыря, что когда-то и старец Варлаам. От тех дней сохранился в монастыре колокол 1721 года с такой надписью: «*Сей колокол дал вкладу московский житель Емельян Ануфриев с сыном Акинфием Емельяновым в Московском уезде в Николаевскую пустыню, что на реке Воре весу в 12 пудов при настоятеле Диодоре*». В богоборческое время все берлюковские колокола погибли, кроме этого, «диодоровского». Правда, когда его сбрасывали, он пострадал и не может радовать нас своим звучанием, однако в монастыре есть теперь его точная копия.

Иеромонах Серапион - о нем нам практически ничего неизвестно.

Иеромонах Никифор - «*...родом из крестьян, был постриженником Богословской пустыни. В определении его принимала деятельное участие Царица-инока (первая жена Петра, Евдокия Феодоровна Лопухина). За самовольное пострижение монахов он содержался в Московской Духовной Дикастерии под караулом и бежал. Вероятнее всего, что ему не столько повредило его собственное самочиние, сколько опаснейшее покровительство Царицы, не редко навлекавшее несправедливые подозрения и подвергавшее величайшим бедствиям людей совсем безвинных. Никифор долго скитался по различным монастырям, укрывался несколько времени в Саввино - Сторожевском монастыре, имел неосторожность пробраться в Санкт – Петербург, где снова был схвачен, взят под стражу, содержался в Невском монастыре, бит плетьюми, и наконец сослан в заточение в Богословскую пустынь и, вероятно, там и окончил печальные дни свои*»²⁸.

Монашескую жизнь о. Никифор начал в Богословской пустыни, в с. Богослово, в четырех км от Богородска (Ногинска) (на этом месте теперь стоит Успенская церковь, построенная в 1826 году). Назначение его строителем в Берлюки состоялось действительно во многом благодаря первой супруге Царя Петра I - Евдокии Феодоровне Лопухиной. Ее имение расположено было неподалеку, на другом берегу реки Вори, в деревне Саввинское (нынешние Савинки). Возможно даже, о. Никифор был одним из ее духовников. Как видим из описания, причин гонений на берлюковского строителя было две: близость к опальной царице и пострижение в монашество без высочайшего разрешения. Не лишним, наверное, будет пояснить, почему в то время имели место такие «самовольные» постриги.

Время правления Императора Петра Великого было тяжелым временем для Церкви. Изложение противоречивых и сложных обстоятельств в жизни самого императора, а также исторических событий, послуживших причиной такой политики русского царя по отношению к Церкви, не входит в нашу задачу. Итак, после смерти Патриарха Адриана (1700 г.) началось жесткое подчинение Церкви государственным интересам. Император отменил Патриаршество и назначил митрополита Рязанского и Муромского Стефана (Яворского) местоблюстителем Патриаршего престола. Духовное руководство в стране осуществляется архиепископом Новгородским *Феофаном (Прокоповичем)* - ревностным защитником идеи неограниченного самодержавия, для которого власть монарха всегда была выше власти духовной. Протоиерей Георгий Флоровский дает ему следующую характеристику: «человек жуткий», «типический наемник и авантюрист», однако «был умен и учен», был «истым любителем и ревнителем всякого «просвещения», но сочинения его пропитаны духом западной реформации, он «не чувствует, не замечает мистической реальности Церкви»³². Архиепископ Феофан пишет сочинение «Правда воли монаршей», где содержится утверждение, что самодержавной власти царя должно принадлежать все, вплоть до права передавать престол не по наследству, а по собственному произволению. Там же предлагается регламентировать и народные обычаи: порядок пиршества, погребения и другие события быта, что никогда прежде не было предметом законодательного регулирования. Такое же отношение и к делам церковным. В 1720 году архиепископом Феофаном был составлен «Духовный Регламент», названный так потому, что каждой Коллегии, которыми, по петровской реформе, заменялись прежние Приказы, надлежало иметь свой регламент. Патриарха также следовало заменить «духовной коллегией», которая и должна была отныне управлять всеми церковными делами. Началось жесткое подчинение Церкви государственным интересам. В 1721 году был учрежден Святейший Синод. Название это происходит от греческого слова, которое означает «собор», в воспоминание о прежнем титуле Патриарха добавлено - «Святейший»³³. Во главе Синода был поставлен митрополит Стефан (Яворский), у которого к тому времени уже наметились разногласия с Императором Петром. Главным проводником политики

императора в Синоде становится архиепископ Феофан. Один за другим издаются указы, жестко регламентирующие жизнь Церкви: ограничивается литье колоколов, запрещается строительство часовен и постройка поклонных крестов, запрещаются крестные ходы. Наконец, выходит указ о жестком регулировании монашеских постригов - в монашество постригают отныне только с разрешения Святейшего Синода, но получить такое разрешение непросто. Установлен длинейший список разного рода ограничений, благодаря которым для здорового человека работоспособного возраста добиться разрешения на постриг становится крайне затруднительно. Фактически, беспрепятственно в монахи разрешается постригаться старикам, калекам и инвалидам. В 1724 году Император Петр I подписал указ о монашестве и монастырях, по которому монастыри должны были выполнять практические социальные задачи, при этом духовная сторона отодвигалась, как второстепенная. Так, московские монастыри – Чудов, Вознесенский и Новодевичий должны были принимать больных и старых, Перервинский – превращался в учебный центр, Андреевский - в воспитательный дом для подкинутых младенцев. Доля истины в петровском указе была, однако, забыто было главное: *«... не обремененные знаниями, не бесплодные духом двигают вперед дело веры, а праведники, чтимые народом, ... те люди, для которых вернейший путь – монастырь, каким он сложился в прежней Руси»*³⁴. Российский историк Евгений Викторович Анисимов (р.1947 г.) пишет: *«Нетерпимый ко всякому инакомыслию, даже пассивному сопротивлению, царь не мог допустить иной образ жизни, чем тот, который проповедовал сам Петр и который он считал лучшим для России»*³⁵.

В монашеской среде реформы вызвали большое сопротивление и недовольство. Не поддерживал новых веяний и берлюковский строитель Никифор.

Стронтель Носня

Нам предстоит перевернуть трагическую страницу в дореволюционной истории обители.

В годы правления Императрицы Анны Иоанновны (1730 – 1740) продолжилось ужесточение политики государства по отношению к Церкви, начатое при Императоре Петре I. Церковный историк Антон Владимирович Карташев (1875 – 1960) так писал об этом времени: *«Закрывались монастыри, и отбиралось в казну их имущество. Вылавливались среди духовенства люди праздные и для государства нужные, сжимался штатный, законный состав семейств и родственников духовенства с принудительной рассылкой по различным школам и со сдачей излишков в военную службу... Наступила полоса заключений в тюрьмы духовенства и*

епископов. Это был методический государственный террор. А при терроре соблазнялись предавать друг друга и сами члены духовенства. Создавалась картина какого-то страдания от нашествия иноплемеников... До истязаний большевизма эти жалобы и картины Аннинского времени казались даже несколько преувеличенными и неправдоподобными»³⁶. В 1732 году Святейший Синод издает указ, предписывающий монастырям завести переписные книги, в которые вписывать всех монахов с обозначением имени, места и времени пострижения и посвящения в церковные степени. Книги эти должно было иметь в трех экземплярах, в монастыре, при архиерее и в Синоде. Важно, что монахи, таким образом, закреплялись за теми монастырями, где их застал указ, устанавливался жесткий контроль над всеми переходами монахов из монастыря в монастырь, которые разрешались только по указу из Святейшего Синода.

Преемником строителя Никифора становится **иеромонах Иосия (Самгин)** (годы настоятельства: 1731-1734). Жизнь этого человека заслуживает отдельного повествования. Попробуем коротко рассказать о нем и о непростом времени, в которое ему довелось управлять Николаевской Берлюковской пустыней.

В историческом очерке 1875 года читаем: «*Иосия, в мире Яков, Елатомский уроженец, купеческого происхождения, по прозванию Самгин, родился, вероятно, около 1680 года, на 19 году от рождения вступил в Саровскую пустынь, где и был пострижен в монашество в 1709 году, при строителе Иоанне, а в 1716 году, по благословию митрополита Рязанского, Стефана Яворского, посвящен в иеродиакона*»³⁷. Есть об этом и иное свидетельство, что Иосия был взят в Саровскую обитель в 1711 году, по личной просьбе Царевен Марии Алексеевны и Феодосии Алексеевны, сестер Императора Петра³⁸. В 1716 году иеродиакон Иосия был выбран на казначейскую должность в Саровской пустыни. Саровский строитель иеросхимонах Иоанн (Попов) с большим доверием относился к отцу Иосии, уезжая из обители по монастырским делам, он всегда оставлял отца Иосию вместо себя, и даже видел в нем своего преемника; это был один из любимых его учеников. Как-то случилось отцу Иосии тяжело заболеть. Отец Иоанн как раз был в отъезде в городе Санкт-Петербурге, и, получив известие о возможной скорой кончине Иосии, пишет саровской братии: «*Получили мы от вас, чрез письмо ваше, ведомость о крайней болезни Иосии, которая по премногу, даже до смерти, душу мою возмутила и премногим сокращением сердце мое уязвила. И кто ныне даст главе моей воду, да плачуся онаго моего возлюбленного и дражайшаго сына разлучения, его же Дух Святой нашей обители породил, в котором я недостойный в старости своей покою и при смерти утешению бытии надеялся: и се за моя безмерная согрешения лишаюся сего*»³⁹. В случае смерти отца Иосии, отец строитель просит похоронить его: «*Но вы, дражайшие и возлюбленные мои отцы и братия – аще по воле Божией за моя прегрешения не благоволит Бог его ныне в живых увидеть – вы, отец Дорофей и вся братия, до нашего к вам в монастырь прибытия, тела его не погребайте, но по отпетии в церкви*

над телом его панихиды, хотя где в земле у церкви, но в знаменитом месте и пристойном ископайте пещеру, из которой возможно-б гроб его паки вынуть, понеже аще благоволит Бог в обитель нам возвратиться, то купно предадим погребению тело его. 15-го сентября 1727 г.»⁴⁰. Однако в 1730 году происходит между ними какой-то конфликт. Отец Иосия от-решен от должности казначея и просит разрешения уйти в пустынную келью, в лес, неподалеку от Сарова. Там он принимает всех желающих жить с ним, и постригает в монашество: «*Действительно, по перечневой табели 1733 года из 36 монахов 10 числятся постриженными «пустыни правителем иеромонахом Иосиею» в 1731 году*»^{40а}. При пустынной келии отца Иосии возникает небольшой скит. Однако конфликт разрастается, споры не утихают - даже проводятся выборы настоятелей от обеих сторон. Часть братии вынуждает саровского настоятеля собрать собор, где многие: «... *требовали объяснения: для чего он ушел в пустынную келью? Иосия отвечал, что он пошел с благословения начальника*»⁴¹. И даже в документах и описаниях Саровского монастыря того времени указывается: монастырь первый - Иоанновский, монастырь второй - пустынный.

22

В это время берлюковского настоятеля о. Никифора переводят служить в Богословскую пустынь, и место строителя подмосковной обители остается свободным. Отец Иосия знаком был с очень высокопоставленными людьми, которыми и было написано письмо в Московскую Духовную Дикастерию с просьбой, определить его строителем в Берлюки. Ожидая указа о своем назначении, о. Иосия приезжает в Москву и, с благословения архимандрита Евфимия (Коллети), проживает в Московском Чудовом монастыре. Действительно, знакомые о. Иосии были весьма влиятельными людьми, но многие из них были далеко не в фаворе. Отец Иосия дружит с сестрами Императора Петра Великого, глубоко верующими женщинами, Царевнами Марией и Феодосией, только их заступничество помогло ему в свое время постричься в монахи - Царевны выступили тогда его поручителями. Среди его знакомых Анастасия Ермиловна Матвеева, много жертвовавшая на нужды Берлюковской обители, упоминается «*князь Иван Одоевский, вкладчик берлюковский*»⁴². Известно о его дружбе с княгиней Марией Авраамовной Долгоруковой: «*была вкладчицей саровской и берлюковской пустыней, присылала туда разные ценные вещи из церковной утвари и каждый год четвертей по пятидесяти ржи и ярового хлеба, рыбы, масла... ездила по монастырям, зазывала к себе монахов и юродивых*»⁴³. Окормлял он и семью Алексея Васильевича Макарова (1674 – 1750), действительного тайного советника, Андреевского кавалера и кабинет-секретаря Императора Петра. Был вхож к опальной Царице Прасковье Федоровне (1664—1723), урожденной Салтыковой, вдове Иоанна Алексеевича, Царя Иоанна V (1666 – 1696), соправителя и брата Императора Петра Великого. После смерти супруга она проживала в своем дворце, в селе Измайлово. Там собиралось тогда много недовольных политикой Царя Петра I. Царю это, конечно, было известно, но он не трогал вдовую Царицу, ибо навсегда остался Император благодарен своему брату за то, что во время стре-

лецкого бунта, тот не поддавался на уговоры принять трон. Почему-то принято считать, что Царь Иоанн Алексеевич был слаб умом. Это далеко не так, просто его больше интересовали духовные вопросы, нежели власть, а таких людей часто держат за слабоумных. Отец Иосия часто посещает ее дворец, водит близкую дружбу и с московскими юродивыми, которые живут там же. Особенно почитал он юродивого Тимофея Архиповича и часто обращался к нему за духовными советами, всегда и всем ставил его в пример. Правда, о нем мало, что известно, вот читаем: «*А оный Тимофей какого чину был, того он, Иосия, не знает; только слышал он, что был иконописцем и скончался в 1731 году, в мае месяце и погребен в Чудовом монастыре*»⁴⁴. Посещает в Москве о. Иосия и некоего юродивого Ивана, о котором знаем лишь то, что впоследствии общение с этим человеком было поставлено в вину берлюковской братии, но кто он, нам не известно. Взгляды этих людей были близки взглядам о. Иосии, для многих из них он был духовным отцом.

Итак, в октябре 1731 года иеромонах Иосия получает указ о назначении его настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни⁴⁵. Вопрос решился быстро. Вместе с ним приходят и саровские постриженники: иеромонахи Иаков и Сильвестр, а также иеродиакон Боголеп. Так, Промысл Божий соединил духовно две обители. Управляя Николаевской Берлюковской пустыней, иеромонах Иосия, уделял пристальное внимание, главным образом, духовному состоянию братии - нет ни одного документа, который подтверждал бы его строительную деятельность в монастыре. Аскет и бесстрашный защитник православия, не одобрял он усилившегося тогда западного влияния на православие. Отец Иосия был человеком жестким, бесстрашно отстаивал свои взгляды, не боясь никого и ничего. Примером для него были преподобные Киево-Печерские отцы, их твердость в вере: «*В прежния времена печерские святые за неправильных государей и Бога не маливали, не боясь, что за то постраждут*»⁴⁶. В истории известен случай, когда Великий Князь Киевский Изяслав Ярославович, придя к преподобному Феодосию в Киево-Печерскую Лавру, нашел ворота закрытыми, по причине послеобеденного сна, полагавшегося монахам по уставу, и смиренно ждал час у ворот обители. Этот, может быть, несколько курьезный для нас пример, показывает, что есть настоящая симфония отношений Церкви и государства. Отношение братии Николаевской Берлюковской пустыни к новым веяниям предельно четко было сформулировано в историческом очерке 1875 года: «*Ужасное время переживала тогда Россия! Время всеобщей нравственной усобицы всех сословий Государства... время глухой борьбы народного духа с иноземными обычаями, навязанными нам Петром и привносимыми пришельцами*»⁴⁷. Этой волной и захлестнуло Берлюковскую и Саровскую обители, которым было предъявлено обвинение в заговоре против правительства. Следствие вела Тайная канцелярия, восстановленная в 1731 году Императрицей Анной Иоанновной. Именно при о. Иосии монастырь был втянут в большую политическую игру, стал ее невольным участником и жертвой.

Началось все с того, что 13 декабря 1733 года к Ростовскому архиепископу Иоакиму пришел саровский монах Георгий (Зворыкин) и подал ему прошение, в котором выставлял себя отступником от Христа и просил об умирении его грешной души. Преосвященный Иоаким был в то время председателем московской Синодальной канцелярии, так как в 1732 году Святейший Синод и Тайная Канцелярия переехали в Санкт-Петербург, оставив в Москве свои канцелярии. Из прошения Георгия Зворыкина следовало, что случилось это в доме какого-то немца Вейца, в Санкт-Петербурге, что обещал он служить сатане и творить его волю, что этот Вейц дал ему в службу двух бесов в образе людей, которые помогали ему вести разгульную жизнь (впоследствии Зворыкин оставил распутство и принял монашество). Далее он показал, что, придя в Саровскую обитель, уговорил он иеромонаха Иосию оставить его там, открыл все это на исповеди сначала отцу Иосии, как своему духовному отцу, а после его отбытия в Берлюковскую пустынь, иеромонаху Дорофею. Синодальная канцелярия обращается в Синод за выяснением, как вести ей это дело, а Зворыкин продолжает делать откровение за откровением. Поведал он, что и в Саровской и в Берлюковской пустыни почитают юродивого Тимофея Архиповича, и за отправлением церковного правила полагают ему поклоны, и даже: *«монахи носили, в шейных крестах своих, в воску и в платных частицах, волосы, называя их святыми мощами великаго угодника Божия Тимофея Архиповича, и образы его у себя имели, написанные с венцом на бумаге»*⁴⁸. Все это было доложено архиепископу Феофану и вызвало его живейший интерес, особенно же то обстоятельство, что Тимофей Архипович был погребен в Чудовом монастыре, настоятелем которого был знакомый строителя Иосии известный грек, архимандрит Евфимий (Коллети), бывший духовник казенного царевича Алексея Петровича, сына Императора Петра. Синодальная канцелярия сообщила об этом Тайной канцелярии, откуда немедленно последовал приказ - арестовать Зворыкина и вытребовать из Берлюковской пустыни Иосию, Иакова, Сильвестра, Боголепа, а из Саровской - строителя Иоанна и иеромонаха Ефрема. Так *«началось огромное, около 20 лет тянувшееся, дело о саровских и берлюковских монахах»*⁴⁹. При обыске в Саровской пустыни были обнаружены бумаги Зворыкина об отречении от Христа, разрешительное письмо иеромонаха Иосии Зворыкину во всех его грехах, и, главное, запрещенные тетради о монашестве, сочиненные архимандритом Маркеллом (Радышевским), который еще в 1727 году написал опровержение на богословские сочинения архиепископа Феофана, обвинив его в лютеранстве. Маркелл был обвинен и сослан в Московский Симонов монастырь, а сочинения его запрещены. Обнаруженные тетради дали повод архиепископу Феофану заявить Императрице Анне Иоанновне о выявлении государственной измены. 4 апреля 1734 года Тайная канцелярия приказала всех арестованных по этому делу доставить в Санкт-Петербург, а в июне того же года Феофаном был сделан разбор сочинений архимандрита Маркелла, в особенности его тетрадей о монашестве. *«Цель этого разбора состояла в том, чтобы показать, что эта Тетрадь направлена к возмущению народа против Правительства, а из этого необходимо следовало, что читатели ее и переписчики суть крамольники, которые составляют злодейскую фракцию»*⁵⁰. Далее откры-

лось, что сочинения архимандрита Маркелла, ходили среди монашества в Московских Симоновом и Чудовом монастырях, Саровской и Берлюковской пустынях, Николаевском Сольбинском монастыре, имели большое количество почитателей, переписывались от руки и передавались далее. Из допросов монахов стало ясно, что в монастырях не поддерживают новые веяния, да еще и обсуждается это все с благотворителями обитателей. Архиепископ Феофан предложил Зворыкину сговор – написать донос и таким образом избавиться не только от смертной казни, но и от телесных наказаний. Руководителем заговора был объявлен Берлюковский строитель Иосия. Одновременно было предложено расстричь всех монахов и применить к ним пытки, что и было утверждено Святейшим Синодом 12 июня 1734 года. Иеромонах Иосия стал Иаковом Самгиным, иеромонах Иаков – Иваном Кучиным, иеромонах Сильвестр – Степаном Викторовым. Неожиданно Зворыкин объявил, что все его показания об отречении от Христа и все остальное им выдуманно, но было поздно. 31 августа 1734 года расстригли и монаха Георгия - он стал Григорием Абрамовичем Зворыкиным. К арестованным применяли допросы с пристрастием.

Как такового, заговора не было, но, безусловно, ни Берлюковский, ни Саровский монастыри не поддерживали взглядов всесильного Феофана Прокоповича. Стали известны некоторые дерзкие высказывания о Иосии, например, что: *«ныне, как видно, почитай, многие знатные персоны в научения странна и различно уклонилися, и одни похваляют римскую, а другие лютеранскую церковь»*⁴⁶. Стало также известно, что архиепископа Феофана строитель Иосия называл не иначе, как *«ересевводителем»*⁴⁶. Отец Иосия был истинным патриотом и не боялся говорить правду в защиту православия и монашества. Продолжал он совершать постриги в монашество (по-прежнему находившиеся фактически под запретом), не отказывая желающим воспринять ангельский образ: *«Что на то смотреть, что ныне указами постригать запрещено. То тверже нам, что в Евангелии написано, грядущего ко мне не изжену вон»*⁴⁶. Имел Берлюковский строитель и мысли об управлении государственным: *«...так они брегут ли о наших русских крестьянах? Чай хуже собак почитают. Пропащее наше государство»*⁵¹. Слова все эти отца Иосии взяты нами из книги И.А.Чистовича, опиравшегося в своих изысканиях на следственное дело Берлюковской и Саровской братии. В дело это был замешан и упоминавшийся уже Алексей Васильевич Макаров, вкладчик Берлюковского монастыря, человек весьма влиятельный при дворе во времена Императора Петра I и потому неугодный теперь. К его дому приставили караул, допрашивали, отобрали все бумаги. В течение шести лет он с женой и детьми находился под домашним арестом. Сохранились протоколы допросов всей семьи Макаровых по этому делу. Из них стало известно, какую большую роль сыграл о. Иосия в тяжелый для жизни этой семьи момент. В 1733 году у Макаровых умирает любимая дочь. Отец Иосия сумел найти слова для безутешной матери, фактически удержав семью от катастрофы. С тех пор он становится духовником этой семьи и близким человеком в их доме. Анастасия Ивановна Макарова собственными руками вышивает парчовый покров необыкновенной красоты, лежавший на гробе дочери, и, по совету сво-

ей сестры Евдокии Одоевской, передает его в Берлюковскую пустынь. Из материалов следствия мы знаем, что связям берлюковского настоятеля с этой семьей уделялось большое внимание, но никого о. Иосия не оболгал и не нарушил тайну исповеди. В апреле 1734 года о. Иосия был отрешен от должности, 16 августа 1734 года к нему были применены жестокие пытки, он был поднят на дыбу (орудие пытки, на котором тело истязуемого растягивали). Поведение берлюковского строителя было стоическим. Господь попустил отцу Иосии тяжкий путь страданий за веру. Настоятель Николаевской Берлюковской пустыни прошел по этому пути до конца: его били, его трижды поднимали на дыбу, а дыба - это страшная вещь. Он ни от чего не отказался.

В это время четверо берлюковских монахов – Никодим, Иринарх, Федосий и Серафим, запуганные следствием, доносят в московскую Синодальную канцелярию о том, что были пострижены строителем Иосией без предварительного трехлетнего искуса. Святейший Синод создает комиссию для проверки Берлюковской обители, во главе с архимандритом Павлом, настоятелем Владимирского Рождественского монастыря. Выясняется, что в Берлюках почитался юродивый Иван, часто приезжавший туда и гостивший в настоятельской кельи, про которого о. Иосия говорил, что он праведной жизни и у которого призывал просить благословения. Такая крайняя степень аскезы, как юродство, часто вызывает вопросы у властей, а уж тем более во времена правления Императрицы Анны Иоанновны. Все берлюковские монахи были арестованы и допрошены с пристрашием.

26

17 января 1735 года состоялось определение Святейшего Синода, по которому велено было: *«монахов и трудников берлюковской пустыни разослать куда указы повелевают, московское подворье берлюковской пустыни продать и деньги отдать в монастырь, куда из оной пустыни церковную утварь и прочее церковное имение отдать велено будет»*⁴³. В 1737 году в застенке Тайной Канцелярии в Санкт-Петербурге умер саровский первоначальник иеросхимонах Иоанн. Расследование этого дела продолжалось даже после смерти архиепископа Феофана в 1736 году. И только 13 декабря 1738 года по делу был вынесен окончательный приговор. Высочайшим указом Императрицы Анны Иоанновны велено: *«Расстригу Якова Самгина (иеромонах Иосия) вместо смертной казни, бить кнутом и, с вырезанием ноздрей, сослать в Камчатку вечно. Расстригу Ивана Кучина (иеромонах Иаков) бить кнутом и сослать на Сибирские казенные заводы на работу вечно. Расстригу Степана Викторова (иеромонах Сильвестр) отослать в Военную Коллегию для зачисления в писаря. Расстригу Григория Зворыкина (монах Георгий) вместо смертной казни, сверх бывших ему розысков, бить кнутом нещадно и, с вырезанием у него ноздрей, сослать в Охотский острог на работу вечно... Иеродиакону Боголепу, за вины ж его, лиша его монашеского чина, называться Борисом Степановым, вместо кнута учинить нещадное наказание плетьюми и отослать в Военную Коллегию для зачисления в солдаты. Никодима (берлюковский монах) и Пахомия (монах Николо - Сольбинского монастыря), вместо кнута, бить*

нещадно плетями и послать к неисходному жительству в дальнейшие монастыри, по усмотрению Св. Синода»⁵². Мы привели лишь небольшой список людей пострадавших в этом деле, имевших непосредственное отношение к Берлюковской обители. Всего пострадавших было около 50 человек, сколько же людей было сломлено, просто уничтожено в ходе следствия, сколько пострадало их родных, близких и друзей – Господь знает.

В 1741 году на престол взошла Императрица Елизавета Петровна. Многие осужденные и сосланные в правление Императрицы Анны Иоанновны, получали помилование и освобождались. 13 мая 1742 года получил освобождение и берлюковский монах Сильвестр (Степан Викторов), с возвращением ему монашества. В 1743 году саровская братия предприняла попытку вернуть саровских и берлюковских монахов из ссылки. Игумен Дорофей (Замятин) обратился в Святейший Синод с прошением на Высочайшее Имя. Он просит о Ефреме, Аароне, Иакове, Боголепе и Феофилакте и, конечно, об Иосии, которого выделяет особенно: «...дабы повелено было высочайшим указом, возвратить их по прежнему в нашу пустынь, из них иеромонаха Иосию (Самгина) определить, вашего и.в. указом, на мое строительское место, во оной пустыни строителем, того ради, что я нижайший, за старостию своею и дряхлостию, в строительстве более быть не могу; а он, иеромонах Иосия, в том строительстве быть достоин и той нашей общежительной пустыни устав в настоящем сохранении нерушимо содержать может, ибо он пострижен в той нашей пустыни и жительство он имел долговременное в добродетельном житии и безпорочно»⁵³. Как видим, прошли годы, прошли и нестроения, бывшие когда-то в саровской братии. Наказание, понесенное Иосией, многократно искупило все давние обиды. Ведь игумен Дорофей присутствовал при всех неурядицах, случившихся тогда среди саровской братии, и очень хорошо знал всех фигурантов этого дела, включая, конечно, и о. Иосию. И именно его саровская братия и о. Дорофей, будучи уже в преклонном возрасте и больным, хотят видеть своим первоначальником. В 1744 году в Саровский монастырь прибыл Григорий Зворыкин с определением Московской Духовной Дикастерии к настоятелю Дорофею: «быть ему у тебя, Настоятеля, в послушании монастырском»⁵⁴.

27

4 февраля 1745 года в московскую Синодальную контору прибыли: «бывшие Берлюковской пустыни Строитель Иосия и Иеромонах Иаков, предъявили им из Сибирской Губернской Канцелярии паспорта, просят о возвращении им Иеромонашеского сана и об определении их в монастырь в число братства»⁵⁵. Пока шло разбирательство между инстанциями, жили они в Московском Донском монастыре, а 22 марта 1745 года последовал ответ из Тайной Канцелярии, за подписью графа Ушакова: «...о свободе их из ссылки в Тайной канцелярии не токмо указу, но и известия не имеется; а потому, взяв их, Самгина и Кучина из Донского монастыря, а Зворыкина из Саровской пустыни, в контору Тайной канцелярии...всех троих, на ямских подводах, немедленно в Сибирь, по-прежнему, а именно: Самгина – в Камчатку, Зварыкина – в охотский острог, Кучина – на сибирские казенные заводы, в работу вечно»⁵⁶. Далее о судьбе берлюковского строителя Иосии и иеромонаха Иакова ничего неизвестно, а Зворыкин

Григорий Абрамович 10 марта 1745 года умер в Саровском монастыре. Из всех невинных страдальцев уцелел только иеромонах Ефрем. В 1752 году он был возвращен из ссылки, а в 1755 - ему вернули монашеский чин. Саровская братия единогласно избрала его своим настоятелем.

Громкий этот процесс, некая фантазмагория XVIII века, захватил множество лиц всех званий и сословий. По сути дела, он явился подавленным протестом народного духа, протестом против иноземщины и нововведений, свидетельством в защиту православной веры. Усиление давления на Церковь, явило великое множество исповедников и защитников, готовых поддержать прежний, веками сложившийся, порядок. Такой пример дает нам жизнь иеромонаха Иосии. Мы намеренно изложили здесь все без особых подробностей, хотя об этом периоде истории Николаевской Берлюковской пустыни имеется достаточно документов. Предполагается написать об этом отдельную книгу, так как до сих пор никем не проводилось подробного и тщательного архивно-исторического исследования этого процесса.

Николаевская Берлюковская пустынь в эпоху секуляризации

28

Что было с обителью в течение двадцати пяти лет после ее расформирования в 1735 году, мы не знаем, сведений о Берлюковской пустыни за этот период пока не найдено. В каком году и на основании, какого указа была возрождена обитель – тоже пока неизвестно. Первый документ, где мы вновь встречаем упоминание о монастыре, датирован 1759 годом. Это прошение о выдаче копий грамот, выписей с межевых и писцовых книг и других материалов о монастыре для составления исторического описания онога, подписанное в канцелярию Синодального правления, **иеромонахом Геннадием**, настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни. Канцелярия отказала отцу Геннадию, сославшись на то, что все бумаги были утрачены во время пожара 1737 года. Существует и еще одно упоминание о Берлюках, относящееся к этому периоду. Вот выдержка из документа, приведенного историком Н.П.Розановым: *«В 1760 году в Берлюков монастырь был отправлен после наказания плетью крепостной крестьянин Иван Варфаламеев «за богохульные и тяжко предерзостные хульные речи на Евангелие. Он жил под караулом и выполнял самые тяжелые монастырские работы»*⁵⁶. Это все, что нам известно о том, что происходило в Николаевской Берлюковской пустыни в эти годы.

В 1764 году настоятелем обители становится **иеромонах Акиндин**. От этого периода до нас в подлиннике дошел бесценный документ – подробнейшая опись монастыря, принадлежащая к числу так называемых «офицерских описей» 1763 – 1764 годов. Такие документы составлялись тогда повсеместно, для чего во все монастыри Коллегией Экономии были

командированы заслуженные офицеры различных полков, которые и занимались составлением подробнейших описаний монашеских обителей и их вотчин. Эти описи были впоследствии использованы при секуляризации. Секуляризация стала следующим после петровских реформ, жесточайшим ударом по монашеству и повлияла на жизнь всех российских монастырей: «По итогам 1764 года из 954 монастырей более половины (569) были упразднены, за штатом оставались 161»⁵⁷. Участь крестьян резко ухудшилась, ведь на монастырских землях были самые благоприятные для них условия. Храмы, правда, не закрывались, они приписывались либо к соседним монастырям, либо к ближайшим приходам. Но, находясь часто в удалении от городов и сел, часто приходили в упадок. Службы там совершались только в дни престольных праздников, прихожан было мало, храмы ветшали и исчезали. Николаевской Берлюковской пустыни в это время удалось устоять. Поскольку обитель не имела вотчин и крепостных крестьян, то и отбирать было нечего, а потому монастырь перешел в разряд заштатных.

Опись Берлюковской пустыни составлял поручик Василий Ваксель. В Коллегию Экономии она была представлена 5 января 1764 года. Этот документ сохранил для нас ценнейшие сведения о состоянии монастыря, его братии, землях и угодьях, о внутреннем убранстве храмов. По этой описи, в монастыре в то время был одноглавый, крытый тесом храм Живоначальной Троицы с приделом Святителя Николая, две строительские кельи, братские келии две, деревянная колокольня с четырьмя колоколами, многочисленные сараи и амбары. Братия состояла из 8 человек: строитель иеромонах Акиндин, иеромонах Авраамий, иеромонах Паисий, монах Феодосий, монах Ириней, белый священник Петр Андреев, да два трудника Иван Васильев и Сергей Михайлов. При монастыре проживали два солдата-инвалида: драгун Василий Морев и отставной солдат Марк Подовинников. Все имели трапезу общую: «А более содержат себя от своих трудов и подаванием христолюбивых дателей милостынею и от принадлежащих построенных при больших дорогах трех часовнях, как пищею и одеждою монашескою нужнейшею, также и от приращения малого своего скота, масло молока и от огородного овощу и лесных плодов, грибов и протчей родности»⁵⁸. Земли под монастырем показано 49 сажень длины и 29 сажень ширины⁵⁹. В те же годы, в соответствии с манифестом Императрицы Екатерины II от 19 сентября 1765 года, проводилось «генеральное размежевание земель», целью которого «было определение границ земельных владений... Землемеры записывали в межевые книги и наносили на планы, за кем при размежевании какие владения окажутся и сколько в них земель. При межевании составлялись полевые журналы и записки, содержащие сведения о межах»⁶⁰. В 1768 году при строителе Акиндине был составлен **топографический план обители и произведено первое генеральное межевание земель**, принадлежавших монастырю, с подробнейшим их описанием⁶¹.

В соответствии с этим документом, территория Николаевской Берлюковской пустыни в 1768 году представляет собой четырехугольное про-

странство, площадью 1848 кв. сажень окруженное бревенчатой оградой с трех сторон, с восточной стороны - святые врата. Четырехугольная форма участка – не случайность: «Со времени древних палестинских лавр святых Феодосия Великого (529) и Евфимия Великого (473) общежительные монастыри строились по плану четырехугольника. Эту традицию не нарушали и в русских обителях...Такая планировка имела не случайный, но символический характер: Небесный град Иерусалим, в котором будут жить спасенные народы, описан в «Откровении святого Иоанна Богослова» как четверугольник (Откр. 21, 12)... Монастырь как земной образ Царствия Небесного строился по плану Небесного Иерусалима. Его четырехугольник обносили стеной с воротами. В центре обители всегда ставили храм как «некое око», взирающее на монастырь. В Небесном Иерусалиме, по описанию апостола Иоанна Богослова, нет храма, «ибо Господь Бог Вседержитель храм его, и Агнец» (Откр. 21, 22). Но пока не закончена земная история, храм остается центром обители как жилище Бога, как место, где совершается Божественная Литургия»⁶². Николаевская Берлюковская пустынь хранила эту традицию - строилась и развивалась по подобию Небесного Града. В центре обители располагалась каменная одноглавая церковь во имя святой Троицы с приделом Святителя Николая Чудотворца, над западным крыльцом - деревянная колокольня на двух столбах, с четырьмя колоколами. Имелись монашеские и строительские келии, а также хозяйственные постройки за оградой - все строения деревянные. На топографическом плане также нанесена дорога на Стромьинский тракт: с восточной стороны она огибает обитель, а далее раздваивается на два направления – в деревню Авдотьино и в деревню Пятково, к переправе через Ворю, в село Савинское и далее, вплоть до Владимирского тракта. По плану межевания Николаевского Берлюковского монастыря, владения его состояли из земель: «...пашенной 15 десятин 1576 кв. сажень; под рекою Ворею 2000 кв. сажень; под дорогами 900 кв. сажень. А всего во всей окружной меже 31 десятина 235 кв. сажень, а за исключением реки и дорог 29 десятин 2135 кв. сажень»⁶³. Туда же входили земли под лесом – 7 десятин 513 кв. сажень, сенные покосы – 6 десятин и небольшой участок на реке Воре, в 150 саженей длины, для рыбной ловли. Как видно из этих документов, во второй половине XVIII века Николаевская Берлюковская пустынь представляла собой достаточно крепкую обитель. Оба документа (межевание земель монастыря и топографический план обители) являются важными историко-статистическими описаниями и так подробно приводятся в печати впервые. Это все, что пока мы знаем о берлюковском настоятеле Акиндине. Неизвестно, когда и откуда он был прислан в монастырь, неизвестна и дальнейшая его судьба.

Новый настоятель, **игумен Никон** был прислан в обитель 23 декабря 1769 года. Вскоре после своего вступления в должность он пишет в Московскую Духовную Консисторию о том, что обитель испытывает большое стеснение в средствах и пребывает в плачевном состоянии, в ответ, на что Московская Духовная Консистория 30 апреля 1770 года выносит постановление: «Оную Николаевскую Берлюковскую пустынь упразднить,

обратив в приходскую церковь, приписать к ней в приход от разных церквей до 62 дворов, и быти при ней Священнику и причетнику, а имеющиеся при ней три часовни отдать Екатерининской пустыни»⁶⁴. Это постановление было утверждено Преосвященным Амвросием (Зертис-Каменским), митрополитом Московским 16 сентября 1771 года. Игумен Никон был переведен в Московский Кресто-Воздвиженский монастырь, а позднее в Молченскую Софрониеву Путивльскую пустынь в Курской губернии, где и скончался.

Возрождение обители в конце XVIII века

Однако недолго обитель оставалась приходской, Господь не попустил. Ее возрождение связано с именем ревностного «возобновителя» многих святых обителей, митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина) (1737-1812). Митрополит Платон был одним из величайших русских святителей XVIII века и известным духовным писателем своего времени. В 20 лет, закончив духовную академию, он принимает монашество, в 25 - становится ректором духовной семинарии, придворным проповедником и законоучителем Наследника Павла Петровича, в 29 - возведен в сан архимандрита Троице-Сергиевой лавры и назначен членом Святейшего Синода. В 33 год архимандрит Платон хиротонисан во епископа Тверского и Кашинского с возведением в сан архиепископа, в 38 - возведен в сан митрополита Московского и Калужского, с 1799 года с титулом Московского и Коломенского. Проповеди его нельзя было назвать образцом красноречия, но надобно было видеть и слышать его декламацию, всегда достойную сана и святыни. Никто не выходил из церкви без сожаления и желания еще послушать его. Умный и образованный, обладавший редким умением отличать и выдвигать талантливых людей, он любил храм и богослужение, дорожил церковной стариной и заботился о сохранении ее. Много обителей он устроил и благоустроил, часто выступая при этом в роли профессионального архитектора, обнаруживая глубокие специальные знания, безупречный вкус и тонкое чувство красоты. В числе обновленных им обителей особенно замечательны были Пешношская и Оптинская, Вифанский монастырь, и Николаевская Берлюковская пустынь своим вторым рождением также обязана митрополиту Платону.

31

Преосвященный Платон часто бывал в гостях у сенатора, графа Владимира Ивановича Лопухина в его имении в селе Саввинское. Побывав несколько раз в Николаевской Берлюковской пустыни, он заинтересовался ее историей. Расспрашивая священника села Воскресенского, он узнал, что храм Святителя Николая Чудотворца - приходской и находится в ведении причта села Воскресенского Богородского уезда. В 1775 году вместе с Владимиром Ивановичем Лопухиным, владыка Платон решил осмотреть места бывшей обители еще раз: «Живописное положение обители, действительно замечательное по красоте местности, приве-

ло владыку в восхищение: он долго любовался всем, окружавшим его, и не мог достаточно налюбоваться; потом приказал отпереть запустелый храм, и с великим усердием совершил там молебствие пред древнею иконою Святителя Николая Чудотворца»⁶⁵. После молебна Преосвященный, бывший в то время не совсем здоровым, почувствовал облегчение. Осмотрев все очень внимательно, он нашел монастырь не в таком плохом состоянии, и у него родилась мысль о возобновлении обители. По устным рассказам братии, собранным последующим настоятелем, отцом Венедиктом, в то время на Воре ловили рыбу, и преосвященный решил: если будет хороший улов, это будет знаком - его решение верно. Улов в тот день оказался обилен. Преосвященный Платон: «...и не полагал начала монашескому жительству в монастыре, но несомненно, что он искренно любил монашество и заботился о возстановлении монастырей и устроении их внутреннего быта. Всегда осторожный и во всем осмотрительный, при всем своем желании возобновить Берлюковскую обитель... не вдруг решился на это дело, но хотел предварительно убедиться, что эта пустынь может действительно существовать собственными своими средствами, без особых пособий от казны»⁶⁶.

32

Это было крайне важно в то время, когда правительство более думало о закрытии монастырей, упразднении пустыней и скитов, нежели об открытии новых обителей. Пока готовились документы, и преосвященный обдумывал процесс официального возобновления обители, владыка разрешает поселиться в Берлюках **игумену Луке**, из обители преподобного Стефана Махрищского, дабы взять на себя труды по устройению будущей пустыни. В историческом очерке 1875 года написано, что игумен Лука: «...исправил бревенчатую ограду, перестроил келии, и когда к нему стала понемногу собираться братия, он перешел на жительство в монастырь, но провел там, рассказывают, не более года. Недостаток ли средств, или недостаток умения, а еще более, быть может терпения, не располагали его к обители»⁶⁷. Скорее всего, игумен Лука просто не смог организовать работы по возобновлению пустыни, и был сменен.

В 1778 году на его место был назначен **иеромонах Иоасаф** (годы настоятельства: 1778-1794), «...строгой и подвижнической жизни, а вместе с тем и человек деятельный»⁶⁸. Именно такой человек был необходим для восстановления обители. Иеромонах Иоасаф с ведома Преосвященного Платона и под его руководством начинает свои титанические труды по возобновлению монастыря. Владыка не оставляет обитель своим попечением, часто пишет строителю Иоасафу, что и как следует делать для благоустройства монастыря, наказывает делать все строения из камня, приезжает по нескольку раз в год в Берлюки, собственноручно делает чертежи будущих построек. В настоятельских покоях монастыря в свое время бережно хранилось письмо владыки к строителю Иоасафу, в рамочке, под стеклом: «Стараться о церкви, чтобы ее покрыть и коли можно главу приподнять и выше сделать. Трапезы надо прибавить сажени на две. Иконостас в трапезе сделать получше и оный поставить по середине, в церковь большую ход сделать по левую сторону к стене. Сделать коло-

кольню каменную повыше с папертью. По углам ограды сделать башенки, да святые ворота; да ворота против колокольни к реке большие и деревья срубить на реку. Строения деревянного больше не делать, а коли сие делается, то будет довольно»⁶⁸. В сущности, это был план первой очереди реконструкции монастыря. Впереди огромная работа, но и владыка Платон и строитель Иоасаф верят, что Господь, не оставит возрождающуюся обитель своей милостью. В том же письме владыка далее пишет: «Все сие исправит Бог своею свыше помощью, старанием Строителя и боголюбивых вкладчиков. Идеже бо хочет Бог, побеждается естества чин»⁶⁹.

Устроив дело строительства, на свой страх и риск владыка Платон пишет в октябре 1779 года донесение в Святейший Синод: «...По вступлении же моем в епархию, почел я за долг оную пустыню самолично осмотреть, и по осмотру моему, оная упраздненная пустынь оказалась состоящею на хорошем месте, церковь с колокольнею каменная в твердости и утварью не скудна, строение хотя и деревянное но не малое, и по большей части какия были ветхости, от вкладчиков поправлены; пашенной и сенокосной земли при ней 24 десятины, также и протчие угодия имеются, рыбной ловли, луга и леса, что и доселе при оной пустыни неотъемлемо состоит, от чего оная пустыня к своему содержанию, по моему усмотрению, не оскудное может иметь удовольствие; для большего же удостоверения, на время мною послан был иеромонах, дабы совершенно осмотрел, может ли та пустыня довольное навсегда иметь содержание. Оной иеромонах, через немалое время, в оной пустыне быв, мне рапортовал, что не только оная пустыня не оскудное содержание навсегда иметь может, но и многие боголюбивые вкладчики, весьма желая оную пустыню в прежнем видеть состоянии, не малья как в церковь, так и на поправление строения монастырского учили подаяния, да и впредь оную снабжать обещаются. А по-сему тому оная пустыня без всякой нужды может всем потребным довольна быть. В рассуждении какового недостатка, на основании Высочайшего утверждения и желаю, чтобы оную упраздненную пустыню, по способности ее, по прежнему включить в число положенных на свое содержание монастырей. Того ради Святейшему Правительствующему Синоду о вышеписаном донося, прошу, чтобы соблаговолено было ныне оную Берлюкову пустыню повелеть включить по прежнему в число заштатных Московской епархии монастырей; о чем имею ожидать определенного указа»⁶⁹. Преосвященный Платон подчеркивает, что обитель была упразднена несправедливо, но лишь основываясь на показаниях игумена Никона, а не по проведенному тщательному расследованию о бедственном положении монастыря: «А в прошлом 1769 году декабря 23 дня, вступивший на место вышеписанного строителя Акиндина во оную Берлюкову пустыню игумень Никон в Московской Консистории сказкою показал: якобы оная пустыня к содержанию своему с братиею совсем безнадежна... По каковому его игумена показанию и надлежало бы о всем об оном учених обстоятельную справку и изследование, особливо, что сия пустыня при оставлении ее на своем содержании от прежняго строителя Акиндина как, выше значит, в содержании ее и братии всем потребным показано довольною... почему на одной такового игумена

сказке утвердится никак было не можно; однако Московская Консистория неучиня таковой справки и не взяв ни от кого об этой пустыни обстоятельного известия, а единственно уверяясь на вышепомянутом игумена Никона показании, определила 1770 года апреля 30 дня, оную Николаевскую Берлюкову пустынь упразднить в приходскую церковь»⁷¹. 9 декабря 1779 года Николаевская Берлюковская пустынь была официально возобновлена как монастырь и оставлена «... в числе положенных в Московской епархии осьми монастырей, на своем содержании, по-прежнему»⁷¹. Так благодаря огромным усилиям архиепископа (впоследствии митрополита) Московского Платона была возрождена Николо-Берлюковская обитель.

34

Такое пристальное внимание Преосвященного Платона к Берлюковской пустыни, его частые приезды в обитель способствовали еще одной немаловажной детали - привлекали сюда богатых жителей столицы, которые очень почитали владыку и всегда стремились сопровождать его в паломничествах и объездах епархии. Преосвященный Платон, с того самого памятного молебна у образа Святителя Николая Чудотворца, навсегда сохранил трепетную любовь и почитание к этой Берлюковской иконе. Владыка часто рассказывал в своих проповедях об этом своем исцелении. Так зародилось паломничество к иконе Святителя Николая в Берлюковскую пустынь и почитание этого образа: «Следуя Его примеру, некоторые из жителей столицы возымели усердие навещать обитель, отправляя молебствие пред образом Св. Николая, и с верою приходившие не только получали облегчение от недугов, но и утешение в скорбях и скорое заступление в напастях»⁷². Таким образом, владыка помогает обители приобрести жертвователей и жертвует сам. В августе 1779 года он предписывает отдать в монастырь всю утварь и ризницу, упраздненной московской церкви Святителя Николая Чудотворца, что в Мыльниках.

Первым жертвователем возрождаемой обители пожелал стать Владимир Иванович Лопухин. В 1779 году он принимает решение отдать Берлюкам свою родовую церковь - храм Преподобного Сергия Радонежского, построенную в селе Саввинском в 1694 году. И строитель Иоасаф перевозит из Саввинского в Берлюки деревянный храм со всей утварью, а также с колокольной и колоколами. Для Берлюков это было тогда очень важно, ведь в монастыре почти ничего не осталось для совершения богослужений. К сожалению, документы о перенесении церкви из села Саввинское на территорию монастыря не сохранились, или пока не обнаружены. Известно это «...из устных рассказов Берлюковских старцев. О перенесении из села Саввинского церкви видно и из дел»⁶⁶. Судьба этого храма на территории монастыря документально не прослеживается, но в двух последующих описях Берлюковской обители упоминаются уже два деревянных храма без названия, а так как в Берлюках был всегда один деревянный храм (Казанская церковь), то упоминание второго дает нам основание предположить, что это и есть храм во имя преподобного Сергия. Но это лишь наше предположение! Когда в 1831 году уже следующий настоятель, о. Венедикт, будет составлять описание монастыря, то сам храм там не упоминается, но перечисляется множество

предметов из этого храма. Видимо, старый деревянный храм был разобран, а утварь была перенесена в монастырскую ризницу.

Новый строитель: *«верою и любовью, строгою монашескою жизнью и своею обходительностию скоро сумел приобрести расположение местного населения и тех из соседственных и боголюбивых вельмож и владельцев, которые тогда жилали неподалеку от обители»*⁶⁸. Действительно, в округе было много поместий, принадлежавшим в разное время известным и состоятельным владельцам: усадьба Глинки (ныне санаторий «Монино» около г. Лосино-Петровского) - князьям Долгоруким, а затем графу Брюсу, село Саввинское со знаменитым пейзажным парком – графу Лопухину, село Воскресенское – князьям Тюфякиным, в деревне Авдотьино работала крупная шелкоткацкая фабрика купцов Соловьевых, выпускавшая лучшие в России бархаты и плюши, при деревне Власово находился медно-латунный завод Савельевых (отсюда современное название Медное-Власово). Это далеко не полный список родовых дворянских гнезд и вполне успешных промышленных предприятий, находившихся на землях Богородского края, прилегавших к Николаевской Берлюковской пустыни. Сделанные пожертвования позволили начать строительство. Большую помощь оказал некто Сергей Иванович Смирнов, уволенный из Семеновского полка сержантом, он употребил на постройку церкви и келлий большую часть своего достояния. Велика заслуга о. Иоасафа в быстром возрождении монастыря. Пока мы ничего не знаем из биографии этого труженика Божия: ни его мирского происхождения, ни откуда он был родом. Достоверно известно, что новый настоятель был из Николаевского Перервинского монастыря, старинной московской обители, ныне возобновленной, откуда владыка Платон его перевел в Берлюки вместе с его родным братом Николаем. Ревностный и деятельный строитель Иоасаф всеми силами старался оправдать доверие своего архипастыря: были возведены новые каменные настоятельские и братские кельи, возросло число благотворителей.

35

В 1778 году, при деятельном участии Преосвященного Платона, были проведены работы в храме во имя Святителя Николая Чудотворца. Храм был обновлен, немного расширен, исправлена крыша и глава, а также отремонтирована колокольня при храме. Перестроенный храм был освящен архиепископом Платоном во имя Святой Троицы. В 1783 году при содействии благотворителей при храме были устроены два придела во имя Святителя Николая Чудотворца и Великомученика Мины. Известно имя человека, который более всех способствовал строительству нового храма с приделами, просьба об устройении второго придела во имя Великомученика Мины исходила именно от него. Это был как раз вышеупомянутый отставной сержант Преображенского полка – Сергей Иванович Смирнов⁷². Скорее всего, молитвами великомученика Мины ему когда-то удалось избежать смерти во время военных походов. Совсем недавно в архиве был обнаружен документ, свидетельствующий о том, что 6 октября 1781 года на основании указа Московской Духовной Консистории Сергей Иванович Смирнов зачислен в братию, согласно его прошению⁷³. Таким

образом, финансировал обновление храма уже послушник Сергей Смирнов.

Всего через три года, в 1786 году, казалось бы, совсем недавно обновленный храм разбирается до основания и на его месте, по плану, начертанному лично архиепископом Платоном, был выстроен новый трехпрестольный Троицкий собор⁷⁴. Видимо, нашлись благотворители, по просьбе которых был построен заново Троицкий собор. Собор простоял вплоть до 1878 года и был разобран уже при настоятеле Ниле (Сафонове).

При строителе Иоасафе увеличилось число часовен, приписанных к монастырю. Всего у Николаевской Берлюковской пустыни было шесть часовен, пять из них связаны с именем строителя Иоасафа. В 1780 году обители были возвращены часовни в Шалово и Мизиново, переданные в свое время Екатерининской обители при упразднении Николаевского Берлюковского монастыря. Тогда же к монастырю отошла и часовня у Большого Каменного моста в Москве, а в 1787 году настоятель Иоасаф добивается передачи обители еще двух часовен: во имя пророка Божия Илии в деревне Старые Псарьки на Владимирском тракте, и во имя Святителя Николая Чудотворца на Немецком рынке в Москве.

36

Приводим здесь краткие сведения, которые на настоящий момент нам удалось собрать обо всех монастырских часовнях.

Часовня во имя святителя Николая Чудотворца, у Большого Каменного моста на Всехсвятской улице. Это самая значимая из всех часовен обители, она стояла на Софийской набережной, прямо на берегу реки Москвы, напротив Боровицких ворот Московского Кремля. Первые упоминания об этой часовне относятся к 1700 году, тогда она принадлежала Азовскому Иоанно-Предтеченскому монастырю. Но, скорее всего, возникла она гораздо раньше - в XIV или XV веке, когда появилась пристань у брода через Москву-реку. Часовня примыкала к грандиозной ярусной двухшатровой Шестивратной башне с арочными проездными воротами, которая служила предмостовым укреплением и отмечала въезд на Большой Каменный (в то время Всехсвятский) мост. Постепенно здание часовни обветшало, в ней уже не проходили службы, а часть помещений стали сдавать внаем. Так продолжалось несколько лет, пока в 1727 году часовню не восстановили. Новый период в ее истории начинается с 1780 года, при берлюковском настоятеле отце Иоасафе, когда она была передана Николаевской Берлюковской пустыни и стала московским подворьем обители. Берлюковская святыня (чудотворный образ «Лобзание Христа Спасителя Иудею») была хорошо известна в Москве. По четвергам там совершался молебен с акафистом Страстям Христовым. Часовня святителя Николая Чудотворца открывалась ранним утром и закрывалась поздно вечером. *«Часовня каменная, снаружи и внутри оштукатурена и окрашена масляною краскою, стены расписаны живописью; длиною 12 аршин, шириною 5 аршин, высотой 9 аршин...иконостас длиною 10 аршин, высотой 6 аршин, покрыта железом. Дом при часовне каменный 2-х этажный, снаружи*

и внутри оштукатурен, окрашен краскою, покрыт железом, длинна дома 33 аршина, ширина 16 аршин, высота 11 аршин»¹⁹³. В конце XIX века настоятелем Берлюковского подворья в течение многих лет состоял известный проповедник иеромонах Варлаам, впоследствии казначей Берлюковского монастыря и деятельный помощник настоятеля игумена Адриана. В 1896 году иеромонаха Варлаама назначают настоятелем Коломенского Бобренева монастыря с возведением в сан игумена¹⁶⁶. Красивое и величественное сооружение Берлюковского подворья было полностью уничтожено в 1930-е годы при строительстве нового Большого Каменного моста через реку Москву.

Часовня во имя святителя Николая Чудотворца на Немецком рынке, что в Елохове. В 1787 году из ведения Богоявленского собора (в Елохове) часовня была передана Берлюковской пустыни, также при берлюковском настоятеле отце Иоасафе. Она располагалась на пересечении Ирининской (ныне улица Энгельса) и Ладожской улиц в Москве. Часто ее называли «часовней, что на Немецкой улице», так как прямо перед часовней проходила Немецкая улица (ныне Бауманская) и располагалась большая Немецкая слобода. Каменная часовня: «снаружи и внутри оштукатурена, покрыта железом... длинною 4 аршина, шириною 8 аршин, высотой 9 аршин; иконостас длинною 8 аршин, вышиною 4 аршина, при часовне жилое помещение для братии, каменное, снаружи и внутри оштукатурено, покрыто железом, окрашенным зеленою краскою; длинною 8 аршин, шириною 8 аршин, высотой 5 аршин»¹⁹³. При часовне был большой трехэтажный келейный корпус, где ныне располагается «Макдональдс», а здание часовни уничтожено в богоборческие годы, но прекрасно сохранился ее фундамент.

37

Часовня во имя пророка Божия Илии в дер. Псарьки. Отошла к обители в 1787 году также при строителе Иоасафе. Находилась она сначала на старой Владимирской дороге в деревне Старые Псарьки, принадлежавшей Нарышкиным⁹⁶. В середине XIX века Владимирский тракт переносится, строится новая дорога, известная нам теперь, как Горьковское шоссе. Деревню Старые Псарьки также переносят. Жители ее переезжают в деревню Новые Псарьки, и часовню, большую, красивую, забирают с собой. «Часовня каменная, покрыта железом, окрашенным зеленою краскою, снаружи обелена, внутри оштукатурена; длинною 5 аршин, высотой 4 аршина, шириною 11 аршин, высотой 7 аршин; иконостас длинною 5 аршин, высотой 4 аршина»¹⁹³ и каменная сторожка с кельями. В 1964 году часовню уничтожили. На этом месте поставлен памятник воинам, погибшим в Великой Отечественной войне.

Часовня на Большой Владимирской дороге в дер. Шалово. При упразднении Николаевской Берлюковской пустыни в 1770 году эта часовня была у монастыря изъята и передана Екатерининской обители. В 1780 году, также при строителе Иоасафе, часовня была возвращена Николаевской Берлюковской пустыни. Известно, что часовня была: «деревянная обшита тесом, окрашенным краскою, покрыта железом; длинною 5 ар-

шин, шириною 6 аршин, высотой 3 аршина»¹⁹³, при ней сторожка и сарай. Во имя кого была освящена – неизвестно. При деревне Шалово Богородского уезда: В советское время, при строительстве поселка Обухово, деревня Шалово оказалась на его территории. Часовня была уничтожена в богоборческое время.

Часовня во имя Спаса Нерукотворного в дер. Мизиново. Находилась на Стромынке, прямо на въезде в деревню: «Часовня деревянная, снаружи и внутри оштукатурена, покрыта железом, окрашенным зеленою краскою; длиною 5 аршин, шириною 7 аршин, высотой 4 аршина»¹⁹³, при часовне сторожка и сарай. Также, как и Шаловская часовня она была изъята у монастыря в 1770 году и возвращена при строителе Иоасафе в 1780 году. Часовня не сохранилась, снесена в богоборческое время.

Часовня во имя Преподобного Сергия Радонежского в дер. Савинское. Это самая поздняя монастырская часовня. Ее история подробно изложена в этой книге (см. период настоятельства о. Адриана (Разживина)). Часовня не сохранилась, снесена в богоборческое время.

38

Помимо перечисленных «больших» часовен, были еще и **часовни-столбы**, которые строились обычно при дорогах, чтобы путники могли остановиться для молитвы. Таких часовен у Берлюков было две: часовня-столб Николая Чудотворца в Авдотьино была поставлена в память основания деревни (1907, архитектор В.М. Борин). Монастырь всегда очень тепло относился к Авдотьино, почитая эту деревню своей некой подмонастырской слободой. Вторая часовня – в Громково. Кто построил громковскую часовню и в честь кого она была освящена - неизвестно.

Строитель иеромонах Иоасаф отошел ко Господу 1 апреля 1794 года. Поистине, это был талантливый и чрезвычайно деятельный человек. Можно сказать, что за время его 15-летнего управления обитель была полностью восстановлена. Обитель окрепла и духовно. Заново была собрана братия, начинал о. Иоасаф вдвоем со своим братом, когда же оставил он обитель, в ней уже было 12 монахов и 20 послушников. Отец Иоасаф был так любим братией, что при его отпевании рыдали все, плакал даже Преосвященный Платон, владыка возглавил отпевание о. Иоасафа. Погребен он был против северной стены Троицкого храма, выходящей на храм Василия Великого, в одной ограде со своей матерью, монахиней Еленой. Над могилою его воздвигли памятник, освященный самим владыкою Платоном в 1796 году. Тогда же в стене Троицкого храма была устроена мраморная доска (не сохранилась) с надписью: «Тщанием и иждивением воздвигнут сей памятник, по благословению Святейшего Правительствующего Синода Члена, Высокопреосвященнейшего Платона, Митрополита Московского и Калужского и Свято Троицкия Сергиевы Лавры священноархимандрита, во время его посещения здешней обители 1796 года, Августа 28 дня, когда и освящена Его Святейшеством, в похвалу и вечную память здесь упокоевающагося трудолюбиваго старца, находящаяся, на церковной стене на мраморе надгробная Их Превос-

ходительство, генерал-майора и кавалера Гавриила Ильича и супруги его, Екатерины Александровны Бибиковых»⁷⁵. По благословению митрополита Платона: «над могилою Строителя Иоасафа поставлен памятник с надписью в стихах сочинения самого Архипастыря. Эти стихи, сами по себе весьма незначительные и даже очень неправильные по форме, но весьма замечательные по своему содержанию, ибо они вполне выразили всю мысль владыки о человеке, избранным им в помощники, и доказывают нам, что ежели он умел избирать людей способных, то умел и ценить их и отдавать им полную справедливость»⁷⁵.

Здесь погребен Иоасаф Строитель,
Он первый обновил обитель;
Иль мало то сказать, что он возобновил,
А всю из мертвых воскресил.
Ограды не было, строенья никакого,
Он все то сделал снова;
Лишь церковь ветхая была,
И та репейником с крапивой заросла.
Но он устроил все и иноков собрал.
И их духовным с Богом браком сочетал.
И так хоть умер он, но память есть нетленна,
Душа ж в обители небесны преселенна.
О! Сам его Ты душу упокой,
И нас благослови, чтоб был такой другой!

39

Начало XIX века. «Пешношский» период

Николаевская Берлюковская пустынь вступает в XIX век, который справедливо можно назвать «золотым веком» обители, эпохой духовного и строительного делания в пустыни. Строятся надвратная церковь во имя св. Василия Великого, храм Всех Святых, храм Христа Спасителя, храм св. Иоанна Крестителя и Предтечи Господня и великолепная колокольня. Этот шедевр как бы поставил точку в архитектурном оформлении ансамбля Николаевской Берлюковской пустыни.

Первая треть XIX века (1806 – 1829 годы) - крайне важный этап и в истории духовного делания монастыря. Это время мы можем назвать **Пешношским периодом**, по названию Николо-Пешношского монастыря, который оказал сильнейшее влияние на Николаевскую Берлюковскую обитель. Надо сказать, что у митрополита Платона было два любимых монастыря - это подмосковная Перерва и Николо-Пешношский под Дмитровым. В первый он любит приезжать и отдыхать там: «Моя любимая Перерва», - так он ее называет. Николо-Пешношский монастырь – это ду-

ховный щит. В одном из писем Платона мы находим его рассуждения о пешношской братии, которая, мол, не хочет жить ни в кельях, ни в келейных корпусах, а все больше в пещерах, да землянках.

40 Николо-Пешношский монастырь был основан в XIV веке учеником и сопостником великого Сергия Радонежского – прп. Мефодием Пешношским в 25 верстах от Дмитрова на реке Яхроме. Прп. Мефодий сам трудился над построением монастыря, нося на себе пешком бревно через реку. Отсюда обитель получила название Пешношской. Прп. Сергей часто посещал своего ученика в его уединении. Известно, что свв. Мефодий и Сергей вместе копали рвы для келий, ископали два пруда и посадили аллею из вязов, сохранившуюся до настоящего времени. Скончался прп. Мефодий 14 июня 1392 года. Чудотворящие мощи прп. Мефодия доселе почивают под спудом в обители. С XVIII века начинается подлинный расцвет Николо-Пешношского монастыря, продолжившийся вплоть до смутных дней XX века. В то время строителем Пешношского монастыря был уже иеромонах Макарий, мощи которого доныне почивают под спудом в настоятельском храме-усыпальнице под колокольной. С его именем связаны многие и весьма значительные преобразования в монастыре – именно в те годы обитель приобрела тот внешний вид, который сохраняется до наших дней. В обители был учрежден устав общежития, заведен во всем должный порядок, благоустройство и примерная строгость в жизни иноков, а в церковной службе, отличавшейся продолжительностью и благолепным пением, введен чин Афонской Горы. Все это в совокупности прославило Пешношскую обитель наравне с Валаамским монастырем и Саровской пустыней. Митрополит Платон (Левшин) как-то посетив обитель, был изумлен отменным порядком, чиноположением, хозяйством, чистотой, братской трапезой и всем прочим. Не оставив ни одного угла без осмотра, он восходил даже на высокую колокольню, откуда обозревал окрестности обители. «Пешноша в моей епархии – вторая лавра», – любил позднее повторять владыка Платон. Многие заимствовали от Пешноши устав, чиноположение монашеского общежития: Московские Сретенский и Покровский монастыри, Серпуховской Владычный, Коломенский Голутвин, Дмитровский Борисоглебский, Коломенский Бобренов, а также пустыни – Оптиная, Екатерининская и Давидова, Кирилло-Новоезерский монастырь и другие. Многие из этих обителей управлялись игуменами, назначенными из числа пешношской братии. К началу XX столетия число братии монастыря приближалось к 200, не считая послушников и трудников. Печально похожи судьбы Пешношской и Берлюковской обителей в советское время: обе обители были в 30-е годы закрыты и на территории и Пешноши и Берлюков были размещены психоневрологические интернаты⁷⁶.

Последующие настоятели Николаевской Берлюковской обители, по благословию митрополита Платона, также пришли из Николо-Пешношского монастыря. Это были старцы высокодуховной жизни - иеромонахи Пахомий, Иоанникий, Николай (второй). В этот период в Николаевской Берлюковской пустыни было заведено строгое общежитие.

Иеромонах Николай (первый) (годы настоятельства: 1794 – 1806), продолжил дело своего брата, строителя Иоасафа. Родной брат о. Иоасафа был монахом на момент его преставления, но преосвященный, усмотрев природные дарования о. Николая, рукоположил его сначала в иеродиакона, а после сразу же в иеромонаха. О настоятеле Николае известно *«Рассказывают, что Николай, бывший только монахом, был малограмотен, едва умел читать, а писать и вовсе не умел, и, не смотря на это, однако, как человеку от природы умному и деятельному, ему, вместе с Астионом, Строителем Махрицким, поручено было правление Берлюковской пустыни»*⁷⁷. За время своего управления о. Николай завершил строительство каменной ограды вокруг обители и достроил братскую трапезную с подсобными помещениями (квасоварня, холодные ледники, хранилища и т. д.). Скончался в январе 1806 года и был погребен рядом с братом и матерью в одной ограде.

Незначительное время с 19 января по 23 марта 1806 года обителью управлял иеромонах **Иаков**: *«бывший крестовым Священником Преосвященного Гавриила, архиепископа Новгородского и С.Петербургского, но числившийся в братстве Троицкой Лавры. Определенный в Строителя 19 Генваря, Марта 23 он был сменен и возвращен в Лавру, где и скончался»*^{77а}.

Иеромонах Пахомий (Петр Волков) (годы настоятельства: 1806 –1811), родом из тверских купцов. Пришел в Николо-Пешношский монастырь вместе со своим другом детства Никитой Погудкиным (в постриге Максим). Они родились в соседних домах, все детство провели вместе, вместе и подвизались некоторое время в Пешношской и Берлюковской обителях. В Пешношской обители оба друга приняли монашество. Когда в 1806 году о. Пахомия назначили настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни, отец Максим последовал за своим другом. Именно при отце Пахомии и по благословию митрополита Московского Платона в 1806 году из села Топорково, находившегося за 7 верст от обители, была перенесена деревянная Казанская церковь с колокольней. Поставили ее за монастырской оградой в сосновой роще, на самом высоком месте, на территории монастырского кладбища. История ее такова. В 1702 году был выстроен новый деревянный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы в селе Воскресенском, соседствующим с Николаевской Берлюковской пустыней. А в 1703 году *«по указу великого государя и по благословию преосвященного Стефана митрополита Рязанского и Муромского... а по челобитью стольника Федора Михайлова сына Клешнина, велено: Московского уезда, Черноголовской волости, из села Воскресенского старую деревянную церковь, которую ему того села Воскресенский поп с приходскими людьми поступился, разобрав, перевезть в Московский уезд в сельцо Топорково и, съисподоби подрубя и ветхия бревна переменяя, поставить на удобном к церковному строению месте во имя Пресвятыя Богородицы Казанския»*⁷⁸. Таким образом, Казанская церковь Николаевской Берлюковской пустыни, изначально была происхождением из соседнего села Воскресенское, откуда была перевезена в Топорково. В этой церкви был крещен митрополит Новгородский и Санкт-

Петербургский Михаил (Десницкий). Будущий Высокопреосвященный Михаил при поддержке митрополита Московского Платона (Левшина) окончил семинарию (в Троице-Сергиевой Лавре), слушал курс в Московском университете и изучал богословские науки в Московской Духовной академии. Богослов и проповедник, автор ряда богословских сочинений, член Библейского общества, в каком-то качестве участвовал в редактировании перевода на русский язык книг Священного Писания. Он скончался в сане митрополита.

При отце Пахомии в Николаевскую Берлюковскую обитель был перевезен также **храм во имя Всемилоственного Спаса из сельца Кармолино** на Воре. Село Кармолино с 1585 года являлось вотчиной служилого дворянина Демида Черемесина, позднее князей Волынских, а в 1646 году село становится вотчиной служилых дворян Воейковых. В Кармолино храм был также перевезен, еще в 1696 году, по просьбе стольника Василия Ивановича Воейкова: «...по указу патриарха... а по челобитью стольника Василья Иванова сына Воейкова, велено: из Переславского уезда Залесского с погоста Андреевского старую Николаевскую церковь, разобрав, перевезть в Московский уезд, в Радонежскую десятину, в вотчину его, в сельцо Кармолино и построить на удобном месте во имя Всемилоственного Спаса»⁷⁹. К началу XIX века храм сильно обветшал, хорошо сохранилась лишь его трапезная часть, вот ее-то, с согласия местных жителей, и перевезли в Берлюки 31 октября 1806 года вместе со всеми иконами и церковной утварью. Это, на первый взгляд, малозначимое событие имело в недалеком будущем большое значение для обители. Именно в этом храме в 1829 году была обретена чудотворная икона «Лобзание Иисуса Христа Иудю», которая во многом определила дальнейшую судьбу Николаевской Берлюковской пустыни.

42

Настоятель иеромонах Пахомий благословляет поселиться в берлюковских пещерах **отцу Максиму (Погудкину). Берлюковские пещеры** известны были своей протяженностью, когда-то это была буквально сеть подземных галерей, уходивших под самый монастырь. По воспоминаниям очевидцев и сохранившимся документам, под землей были и многочисленные ходы, и кельи, и даже святой источник. Увы, за годы гонений на Церковь, от этих удивительных скитских пещер осталось совсем немного. Сейчас ведутся работы по их восстановлению. Отец Максим (Никита Погудкин) родился в Твери в 1755 году в семье благочестивых родителей купеческого звания Василия и Параскевы Погудкиных. Его отец был многолетним старостой Тверского кафедрального собора. Пришел он в Берлюки вслед за Пахомием. Под 1806 годом мы имеем документальное упоминание о том, что о. Максим: «любя безмолвие, начал копать себе пещеры»⁸⁰. Чаще всего монахи обустроивали свои пещерные кельи следующим образом. Строился домик, келья, а под ним выкапывали землянку и называли это по-разному: кто - гроб, кто - пещера, кто - землянка. Через лаз в полу туда и уходили. Там молились, затворялись, спали. Скорее всего, о. Максим жил именно так. Монах-аскет, он мужественно нес свой подвиг и, конечно, подвергался бесовским напа-

дениям. Известен документальный эпизод, когда он был избит бесами. Случилось это, когда вся братия после молитвы ушла, оставив его в пещерах одного, так как постоянно в то время жил в пещерах только он. Спихнулись, когда он долго не приходил в монастырь. Обеспокоенные монахи пошли в пещеры и нашли о. Максима скрученным между стеной кельи, столом и лавками в таком положении, что выбраться самостоятельно оттуда он никак не мог. До конца своих дней не оправился о. Максим от этих ран: он хромал, у него болела спина, но никогда никому он так и не рассказал, что же с ним произошло, обронив только однажды, что перенес такое, что никому не нужно о том и знать. Пребывание старца Максима в Николаевской Берлюковской пустыни оказалось весьма важным для обители. За пять лет он успел многое и, может быть, главное - его молитвами и трудами в монастыре было положено начало пещерожителству, молитвенный его подвиг в берлюковских пещерах стал для братии высоким духовным примером.

В 1811 году скончался настоятель Пешношского монастыря, архимандрит Макарий (Брюшков), и «...на его место был назначен, июня 4, Строитель Берлюковский Пахомий»⁸¹. Вместе с иеромонахом Пахомием покинул Берлюковскую пустынь и о. Максим. Отец Пахомий возглавлял Пешношскую обитель до 1819 года, затем четыре года жил на покое в Стефано-Махрищском монастыре, а в 1823 году, согласно своему прошению, вернулся в братство Берлюковского монастыря⁸², где и проживал на покое до самой своей кончины 28 января 1835 года. Погребен был в Берлюковской обители. А о. Максим в 1819 году возглавил Пешношский монастырь, сменив на настоятельской должности своего друга о. Пахомия. Он умер 29 марта 1850 года в Пешношском монастыре на 95 году жизни в схиме, оплакиваемый всей братией.

Иеромонах Иоанникий (годы настоятельства: 1811 – 1827), также пешношский старец, также отличался большим смирением, и аскетической жизнью. На период его управления обителью пришлось годы войны с Наполеоном, поэтому больших строительных проектов предпринять не было возможности. При нем была достроена каменная колокольня, начатая еще настоятелем Пахомием. Стараниями о. Иоанникия удалось спасти монастырское добро от французских солдат, в стенах обители был устроен лазарет для раненых, в монастыре постоянно шли молебны о даровании победы русскому воинству. В 1827 году он серьезно заболел, тяжелый паралич. Согласно его прошению, он был определен в братство Екатеринбургской пустыни и окончил там свои дни в затворе.

Иеромонах Николай (второй) (годы настоятельства: 1827 – 1828), также пешношский монах. Братия Пешношского монастыря всегда ставила его в пример, как образец монашеской жизни, отдавая должное его духовной мудрости и рассудительности. Уважал старца и сам митрополит Московский Филарет (Дроздов). Он возглавлял обитель совсем недолго с 9 июля 1827 года по январь 1828 года. В январе 1828 года он неожиданно скончался, был погребен у Троицкого храма.

ОБРЕТЕНИЕ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ «ЛОБЗАНИЕ ИИСУСА ХРИСТА ИУДОЮ»

Теперь нам предстоит описать очень важное событие, которое изменило весь ход дальнейшей истории Берлюковской обители. В те дни Господу угодно было прославить пустынь особым духовным образом. 24 мая 1829 совершается чудо - происходит **обретение великой святыни - чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудюю»**.

44 В это время настоятелем пустыни был **Иеромонах Антоний** (Алексей Иванович Ерофеев), (1828 – 1829), постриженник и бывший казначей Соловецкого монастыря. Он родился в 1788 году в Сергиевом Посаде Московской губернии. Родом был из купеческого сословия. Принял монашеский постриг 1 августа 1818 года в Преображенском Соловецком монастыре. 13 июня 1819 года рукоположен в иеродиакона, а 17 июня 1821 года Преосвященным Ионафаном, епископом Архангельским и Холмогорским, рукоположен в иеромонаха. С 1825 года занимал должность казначея Соловецкой обители. В 1828 году написал прошение в Святейший Синод о переведении его в какой-либо монастырь Московской епархии. На основании указа Его Императорского Величества № 1703 от 28 марта 1828 года: *«на прошении Ставропигиального Соловецкого монастыря иеромонаха Антония о принятии его в Московскую Епархию по определении в какой-либо пустынный монастырь...приказали о бытии ему иеромонаху Антонию в должности Строителя в Берлюковской пустыни»*⁸³. В самом начале 1829 года настоятель Антоний тяжело заболел и находился постоянно в больнице при Московском Симоновом монастыре. Управление пустыней было возложено на казначея обители иеромонаха **Геннадия** (позже был переведен в Екатерининскую пустынь, где и оставался до самой своей кончины). 26 мая 1829 года настоятель о. Антоний скончался и был погребен согласно его воле на кладбище Симонова монастыря. Указом Его Императорского Величества было предписано *«...управление впредь до усмотрения...»* поручить казначею пустыни, иеромонаху Геннадию⁸³.

А случилось обретение чудотворного образа «Лобзание Иисуса Христа Иудюю» так. Татьяна Ивановна Кузнецова, жительница села Кудиново, страдала болезнью глаз более 20 лет, это было достаточно редкое заболевание: ресницы росли внутрь, что причиняло большие страдания. И вот, видит она во сне некоего благолепного мужа, который, показывая ей на некую икону Спасителя, велит идти в Берлюковскую пустынь и молиться там перед этим образом об исцелении. Видение повторялось. Несколько раз приводили слепую женщину в монастырь, но тщетно: не слышали ничего в обители о такой иконе. Наконец, в хлебне (трапезной части перевезенного некогда кармолинского храма во имя Всемиловитого Спаса) монахи отыскали древний образ, сильно закопченный. Стали перед ним служить водосвятный молебен, помазали женщине глаза водой от иконы,

и, что же: «В одно мгновение струпы покрывавшие ея сомкнутыя ресницы, отпали, веки разошлись и слепая двадцать лет прозрела. Неописана была радость исцелевшей; в святом интуизме она схватила стоявшую икону, тысячекратно лобызала лик Спасителя, орошала Его теплейшими слезами, и не будучи в состоянии говорить, указывала предстоящим, то на свои глаза, то на икону, и снова начинала лобызать, и плакать»¹⁹. В течение нескольких часов весть эта облетела всю округу. На другой же день многочисленная толпа наводнила монастырь. Люди шли за чудом, каждый за своим. Народу было столько, что многие лезли в окна. Братия пребывала в растерянности, срочно поехали в Москву, докладывать о произошедшем чуде митрополиту Филарету (Дроздову). Владыка благословляет перенести икону в церковь с подобающим торжеством и поставить в доступном для всех молящихся месте. И вот, в десятое воскресенье по Пасхе, совершается торжественное перенесение иконы из монастырской хлебни в Троицкий собор. Крестный ход, празднично звонят все колокола, икону ставят в приделе Святителя Николая Чудотворца в столпе. Богослужение было особенно торжественным, оно совершается по особой рукописной службе Страстям Христовым (сейчас утраченной) и при большом стечении народа. С тех пор устанавливается местное празднование обретенной чудотворной иконе в каждое десятое воскресенье по Пасхе⁸⁴. «Это происшествие, или справедливее сказать, видимое явление премилосердного Бога в иконе Его, для оказания помощи страждущему человечеству»¹⁹ совершенно меняет жизнь монастыря. Вся последующая история обители теснейшим образом связана с явленной чудотворной иконой. Берлюковская пустынь становится одной из весьма почитаемых в России обителей.

Духовный расцвет обители в середине XIX века

Строитель Венедикт

Немного забегаая вперед, скажем, что период с 1830 по 1870 годы, т.е. вплоть до прихода о. Нила - это время расцвета духовной жизни в обители. Отцы Венедикт, Парфений, Иосиф, Исая и Иона – настоятели Николаевской Берлюковской пустыни в эти сорок лет – придерживались более аскетической направленности, весьма радея о духовном делании, но это было время и мощного строительства.

9 июля 1829 года новым строителем пустыни назначается **иеромонах Венедикт (Василий Семенович Протопопов)**. Бесспорно, это был один из самых выдающихся настоятелей Берлюковской обители. Господь щедро одарил его всеми необходимыми настоятелю талантами: мудрый духовник, умеющий утешить и простого крестьянина и богатого дворянина, выдающийся организатор и администратор, очень образованный че-

ловец, большой патриот, всегда откликающимся на нужды своей страны. При нем идет активное строительство на территории обители, увеличилась и духовно укрепилась братия (численность ее впервые превысила 50 человек), старчество и пещерожительство, начатое в монастыре еще при строителе Пахомии, становится традицией. При нем начинается история знаменитых Берлюковских крестных ходов, которыми обитель стала известна далеко за пределами Московской епархии. Отец Венедикт: *«родился в Москве, в 1794 году, Марта 9, у Спаса во Спасском, где отец его Семен Филиппов, был дьячком, и наречен во Св. крещении Василием»*⁸⁵. Василий получил хорошее образование и уже с раннего детства отличался тяготением к духовной жизни. Семья Протопоповых была очень религиозна, многие из детей стали священнослужителями. Старший брат Василия - протоиерей Федор Семенович Протопопов, настоятель московского храма Пресвятой Троицы, что на Пятницком кладбище, племянник, сын протоиерея Федора, Петр Федорович Протопопов - настоятель храма Иоанна Богослова села Глинкова Богородского уезда Московской губернии, другой брат Василия, священник Павел Семенович Протопопов - настоятель храма в селе Горворново Коломенского уезда Московской губернии, младший из братьев, протоиерей Константин Семенович Протопопов - настоятель храма святителя Николая Чудотворца в Коломенском Кремле. Изучением родословной этой славной династии Протопоповых сейчас занимается фонд «Возрождение Николо-Берлюковского монастыря». Иногда фамилия о. Венедикта указывается как Филиппов, а не Протопопов. Это ошибка, происходящая из неверного прочтения имени его отца - Семен Филиппов, что на самом деле обозначает – Семен, сын Филиппа.

Василий: *«В 1808 году, на 14 году от рождения, он поступил на службу в Канцелярию Межевого Департамента в Москве, и, так как имел хороший и четкий почерк, то за отличие был произведен в подканцеляриста. Не известно почему, но мирская жизнь пришлось не по мысли ему, и, получив увольнение от службы по прошению, с отличным аттестатом, в марте месяце, 1811 года, в начале мая того же года он поступил послушником в Екатерининскую пустынь, где при пострижении, в 1814 году, и был назван Венедиктом»*⁸⁶. Монашеский постриг Василий Протопопов принял 20 декабря 1814 года с именем Венедикт, в 1815 году был рукоположен в иеродиакона, а в 1817 году - в иеромонаха. Поначалу иеромонах Венедикт был определен в братство Московского Чудова монастыря, с 1826 года по 1827 годы служил настоятелем Свято-Троицкого Стефано-Махрищского монастыря в Киржачском районе Владимирской области, затем, в течение двух лет, до июня 1829 года был экономом Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а 17 июня 1829 года его назначают экономом самой Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Однако, послужить на этой должности отцу Венедикту не пришлось: уже 24 июня 1829 года было решено: *«... определить его строителем Берлюковской пустыни предписав ... принять пустынь с суммами и имуществом как следует»*⁸⁷.

Прибыв в Берлюковскую пустынь 25 августа 1829 года, иеромонах Венедикт без промедления включается в работу. Уже 30 августа 1829 года

он пишет рапорт на имя митрополита Филарета: «...с приезде моего в пустынь, то есть с 25 по 30 число сего Августа, народ каждодневно приходил для богомолья, в довольном количестве, всякаго сословия, возраста и пола, но чудодейственного ничего не случилось»²⁰. Подобные рапорты будет составлять новый настоятель еженедельно, описывая богомольцев, приходящих на поклонение недавно обретенной святыне. И вот, 5 октября того же года у иконы свершается новое исцеление «...вотчины госпожи Прасковьи Николаевны Давыдовой, деревни Мишнева крестьянин Лаврентий Михайлов... был одержим, около трех недель, трясавицею, так, что ни крестьянских работ, ниже ходить, был не в силах»²⁰. Крестьянин тот получает полное исцеление, что в письме к отцу настоятелю подтверждено было многочисленными свидетелями²⁰. Отец Венедикт пользовался большим уважением и у монастырской братии, и у окрестных жителей. По воспоминаниям, был он человеком решительным и деятельным, в управлении взыскателен и строг, пользовался доверием и был на очень хорошем счету у владыки Филарета: «Отец Венедикт, как он доказал на деле, был человек деятельный и способный к управлению обителью. Он понял ее потребности, и, имея ум сметливый и характер решительный, знал, как приняться за дело. Будучи ласков и обходителен с посетителями, он скоро приобрел благорасположение местных жителей и приезжих богомольцев. Явились благотворители и щедрые датели, которые ускорили возможность устроить внешнее благосостояние обители»⁸⁶. Время его настоятельства стало эпохой большого строительства в монастыре. Николаевская Берлюковская пустынь превратилась в красивый архитектурный комплекс с великолепными храмами. С 1829 по 1832 годы был выстроен **каменный двухэтажный корпус**: «...в коем устроено шестнадцать келий братских. Печи с лежанками изращатые; полы дащатые, двери все простые на железных петлях. Корпус внутри и снаружи оштукатурен; покрыт железом с окрашением медянкою. При нем два входных крыльца с колоннами; площадки и ступени из Белаго камня»⁸⁸. С 1832 по 1833 годы в Москве, за Большим Каменным мостом, выстроена новая **часовня Николая Чудотворца**, на месте старой часовни, отошедшей пустыни еще при митрополите Платоне (Левшине) в 1780 году. Вновь построенная часовня была: «каменная и при ней корпус двуетажной каменный... Часовня и корпус покрыты железом и окрашены медянкою. Над Часовней крест и яблоко медные вызолочены. В Корпусе внизу устроена лавка с подвалом со сводами. В верхнем этаже полы дощатые, двери простые на железных петлях; две печи: одна русская, другая голландская, изращатые. Сени – низ каменный, а верх деревянный, покрыт железом»⁸⁸. Как раз в эти годы при часовне и было устроено Московское подворье монастыря. Господь наделил о. Венедикта даром помогать человеческим душам, искалеченным пороками и страстью. При нем монастырь стал как бы большой лечебницей, неким исправительным учреждением. Читаем архивный документ за 1835 год: «Проживают: 11 человек по исправлению в пьянстве, 4 человека по церковному суду (2 за убийство), 5 священников для научения кротости и смирения, 3 человека за прелюбодейскую жизнь, 3 монаха запрещенных в священнослужении, 2 раскольника»⁸⁹. Так, из года в год, трудился о. Венедикт в исправлении этой своей отдельной и очень

хлопотной «братии». Несомненно, помогали ему в этом старцы и духовники обительские, но ведь он и только он нес полную ответственность перед Богом за них. Так будет в Берлюковской пустыни до самого ее закрытия, но начало этому было положено во время настоятельства о. Венедикта.

При о. Венедикте было положено начало знаменитым **берлюковским крестным ходам**, растет почитание чудотворного образа «Лобзание Иисуса Христа Иудюю». Вскоре после своего назначения отец Венедикт начинает документально фиксировать все события, непосредственно касающиеся чудотворного образа. Составляется описание подробностей его обретения, описание чудотворений, от него происходивших, и все это с большой точностью, с приведением свидетельств очевидцев и заверением монастырских старцев. Эти свидетельства он отсылает в Святейший Синод, который и выдает с благословения митрополита Филарета разрешение на проведение крестного хода в Богородск на праздник Покрова Божией Матери в 1834 году. В этот день в Богородске случился пожар, который чудесным образом прекратился при приближении крестного хода с иконой к городу. Тогда местные жители пишут прошение Преосвященному Филарету о ежегодном изнесении чудотворной иконы на праздник Покрова в Богородск. Митрополит Филарет ходатайствует перед Святейшим Синодом и его указом: *«...в утешение усердствующих разрешил ежегодно к вышеупомянутому сроку просимую икону износить»*⁹⁰, и с тех пор, вплоть до 1919 года на праздник Покрова Божией Матери крестный ход с иконой отправлялся в Богородск. Отец Венедикт много заботился об устройении и расширении географии крестных ходов до соседних уездов.

48

Слава иконы растет. Во время праздников Троицкий храм уже не может вместить всех желающих поклониться чудотворному образу Спасителя, люди вынуждены стоять на улице, вне храма. В пустыни начинаются приготовления к строительству нового соборного храма специально для чудотворного образа Спасителя. Инициатор и благодетель строительства - московский купец Афанасий Емельянович Щекин, о котором, к сожалению, мы не знаем пока ничего. Храм начал строиться по проекту архитектора - Федора Михайловича Шестакова (1787 – 18.09.1836), одного из крупнейших зодчих XIX века, мастера московского ампира. Он принимал участие при строительстве храма Большого Вознесения у Никитских ворот (где венчался А.С. Пушкин), храма Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище, выстроил приделы в храме Григория Неокесарийского (напротив станции метро «Полянка»), трапезную при церкви Иоанна Предтечи за Пресней, колокольню при храме святителя Николая Чудотворца в Толмачах, храма Троицы в Вишняках и церкви преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе. Погребен на Калитниковском кладбище в Москве. 26 июня 1835 года указом Его Императорского Величества дозволялось: *«...приступить к начатию сооружения храма во имя Христа Спасителя в оной Берлюковой пустыни, по составленным Господином архитектором Шестаковым плану и фасаду, построение коего по смете того же архитектора простирается до 171968 рублей 19 коп. с*

половиною»⁹¹. С августа 1835 года начинается сооружение **храма во имя Христа Спасителя**, того, в котором сейчас совершается богослужение.

Начав сбор средств на строительство нового соборного храма, иеромонах Венедикт, с благословения митрополита Филарета, выпускает «Воззвание к православным христианам, любящим благолепие храмов Господних», в котором говорилось: *«Богу угодно было явить особенное знамение благоволения своего на обители нашей, прославлением Чудодейственной Иконы Христа Спасителя лобзаемого предателем Иудою. Довольное число чудес привлекает Богомольцев из Москвы и других даже удаленных городов и других весей... решаюсь приступить к построению новаго Соборнаго Храма во имя Христа Спасителя, лобзаемого Иудою... Малы зерна пшеницы, но из совокупности многих из них составляется хлеб...»*⁹². На храм собирали шесть лет: с 1835 по 1841 год. Откликнулись все соседи Берлюковской обители, друзья и многочисленные прихожане. Деньги на это богоугодное дело собирались по книге, специально для этого заведенной по указу Московской Духовной Консистории. Деньги вносили целыми семьями, жертвовали дворяне, купцы, фабриканты, крестьяне и семьи берлюковских монахов. Афанасий Емельянович Щекин первым внес 30.000 рублей, за что получил благословение от Святейшего Синода. Вохненский купец Давыд Иванович Широков⁹³ пожертвовал 21587 рублей. Позднее он же оплатит изготовление иконостаса для храма (стоимостью 7000 рублей), изготовление очень красивой серебряной ризы для иконы Спасителя сидящего на престоле для этого же иконостаса (стоимостью 4415 рублей), а также изготовление ризы для иконы Божией Матери⁹⁴. Купеческие династии Куманиных, Лепешкиных, Желудевых и Морозовых⁹⁵ много жертвовали на строительство, многие из них вступили в братство пустыни. Во время строительства храма о. Венедикт благословляет ношение чудотворной иконы по всем местным уездным церквям, чтобы все желающие могли поклониться святыне и внести свою лепту в строительство. Сооружение храма продолжается вплоть до 1848 года. Был построен каменный 36 – метровый собор: *«... о пяти главах, из коих средняя вызолочена на меди под кремень, крест и яблоки чрез огонь, а четыре главы из белаго железа... ступени и амвон из белаго камня. Собор покрыт железом и окрашен медянкою. В нем окон: в нижнем ярусе девятнадцать; над оными круглых шестнадцать; во всех окнах решетки железные. При соборе три входных крыльца: с западной стороны площадка и на три схода ступени чугунная, а боковые устроены из Белаго камня, прямые»*⁹⁶. Собор построен в неоклассическом стиле. Безупречность пропорций этого сооружения обеспечивается за счет портика, с преувеличенно вытянутыми в высоту пилястрами и высокого основного барабана, доминирующего во всей объемной композиции собора. Барабан увенчан вызолоченной средней главой. Четыре малые главы нарочито близко расположенные к основному барабану, подчеркивают стройные пропорции храма. Таким образом, архитектор решает основную задачу – возведение величественного сооружения в заданном тесном пространстве. Внутри храм был необыкновенно красив: *«...олтарь купол и своды расписаны живописью и арабеска-*

ми до карниза, стены покрыты колером, иконостас на протяжении 33 аршин в два яруса вызолочен с резьбою рококо»⁷⁴. 12 сентября 1848 года храм Христа Спасителя был освящен митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым) в присутствии собора почетного московского духовенства, игумена Венедикта с братией, а также многочисленного собрания постоянных прихожан, паломников и московских почитателей обители. Великолепное каменное творение московского зодчего Федора Михайловича Шестакова принимает в свои стены главную святыню Николаевской Берлюковской пустыни, чудотворную икону «Лобзание Иисуса Христа Иудюю». Строительство собора обошлось монастырю в 140.000 рублей – сумма, по тем временам, громадная и собрать ее удалось, бесспорно, только благодаря участию большого количества людей. И все-таки, основная заслуга в том, что такой собор был построен, принадлежит отцу Венедикту, труды его были по достоинству оценены. 19 сентября 1840 года «*Строитель Венедикт в уважение трудов, успехов и благоустроении обители и братства произведен во игумена*»⁹⁶, в 1842 году его награждают золотым крестом на золотой цепи, пожалованным от Святейшего Синода в уважение его титанических трудов по строительству собора во имя Христа Спасителя⁹⁷, 18 октября 1848 года игумен Венедикт был награжден палицей от Святейшего Синода за ревностные труды по построению собора. Собор был выстроен в прославление чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудюю», а также в память о победе в Отечественной войне 1812 года. В 1883 году митрополит Московский и Коломенский Иоанникий в присутствии Императора Александра III освятит всем известный одноименный столичный храм, также построенный в ознаменование победы над французами. Кстати, заметим, что архитектурно они очень похожи, хотя берлюковский храм меньше, но так же красив и величественен.

Во время возведения храма Христа Спасителя о. Венедикт не прекращает и других строительных работ в монастыре. С 1837 по 1839 годы строили **каменный двухэтажный корпус** «*для братской трапезы с ея принадлежностями поварнею, пекарнею и пятнадцатью келиями*»⁸⁸. В 1840 году за один год сооружается **каменный храм во имя святителя Василия Великого**. Холодный храм располагался над святыми воротами и представлял собой просторную палату, перекрытую куполом с одной главой из белого железа, «*...крест, яблоко, репы и ложка под главою вызолочены под кремь на меди. Внутри церковь оштукатурена*»⁸⁸. Храм был одним из самых богато украшенных в обители: список с чудотворной иконы, находившийся в этом храме, как и в любом другом храме монастыря, здесь был в золотой ризе и в золотой тумбе. Так быстро удалось его построить по причине щедрых пожертвований, поступивших от неизвестного лица на строительство именно этого храма и при весьма таинственных обстоятельствах. История эта такова. Некто подбрасывает в монастырь письмо с просьбой построить храм во имя святителя Василия Великого. Отец Венедикт обращается к митрополиту Филарету, который, однако, отвечает, что храмов в обители и без того предостаточно, лучше бы стены построить хорошие. Об ответе митрополита Филарета

сообщают в письме, которое кладут на то же место, где нашли первое с просьбой о строительстве храма. Через некоторое время там находят новое письмо с ответом: или храм Василия Великого, или ничего. На самом деле, храм этот действительно монастырю был не очень нужен. Служили в нем потом всего дважды в год: в день святителя Василия Великого и на Пасху, пасхальную службу обязательно служили в каждом храме монастыря, это строго соблюдалось. Тогда, мудрый митрополит Филарет все же позволяет построить храм, дабы не обидеть этого человека. Деньги на строительство поступали без задержки и столько, сколько нужно. Переписка происходила всегда только анонимно и только вышеописанным способом. Храм никогда не знал ни в чем нужды. Все просьбы монастыря по этому храму удовлетворялись мгновенно, ежегодно, в день памяти святителя Василия Великого в то же самое место кладется 3000 рублей серебром. Обитель так и не узнала, на чьи средства был построен храм, и кто его поддерживал вплоть до 1917 года. В советское время храм «использовался» как клуб, сейчас там расположена администрация, в алтаре - кабинет главного врача. Одновременно с сооружением надвратного храма святителя Василия Великого строится новая **каменная ограда** «... на протяжении 110 сажень»⁹⁸ с восточной, южной и северной сторон: «... по углам оной устроены две каменные двухэтажные башни. Башни и часть ограды покрыты железом и окрашены медянкою... с восточной стороны ворота; над оными арка впадиной, полуциркулярная каменная. На ней Крест и яблоко вызолочены под кремь. В воротах затворы деревянные филончатые столярные, на железных петлях. Возле оных ворот устроена каменная сторожка»⁸⁸. Западная же сторона ограды, выходящая на Ворю, была превращена в сад, устроенный в несколько террас, спускающихся к реке. В 1844 году **часовня во имя святого Пророка Или** была перенесена: «по новому Нижегородскому шоссе в Новую деревню Псарьки и выстроена каменная покрыта вся железом, к ней пристроены сени деревянные, покрыты тесом»⁸⁸.

51

В 1844 году в обители начинается строительство **храма во имя Всех Святых**. Игумен Венедикт подает прошение митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету о построении на западной стороне ограды каменного двухэтажного корпуса братских келий, по той причине, что: «в оной Николаевской Берлюковской пустыни не достает братский келий и некоторые живут по двое; почему и необходимо нужно выстроить вновь каменный корпус длиною 16 сажень и шириною 17 сажень»⁹⁸. Причем в прошении игумен Венедикт просит устроить этот корпус вместе с домовым храмом, и на месте, очень значимом для обители, там, где прежде находилась монастырская хлебная, в которой был обретен чудотворный образ. Замысел о. Венедикта состоял в том: «...чтобы при келиях, на самом том месте, где прежняя старая братская деревянная трапеза с пекарнею, пришедшая в совершенную ветхость, ничем не занимаемая и в которой прославилась чудесами Икона Христа Спасителя, в память сего благодатного события, устроена была церковь во имя Всех Святых, и как в настоящее время, по заведению, исправляется в ветхой пекарне ежедневное чтение Псалтири по усопших вкладчиках, то и в предполагае-

мом в келиях сего корпуса поместить престарелую болящую братию, а в церкви, которая по сему прилично может именоваться больничною. На будущее время, сверх богослужения, будет совершаться и ежедневное чтение Псалтири нерушимо»⁹⁹. Отсюда мы можем сделать вывод, что деревянная трапезная с пекарней, в которой была обретена икона «Лобзание Иисуса Христа Иудю» просуществовала до 1844 года на прежнем своем месте. В апреле 1845 года последовал Высочайший Указ, гласивший: «Построение каменного корпуса с больничною при нем церковью во имя Всех Святых на монастырскую сумму для келий болящей братии, по недостатку братских келий, признать необходимым»⁹⁹. Храм был заложен на западной стороне монастырской ограды. С двух сторон к храму примыкали двухэтажные каменные корпуса: правый корпус - настоятельский, в левом - больница и аптека. Это был как бы домовый храм, службы для прихожан и паломников в нем не проводились. Храм был очень интересно продуман. Устроено все было таким образом, что из палат больницы, примыкавшей к храму, больные, лежа на кроватях, могли принимать участие в богослужении. Для этого напротив каждой кровати было прорезано окно, через которое, не вставая, больная и престарелая братия могла наблюдать службу в самом храме. Этот храм всегда поддерживался коштом жителей сел Купавны и Кудиново. Это и понятно: из Кудиново была родом Татьяна Ивановна Кузнецова, первая исцелившаяся у чудотворного образа, из Купавны - фабрикант Петр Семенович Бабкин¹⁰⁰, который 7 сентября 1836 года после молебна перед чудотворным образом Христа Спасителя на своей фабрике в селе Купавна исцелился от тяжелой формы горячки. Это новое исцеление всколыхнуло тогда всю округу⁹⁶. Сама церковь была: «каменная, одноглавая, с шатрообразным куполом и с хорами, на кои ход из настоятельских келий; в ней иконостас двухъярусный, покрытый тюлем и вызолоченный на полимент с резьбой...»⁹⁹. Церковь была окрашена светло-зеленой и белой краской на масле. Владыка Филарет благословил: «снаружи на стене на том месте, где явился Чудотворный Образ Христа Спасителя написать в точную меру Явленного и сделать киот для поклонения всякому проходящему в монастырь»⁹⁹. Благословение митрополита Филарета было выполнено, что подтверждает одна из литографий альбома «Виды Николаевской Берлюковской пустыни»¹⁰¹. На ней хорошо видно, что в самом центре храма Всех Святых в каменном обрамлении расположен святой образ, к которому вели несколько каменных ступеней, чтобы всякий мог подняться для целования его. Под образом была краткая надпись о чуде обретения. Точный текст ее до нас, к сожалению, не дошел. Внутри храм был богато украшен, в нем пребывало 50 икон, есть упоминание о том, что имелись очень красивой работы: «...хоругви для выноса во время крестных ходов, иконы Воскресения Христова, Богоявления, Святой Троицы и Лобзания»⁹⁹.

Ктитором храма во имя Всех Святых выступил московский купец Федор Федорович Набилков¹⁰². На строительство он пожертвовал 10.000 рублей, продолжал делать пожертвования и позже, в процессе строительства храма. Это был удивительный человек, тративший все свое состояние на украшение храмов, монастырей, а также на помощь обездоленным лю-

дям. Не раз бывал Федор Набилков и в Берлюковской пустыни. Вот как чуть позже он напишет о своем пребывании в Берлюках в мае 1848 года в письме к отцу Венедикту, которого весьма почитал за мудрое руководство обителю: «По случаю бытия моего во Святой Обители Вашей находил я утешение, душевное и телесное, и ни одного случая соблазнительного я не замечал... строение корпуса и Церкви Всех Святых... расположение правильно и отделка внутри хороша, прочна и суха»¹⁰³. Писатель Иван Шевелкин добавляет о сем храме: «В корпусе настоятельском устроена больничная церковь во имя всех святых небольшая, но весьма изящная, с хорами для престарелой и больной братии, помещающейся в келлиях подле церкви. В ней замечателен иконостас, весь резной и вызолоченный по тюлю, работы мастера Павла Константинова, проживающего в селе Купавне»^{103а}. Федор Федорович Набилков вскоре передает обители еще 1000 рублей серебром и 5000 рублей ассигнациями на отделку храма и установку иконостаса. 29 июня 1853 года **церковь во имя Всех Святых** была освящена митрополитом Московским и Коломенским Филаретом⁹⁹. В 1851 году начата и окончена каменная двухъярусная **колокольня**: «для большого колокола в 1005 пуд... и при ней **ограда с западной стороны...**»⁷⁴. На колоколе, изготовленном на колокольном заводе купца Л.Н. Финляндского¹⁰⁴, была сделана надпись: «Устроен в царствование Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссийского и по благословению Его Высокопреосвященства Филарета митрополита Московского при игумене пустыни Венедикте 1851 года октября 3 дня»⁷⁴. В том же 1851 году монастырь заканчивает строительство большой **гостиницы** для паломников, желавших поклониться подмосковной святыне. Гостиница включала в себя два двухэтажных корпуса и два корпуса для странноприимного дома, магазин и лавку, располагалась у въездной дороги со стороны Стромьинского тракта, к северо-востоку от стен монастыря. Тогда же были устроены **скотные и конные дворы**. В феврале 1851 года игумен Венедикт просит разрешения выстроить новое здание келий, примыкающих к **часовне во имя Святителя Николая Чудотворца в Москве на Немецком рынке**: «...имеется в Москве на Немецком рынке каменное строение, принадлежащее Берлюковской пустыни, длиною 12 аршин и шириною 10 аршин, в котором часовня, лавка о трех растворах, и над лавкой келии для живущего часовенного»¹⁰⁵. Разрешение было получено, в 1851 – 1852 годах все было полностью перестроено, там поселились монахи, стал назначаться настоятель часовни, и, фактически, часовня стала именоваться во всех документах как второе московское подворье, являвшееся официальным представителем монастыря в столице и ставившее перед собой, прежде всего, задачи миссионерские.

В 1853 году игумен Венедикт возведен в сан архимандрита. Тогда же неутомимый настоятель приступает к последнему уголку обители - он принимает решение полностью перестроить Казанский храм, привести в порядок монастырский лес и построить новую ограду. Вновь пишется прошение на имя митрополита Филарета: «При Берлюковской пустыни имеется вне монастыря, не в дальнем расстоянии церковь, во имя Казанския Божией Матери, деревянная, устроенная на деревянных столбах и крытая

железом; стены церкви прочны, но деревянные столбы сгнили, от чего и самая церковь наклонилась на одну сторону. Для поддержания оной, которая необходима при монастыре как потому, что внутри монастыря нет ни одного храма в честь Божия Матери, так и потому, что при оной погребаются монашествующие... предполагается сделать некоторые исправления: под всю церковь подвести новый фундамент каменный, в церкви дощатый пол, под которым переводы ветхи, разобрать и настлать вновь, в святом алтаре Престол устроен на дощатом полу и во время хождения сотрясается, то Престол нужно снять и под него устроить каменный столб, а пол с переводами переделать, стены в церкви и в алтаре оштукатурить, иконостас перебрать и в нем иконы поправить»¹⁰⁶. В декабре начинаются ремонтные работы в **храме Казанской иконы Божией Матери**. Два колокола для Казанского храма были изготовлены на колокололитейном заводе Самгина по желанию Ф. Ф. Набилкова, который написал отцу Венедикту: «...жертвую колокола в обитель Берлюковскую к церкви Казанской Божией Матери в рощице, где устроен скит...»¹⁰³. В том же прошении о. Венедикт писал и о **монастырском лесе**: «Кроме сего монастырский лес, в конце которого находится означенная Казанская церковь, не огорожен; живущие на фабрике и в деревне за лесом, в летнее время всегда ходят чрез лес, проложили по оному много дорожек, от чего корни деревьев обнажились, а многие деревья уже засохли. По сему, как для сбережения леса, так и потому, что Трапезный корпус с одной стороны окнами обращен к означенному лесу, а особой ограды не имеет, необходимо около онаго лесу, с трех сторон, начиная от углов каменной монастырской ограды, сделать бревенчатую ограду из заостренных кольев»¹⁰⁷.

Летом 1854 года крестьянин Владимирской губернии Покровского уезда деревни Заболотье Тимофей Лукьянович Морозов со своей артелью приступил к работам по построению ограды вокруг монастырского леса, которые были полностью завершены всего за два с половиной месяца. Крайне интересны рекомендации, написанные самим Тимофеем Лукьяновичем, обнаруженные в монастырском архиве: «Прясла делать длины шести аршин, столбы ставить круглые выстроганные, обжигать и к земле оные смолить, берестою обертывать, зарывать глубины два аршина, плотно в землю уколачивать, верхи на столбах обделывать, и накрывать дощечками с четырех сторон граненые; заборник из семи аршинных бревен пополам, верхи сделать остроконечные, или как будет приказано, набирать на две иглицы строгонья, которые брусски тесать толщаны полтора или два вершка, ширины три вершка, вниз класть по два бревна на двух обозженных стульях; а концы заборника в столбах в паз, бревны все, как заборника, стоячия, так и нижния два бревна строгать и делать пряслы плотно и верно, по черте в паз, комлями вниз; внизу у подбора ветхие бревны обделать гребнем и осмаливать; а у заборника проухами. По болотному месту столбы вколачивать карпом до крепкого материка своими людьми. Столярные ворота со столбами и аркою делать по рисунку, клееные, чисто с обеих сторон и верно, с подставкою тумбов, с приделкою закладных крючков и запоров»¹⁰⁷. Работы в монастырской роще, стали последними крупными работами при строите-

ле Венедикте и последним его земным делом: «Вероятно, он бы и еще много сделал для обители, но июня 1 дня 1855 года, смерть внезапно пресекла его многотрудную жизнь на 61 году от рождения: скончался от удара»⁹⁷. На следующий день последовал Указом Его Императорского Величества: «На донесение старшей братии означенной пустыни о смерти настоятеля оной архимандрита Венедикта резолюцией предписано: благочинному монастырей Андрониевскому архимандриту Платону немедленно прибыть в Берлюковскую пустынь, освидетельствовать всякую монастырскую собственность... Смотреть за братией впредь до назначения иеромонаху Вениамину, совершить погребение преставившегося по чиноположению с подобающей честью, в помощь иеромонаху Вениамину придать иеромонаха Парфения»¹⁰⁶.

Бесспорно, со времени строителя Иоасафа, ни один из настоятелей не сделал для обители столько, сколько сделал отец Венедикт¹⁰⁸. И именно во уважение трудов архимандрита Венедикта: «тело его покоится под холодным собором в склепе»¹⁰⁹. Жаль, что до нашего времени не дошло ни одного изображения склепа о. Венедикта, не сохранилось и описаний, где именно он находился.

Таким образом, в управление пустынью вступили **иеромонахи Вениамин и Парфений**, старшие из Берлюковской братии, управлявшие совместно ровно год, вплоть до назначения в июне 1856 года нового настоятеля - о. Парфения (Агеева). Временные управители 20 февраля 1856 года донесли описью об оставшемся наследстве отца Венедикта: «Иконы – 2 шт., Крест золотой с золотой цепочкой, пожалованный из кабинета Его Императорского Величества в 1842 году – 1 шт., Книги – 11 шт., Карманные часы серебр. – 1 шт., Шесть ложек серебр. 84 пробы именные под литерами «И.В.», ряска – 3 шт., подрясник – 3 шт., тулуп суконный на меху – 1 шт., трость иерусалимская с перламутровым набалдашником – 1 шт., пояс, козловые сапоги и калоши»¹⁰⁷.

55

Инок Парфений

24 июня 1856 года указом Московской Духовной Консistorии в Николаевскую Берлюковскую пустынь назначается настоятелем иеросхимонах Гефсиманского скита о. **Парфений (Агеев)**. Так, Промыслом Божиим, во главе Берлюковской обители становится один из интереснейших людей того времени: известный духовный писатель XIX столетия, паломник и странник Христа ради, миссионер и проповедник.

Отец Парфений (в миру Петр Агеев) родился 14 ноября 1806 года в Молдавии в городе Яссы (сейчас это Румыния) в русской семье. Точно известно, что воспитывался он в семье старообрядцев, была ли то родная его семья или это были приемные родители – непонятно. Сам он напи-

сал об этом так: «Я родился в Молдавии, от русских, и в пеленах остался от своих родителей: но паче первых послал мне Господь вторых, которые породили меня духом и приготовили меня к иноческой уединенной жизни. Я называю их своими родителями, хотя до возраста и не знал, что они не родные: а хотя кто и сказывал, но я тому не верил, видя великую их ко мне любовь. За то я до самой смерти из любил, и много старался о их обращении из раскола. Они были весьма богобоязливы, милостивы и страннолюбивы: дом наш был всегда отверст странным и нищим; за что Господь и не оставлял их в расколе, но при старости лет присоединил к Своей Святой Церкви, в которой и препроводили остальные дни своей жизни, и с чистым покаянием и со причастием Святых Тайн скончали живот свой»¹¹⁰. Детство его было счастливо, он был окружен заботой и нежной любовью, хотя и воспитывался в большой строгости. Духовной академией и училищем благочестия называет он свои детские годы: в шесть лет выучил грамоту, к десяти - прочитал Библию и полностью разобрался, какие книги относятся к законоположительным, какие к историческим, какие к учительным, а какие к пророческим, любил рассказы о странствиях, чудесах, любил читать жития святых. Все вокруг так и называли отрока – «поп» или «проповедник». Отец Парфений писал о себе: «...я никакими детскими играми и шалостями, свойственными обычно детям, не занимался, но все игры мои и забавы были – или Богу молиться, или пещеры копать, или церкви делать и что-нибудь божественное петь, или между стариками сидеть и слушать их разные исторические разговоры и повести... Еще я имел необыкновенную страсть проповедывать величие и славу Божию, ибо только услышу новое, или какое чудо или житие в Четых Минеях, то утром отправляюсь по всем сроникам и знакомым это рассказывать; ибо память у меня была острая, и поэтому прозвали уже меня попом-проповедником и часто на улицах меня останавливали, ибо знали: когда я иду, то что-нибудь несу новое, и спрашивали; и где только я останавливаюсь, уже около меня толпа народу!»¹¹¹.

Достигнув совершеннолетия и получив паспорт, отправляется он странствовать: «ища благоугодить единому Господу своему, Иисусу Христу»^{111а}. Побывал он в Киеве, в Великой Успенской Печерской Лавре, где в пещерах приложился к святым мощам угодников Божиих. Побывал он и в Саровской пустыни, пожил там, вник в устав православной обители, сподобился видеть преподобного Серафима Саровского, навсегда сохранив в душе облик святого старца. Он особенно благоговел перед Саровской пустынью: «О, святая обитель! Воистину, ты яко град велик и прекрасен!»^{111б}. Юноша неустанно искал правду и волю Господню: обошел множество старообрядческих монастырей и храмов - Стародубские монастыри, Рогожское кладбище в Москве, монастыри и скиты в Керженских лесах, Иргизские монастыри, Чернобыльский монастырь. Вернувшись в Молдавию, поселился в Карпатских горах в скиту. В 1831 году был пострижен в монашество с именем Паисий в Бело-Криницком старообрядческом монастыре, близ Карпатских гор, но в монастыре не остался, а ушел в молдавский старообрядческий Мануиловский скит. В 1838 году он совершил большое паломничество в

Россию. В православной Надеевской пустыни в Костромской губернии состоялась крайне важная для юноши встреча с преподобным Тимоном Надеевским, великую духовную пользу обрел он тогда для себя. Беседы со старцем Тимоном заставили юношу по-другому посмотреть на старообрядчество, постепенно он стал осознавать старообрядчество, как заблуждение. Вторично он едет в любимую им Саровскую пустынь, где беседует с настоятелем игуменом Нифонтом и со старцем Иларионом. После этого паломничества Петр вернулся в Молдавию, где обошел все обители учеников великого старца Паисия Величковского, во многих из них оставаясь подолгу. 23 апреля 1838 года Петр совершенно оглох и переносил это как попущение Божие более десяти лет. В 1839 году в молдавском монастыре во имя Рождества Богородицы (Ворона), после долгих размышлений и бесед, Петр принимает решение присоединиться к Православной Церкви: *«Потом семь дней препроводили мы в посте и молитве, и каждый день пред Литургиею читали нам огласительные молитвы, и мы проклинали все ереси и расколы. В осьмый день всех нас десять человек присоединили к Святой Восточной Соборной Апостольской Христовой Церкви: иных совершенно крестили, иных только Святым Миром помазали, в числе которых и нас двоих присоединили, и причастили всех Святыми Тайнами, Телом и Кровию Христовою. И были во всей обители, и наипаче между нами, великая радость и веселие; и все мы благодарили Господа Бога, Царя Небеснаго, за Его великия милости, что сподобил нас недостойных рабов Своих присоединиться к Святой Восточной Церкви »*^{111в}. Пережитое побудило его отправиться на Святую Гору Афонскую. Прибыл он туда в сентябре 1839 года, и по его прибытии шесть дней шел сильный дождь, многое было снесено и все это время продолжалось землетрясение - Сам Господь прогневался на эту землю. Но один юродивый иеродиакон, который в то время жил на Афоне, вымаливал прощение у Господа для этой земли. Некоторые достойные отцы видели его стоящим на коленях в воздухе и просящим Господа Иисуса Христа и его Пречистую Матерь помиловать эту землю и не попустить ее полного разорения. Многие видели, что сошла Матерь Божия с небес и пообещала юродивому спасти эту землю, но только с теми, кто верно служит Ее Сыну, что придут сюда истинные монашествующие и земля расцветет. После этого стала невидима. Действительно, это время было крайне сложное в истории Афона. В 1821 году для подавления восстания греков на Афон пришли турецкие отряды и оставались там до 1830 года, и это время стало для Святой Горы настоящим бедствием: захватчики пытали и убивали монахов, грабили монастыри и храмы, сожгли афонскую типографию в Великой Лавре, множество рукописей было пущено на растопку. Присутствие турецких гарнизонов стало причиной, по которой опустели многие монастыри, и численность монахов на Афоне сократилась до 2,5 тыс. человек. Русский монастырь наравне с прочими, если не больше, был расхищен, его земли отобраны, и некоторые из старцев, решившиеся лучше умереть там, где отложили власы свои и дали иноческие обеты, были жестоко биты и мучимы тяжкими работами. А другие разошлись, кто куда мог. Монастырь хотя и

именовался русским именем, но ни одного русского в числе немногой его братии тогда не было. Между русскими на Афоне издавна бытует предание, что, когда началось основание Русика, св. Пантелеимон являлся в видении одному из старцев греческих и говорил: *«Если в моем монастыре не будет русских, - монастырь придет в упадок»*¹¹². В XIX веке значительно усилился интерес к Афону самой сильной православной державы - России. Несмотря на противодействие некоторых греческих монастырей, число русских монахов на Афоне стремительно росло, чему способствовала щедрая материальная и дипломатическая поддержка России. При покровительстве императорского дома с невиданным размахом шло строительство русских скитов св. Андрея Первозванного и Илии Пророка, но главным центром русского присутствия на Афоне стал монастырь св. Пантелеимона, издревле носивший название Русского (Русик). Первое водворение русских в монастыре случилось в 1835 году, с появлением на Святой Горе иеромонаха о. Аникиты (князя Шихматова-Ширинского). Однако, афонское правительство, полагая, что русский князь будет иметь сильное влияние на ход святогорских дел, сделало все, чтобы удалить его оттуда. В 1839 году греческие старцы Русика, предвидя экономические затруднения, вынуждены были снова пригласить русских монахов, и особенно искали мужа, который мог бы и духовно наставлять русское братство и заботиться о пользе всего монастыря. Выбор их пал на русского монаха Иоанникия, жившего тогда в пустынной келлии близ Ставроникитского монастыря. Его убеждал согласиться и всеми уважаемый на Афоне духовник о. Арсений, русский иеросхимонах, известный своей высокой подвижнической жизнью и обладавший даром прозорливости. Когда о. Иоанникий усиленно отказывался от предложения перейти в Русик, то старец Арсений, совершив бдение, уже настоятельно, как бы пророчески, сказал ему: *«иди, там имать ничто быти»*¹¹³. Спустя немного времени о. Иоанникий был рукоположен в иеромонаха и стал духовником русской братии и главным руководителем ее во всех отношениях.

По своем прибытии на Святую Гору Афонскую Петр Агеев, прежде всего, нашел себе старца-духовника, которому мог бы всецело довериться с пользой душевной. Промыслом Божиим им стал иеросхимонах Арсений, который в 1839 году и постриг его в келлии Иоанна Златоуста в мантию, с наречением имени Памва. Находясь при старце Арсени, он знакомится с иеромонахом Иоанникием (будущим старцем Пантелеимонова монастыря Иеронимом). С 20 октября 1840 года о. Иоанникий и его ученики, приступили к трудам в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Среди них был и монах Памва, оказавшись, таким образом, в этой обители, в самом начале ее пути к возрождению и великой славе. На первой неделе Великого поста 1841 года отцы Иоанникий и Памва приняли схиму с именами Иероним и Парфений. Отец Парфений думал остаться на Святой Горе Афонской до конца своих земных дней, но Господь рассудил по-другому. В 1845 году июля 26 числа, на великое торжество - храмовый праздник святого великомученика Пантелеимона, иеросхимонах Арсений твердо и непреклонно объявляет о. Парфению

волю Господню – идти в Россию! Смеем надеяться, что великий старец провидел духовными очами путь своего ученика, что предначертано Господом о. Парфению и говорил ему: «Иди в Россию, в восточную страну, в Сибирь, в Томскую губернию; а там Господь тебе дело покажет на пользу души твоей и прочим»^{113а}. И в завершение старец Арсений добавил пророчески: «Чадо Парфение, буди на тебе благословение Господа нашего Иисуса Христа и Святые Горы Афонския, жребия Божия Матери, и от меня твоего старца и духовника, иеросхимонаха, грешнаго Арсения, - идти в Россию, в сибирскую страну, в назначенное тебе место, в Томскую губернию! Потом заплакал, и начал говорить: Возлюбленное мое чадо, посылаю тебя, яко овцу посреде волков: будут тебя терзать, уязвлять, хулить, поносить, и укорять; но не съедят. Господь тебе будет помощник, и Он тебя заступит; ты же все терпи с благодарением и переноси без роптания. И не имей надежды ни на что тленное и мимоходящее, ни на деньги, ни на людей; но уповай только на единого Бога, и Он все твои дела исправит и совершит; но только иди в назначенное тебе место и назад не оглядывайся, а то потерпишь великое искушение. Назначил я тебе крест весьма тяжкий; ты же неси, не отягчайся; но паче радуйся и веселися, и благодари своего Создателя»^{113б}. Наставления иеросхимонаха Арсения исполнилось позже в точности. Все это было полной неожиданностью для о. Парфения. Расстаться со Святой Горой ему очень тяжело - он полюбил Афон. 23 сентября 1845 года он начал путь в далекую Россию, направившись сначала, по благословению старцев Тимофея, Герасима и Иеронима, в Палестину, чтобы там, помолвившись на Гробе Господнем, укрепиться перед Россией.

59

В Томск - место, назначенное ему старцем Арсением, о. Парфений прибыл 11 сентября 1847 года. Этот город был основан в 1604 году. К середине XVII столетия возникла необходимость открытия самостоятельной архиерейской кафедры, но только в 1834 году сюда был назначен епископ. Первым владыкой Томским и Енисейским становится Преосвященный Агапит (Вознесенский), а 25 июня 1841 года во епископа Томского и Енисейского был хиротонисан архимандрит Афанасий (Сokolov). К нему и пал в ноги о. Парфений, прося сжалиться над бедным странником и милостиво принять его. Владыка Афанасий принял его не сразу, первое время о. Парфений живет в доме томского мещанина Федора Ивановича Головкова и его супруги Анастасии Иосифовны. Здесь он узнает о кончине своих родителей. В июле 1848 года владыка Афанасий, дождавшись со Святой Горы Афонской бумаг, подтверждавших личность о. Парфения, дает благословение на его переезд в архиерейский дом, где поселяет его в келлии в саду, построенной специально для о. Парфения – неслыханно, об этом говорит весь Томск. Проживая в архиерейском доме, о. Парфений получил возможность заниматься в библиотеке владыки Афанасия, в которой были книги на греческом, латинском, сирийском, еврейском, немецком, французском, английском, русском и славянском языках. Все это книжное богатство инок Парфений осваивал под руководством Преосвященного Афанасия долгими сибирскими ночами. К концу своего проживания в

Томске он начинает свободно читать по-гречески, по-французски, на иврите. Тогда же о. Парфений начал заниматься литературной деятельностью: *«...собрал я воедино из разных книг слова и беседы разных святых отцев на Господские и Богородичные праздники, на русском языке, всего более осьмидесяти, в двух книгах, и назвал сие собрание Торжественник, который теперь находится в Гефсиманском ските. Еще составил книгу, в трех частях, в которой собраны повествования о разных особенно замечательных вещах и случаях, мною виденных и слышанных»*^{113в}. В Томске о. Парфений вел оживленную переписку со многими людьми, в его келлии почти всегда были посетители, с которыми он вел духовные беседы. Здесь в Сибири у о. Парфения случилось несколько примечательных встреч: одна из них - знакомство с двумя юношами, двумя Григориями - побудила его в 1853 – 1854 годах заняться сбором материалов о жизни преподобного Даниила Ачинского, о котором впоследствии он напишет книгу, где читаем: *«Молитва у него текла из сердца, как река эдемская; ум его всегда находился в делании сем; посему часто молитва у него прерывала его разговор, и он приходил умом в восхищение. Все разговоры его были душеполезные и спасительные – или о Боге и о Спасителе мира, об Его учении и о страданиях, или о блаженстве праведных и о наказании грешных»*¹¹⁴. Большое влияние на него оказала встреча с блаженным Осинькой Томским. Этот Христа ради юродивый, ходивший в лютые морозы босым и в рубище, многих спас от греховной жизни. Его почитание было очень велико, пользовался его духовными советами и о. Парфений. Блаженный Осинька имел обычай улыбаться, при встрече с православными христианами и горько плакать, повстречавшись с раскольниками. Когда блаженный Осинька отошел ко Господу, его погребение превратилось в многотысячное шествие, а томские купцы несли почившего Осиньку на руках.

Зимой 1854 года приходит известие о переводе владыки Афанасия в Иркутск, с возведением его в сан архиепископа. Тогда о. Парфений подает прошение митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову) о принятии его в один из московских монастырей. И Высокопреосвященный Филарет определил его в Гефсиманский скит, построенный рядом с Троице-Сергиевой Лаврой при деятельном участии самого митрополита. При расставании владыка Афанасий признался о. Парфению: *«благодарю тебя за то, что много ты меня утешал в эти 7 лет, скоро они с тобой протекли; а наипаче в скорбях, которые постигли меня, твои беседы приносили мне утешение; ты сам видел, что я не мог без тебя быть одного часа, может быть, иногда и докучал тебе, за что прости меня; я тебя имел не как келейника или послушника, но как друга, собеседника и сожителя»*¹¹⁵. В своем повествовании о Преосвященном Афанасии отец Парфений напишет интересные несколько строк о старце Феодоре Кузьмиче (ныне прославленном). Владыка Афанасий отправился к своему новому месту служения в город Иркутск *«... по дороге остановился только в селе Красной Речке, чтобы посетить раба Божия пустынножителя Федора Кузьмича, жившего у крестьянина Латышева на пасеке»*^{115а}.

Сам отец Парфений и раньше знал о старце Феодоре Кузьмиче, именно он рассказал о нем томскому купцу С.Ф.Хромову: *«Семен Феофанович Хромов был помещичьим крестьянином графини Борх и в 1836–1837 году служил у своего дяди на Аничковых приисках. В 1840 году откупился от господ на волю и вступил в купеческую гильдию. В 1846 году Семен Феофанович купил дом в городе Томске. Хромов часто проезжал по своим делам через деревню Зерцалы, недалеко от которой жил Феодор Кузьмич, и не благоволил Господь ни видеть, ни слышать об великом Старце. Впервые услышал купец о нем в 1852 году от известного инок Парфения (позднее - настоятеля Берлюковской Николаевской пустыни), сразу же отправился к Феодору Кузьмичу и с тех пор регулярно бывал у него, а в 1858 году предложил старцу переехать к нему в Томск. Старец согласился и жил у Семена Феофановича до своей смерти в 1864 году... С. Ф. Хромов был убежден не только в святости Феодора Кузьмича, но и в том, что он был раньше императором Александром I. Поэтому он считал своим долгом донести до сведения царской семьи информацию, которой располагал, передать им некоторые предметы, принадлежавшие старцу, и оставшиеся от него зашифрованные записки»*¹¹⁶. Достаточных подтверждений тому, что старец Федор Кузьмич - Император Александр I, историческая наука пока не имеет. Правда, известно, что события войны 1812 года совершенно изменили Императора. Он сам писал, что на полях Бородина, видя сожженную Москву, изгнание французов из разоренной Москвы, он как бы воочию пережил действие благодати Божией, действие Промысла Божия в истории. С тех пор он становится человеком религиозным, и религиозность его с годами усиливается. Император нередко говорил близким о намерении отречься от престола и удалиться от мира. Существует предположение, что Император Александр I не умер в Таганроге в 1825 году, как это принято считать. Супруга его Императрица Елизавета Алексеевна, вроде бы, стала монахиней Новгородского (Новгород Великий) Владимирского Сыркова монастыря, Верой молчальницей, скончалась там и погребена у Владимирского собора. Примечательно, что брат барона Врангеля, искусствовед, через брата-генерала: *«...пытался воздействовать на Николая Второго, чтобы как-то расследовать таганрогскую историю, покопаться в архивах. А государь император ответил: «Пусть он оставит эти замыслы. В нашей семье много такого, о чем никто даже не догадывается»*¹¹⁷.

Отец Парфений прибыл в Москву 8 августа, и уже 23 августа был зачислен насельником в Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре. На Троицком Сухаревском подворье в Москве он исполнял сложное послушание – проводил диспуты о вере со старообрядцами; послушание было возложено на него митрополитом Филаретом. Опыт, приобретенный в этих диспутах, очень пригодился отцу Парфению позже, в годы его настоятельства как в Берлюковском, так и в Гуслицком монастырях. 18 января 1855 года отец Парфений был рукоположен в сан иеродиакона, а через пять дней в Большом соборе Донского монастыря в Москве митрополит Московский и Коломенский Филарет рукоположил отца Парфения в иеромонаха.

В том же году выходит в свет **«Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения»** – главное произведение о. Парфения, написанное им в Сибири, по благословению Преосвященного Афанасия (Соколова). Отец Парфений вспоминает слова, которые сказал владыка: *«Иди, пиши, Бог тебе откроет, что писать, а без того уже больше ко мне не ходи... О! чудесе: сделалась в уме моем какая-то свобода и чистота; я все стал как бы видеть и слышать, самые тогдашние события и слова. Написал две страницы церковными буквами до вечера. Вечером владыка позвал меня к себе, и я взял свою тетрадь. Он спросил: «Что, начал ли писать?». Я отдал ему тетрадь и сказал: «За ваши, Владыка, святые молитвы и благословение очень хорошо начал». Он, прочитав, с радости не знает, как восхвалить меня. С этого же дня писал я до окончания очень свободно, даже никогда ни на одну минуту не было остановки; но пишу как бы с готовой книги»*^{117а}. Книга имеет большой успех, о ней говорят, ее замечают все известные писатели того времени. Высокую оценку книге выказал М.П. Погодин, назвав книгу отца Парфения *«украшением русской словесности»*¹¹⁸. Иван Сергеевич Тургенев назвал отца Парфения *«великим русским художником и русской душой»*¹¹⁹. А.В. Дружинин (1824-1864), писатель, известный литературный критик, переводчик Байрона и Шекспира, написал так: *«Или я жестоко ошибаюсь, или на Руси мы еще не видали такого высокого таланта со времен Гоголя. Таких книг, между прочим, читать нельзя»*¹²⁰.

Прекрасный критический разбор этого произведения принадлежит Н.П.Гилярову-Платонову, который написал, что рассказ отца Парфения *«представляет целый образ особой, по видимому совершенно ушедшей от нас жизни... образ внутреннего, глубочайшего содержания»*¹²¹. Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) - мыслитель, писатель, экономист, православный публицист и общественный деятель. Такая его оценка книги о. Парфения весьма ценна для нас. К 80-м годам XIX века в русской национальной прессе сложился своеобразный триумvirат ведущих публицистов и идеологов, во многом определявших духовную атмосферу в стране – М.Н.Катков, И.С.Аксаков и Н.П.Гиляров-Платонов. Эти великие публицисты во многом прекрасно дополняли друг друга. Заслуги их невозможно отрицать: все писавшие об этой эпохе современники и историки признают, что в 1880-е в общественном сознании стали доминировать православно-монархические настроения, сменившие нигилистические и западнические теории.

Аполлон Александрович Григорьев (1822 - 1864), виднейший литературный и театральный критик, переводчик, мемуарист, известный поэт, утверждал, что: *«вся серьезно читающая Русь прочла эту гениально талантливую и вместе с тем простую книгу»*¹²², назвал ее: *«великой книгой смиренного монаха»*¹²³. Ему же принадлежат глубокие слова о том, что: *«Древняя Русь никогда не умирала навсегда - она продолжает жить и сегодня в памятниках средневековой архитектуры, иконописи, в право-*

славных святынях. К тому же сопротивляется общему уровню казенщины, затронувшему в послепетровское время и церковь»¹²⁴.

Свой восторженный критический разбор книги отца Парфения в либеральном «Русском Вестнике» написал С.М.Соловьев, где указал, что *«выписанное нами заглавие книги далеко не может дать понятия о содержании ее, в высокой степени любопытном и назидательном»*¹²⁵. Рецензент излучает благожелательность, добросовестно пересказывает содержание «Сказания...», приводит обширные цитаты, восхищаясь тем, что *«поднимутся пред ним удивительные образы, которые он привык относить ко времени далекой древности»*, и как итог своего разбора пишет *«Можем уверить автора, что беспристрастие и простота, составляющие отличительное свойство его рассказа, делают книгу его вполне вместительною»*¹²⁶.

Ф.М.Достоевский не расставался со «Сказанием» многие годы, книга постоянно была в его библиотеке, он ее неоднократно перечитывал и весьма ценил за *«трогательную наивность»* стиля¹²⁷. Литературоведы признают, что «Сказание» оказало определенное влияние на творчество писателя¹²⁸. Например, эпизод, связанный со старцем Львом Оптинским, описанный о. Парфением, использован в романе «Бесы», а в «Братьях Карамазовых» мотивы «Сказания» использованы в поучениях старца Зосимы.

63

В этот период о. Парфений работает над книгой *«О Промысле Божиим, как он через Православие ведет ко спасению, а неправославных обличает собственными их делами»*. Книга посвящена проблемам старообрядчества, создавалась она при большом участии митрополита Филарета. Написать сей труд побудили о. Парфения сами старообрядцы: *«... И вот составила изрядная книга... ежедневно приезжают ко мне в келлию читать тетрадки рукописные, и даже самые закоснелые раскольники желают ее видеть...»*¹²⁹. Оканчивал о. Парфений этот труд уже на новом месте – в подмосковной Николаевской Берлюковской пустыни, куда был назначен настоятелем 28 июня 1856 года.

Энергично взялся о. Парфений за дело строительства. В эти годы в обители создается **скит**. Еще его предшественник архимандрит Венедикт (Протопопов) начал в 1848 году обустраивать территорию монастырского леса над Ворей. Место для скита показалось о. Парфению идеальным: вековой лес, пещеры и, конечно, Казанский храм, который он решает сделать скитским. Бывало и раньше, что берлюковские старцы жили отдельно от братии, в пещерах, вспомним старцев Максима и Макария, но собственно скитская жизнь зарождается здесь именно при о. Парфении. Он выполняет духовное завещание старца Макария – выстроить храм на пещерах - дело, начатое еще отцом Венедиктом, при котором была отремонтирована Казанская церковь (освящена митрополитом Филаретом 10 сентября 1857 года). Все работы тогда оплатила Матрена Алексеевна Бехтина, она же поднесла в дар храму богатую се-

ребряную утварь, заказала заводу Богданова изготовление прекрасного набора колоколов для Казанского храма весом в 39,21,9,5,3 и 1 пуд. К сожалению, об этой женщине мы не знаем больше ничего. В 1858 году о. Парфений начинает строительство над **пещерами келейного корпуса для братии** при Казанском храме, что и положило начало скитской жизни. Келейный корпус ставят деревянный, на каменном фундаменте - позднее, во всех документах, будет он называться «Парфеньевским». Сюда переезжает часть братии, берлюковские старцы: Порфирий, Сосипатр, Николай-Слепец, Иринарх – первые насельники скита. Это был скит очень строгой жизни. В это же время завершается **благоустройство монастырского леса**: территория приводится в порядок, лес теперь обнесен большим тыновым забором из заостренных кольев. Проводятся масштабные работы в **Троицком соборе**: обновление иконостаса и починка купола. Вместо ветхого выстроен **новый главный корпус гостиницы**, к нему подведен каменный фундамент, выложен пол из балок, крыша покрыта железом и выкрашена. Увеличиваются земельные владения монастыря: 13 марта 1859 года с благословения настоятеля о. Парфения было приобретено 149 десятин **земли в Климовке-Поповке**, в четырех верстах от Стромыни, недалеко от Стромынского Успенского монастыря. Тогда это была пустошь, только лес. Название это до нашего времени не сохранилось, однако, его происхождение объясняют братья Холмогоровы, ссылаясь на документ 1575 года, описывающий эту самую Климовку-Поповку. Стоял там когда-то маленький монастырь: деревянная церковь, деревянные кельи, да пять монахов, все – схимники, поэтому и Поповка. Видимо, уже в Смутное время монастырь тот, как и другие, был разорен. Поскольку располагался он в лесу, то все заросло: только народное предание хранило о нем память, да само название указывало, что место это, свято. Возможно в планах о. Парфения было восстановление монашеской жизни на месте прежней обители. Поначалу же Берлюки используют Климовку-Поповку как хозяйственное подворье: там заготавливают лес для нужд монастыря, ставят дом, постоянно проживает небольшая часть послушников.

При о. Парфении фактически появляется монастырская **библиотека**, создается **переплетная** мастерская – он и сам занимается переплетными работами и учит этому делу братию. С 1856 года в обители подвизается московский мещанин Николай Сергеевич Яковлев, впоследствии монах Сергей. Его стараниями и при самом живейшем участии о. Парфения была создана **иконописная и живописная** мастерские. Наконец, о. Парфений обучает братию колокольному звону, и успевает еще писать книги и апологетические сочинения. Всего им было написано 28 книг. Как мы уже говорили, время настоятельства о. Парфения - период наивысшего духовного расцвета пустыни. Растет братия, география мест, из которых прибывают новые насельники, повторяет маршруты странствий о. Парфения: от Афона до Сибири. Так благословение старца-духовника Арсения духовно покрыло подмосковный Николаевский Берлюковский монастырь, собрав в его стенах воинов Христовых и со всей Православной Руси и с далекого Афона. Желавшие вступить в братию пустыни на-

ходятся ежемесячно (!) на протяжении всего периода настоятельства о. Парфения. Понятно, что увеличение братии пустыни – это, прежде всего, заслуга ее настоятеля. В 1858 году строитель Парфений исходатайствовал для обители увеличение штата (с 7 до 40 человек), фактически же братии, включая послушников и трудников, находящихся на испытании, было тогда в монастыре около 80 человек.

Отец Парфений понимал, что не богатством, не внешним благоустройством прославляется монашеская обитель, а высоким устройением жизни братства. Однако не все сочувствовали таковому предпочтению внутреннего благолепия перед внешним. Вот поэтому и пришлось ему претерпеть много скорбей от самого братства. Братия Берлюковской пустыни состояла из представителей всех сословий того времени, немало там было и дворян. Некоторые из них встали в оппозицию настоятелю, считая, что строительская деятельность архимандрита Венедикта, его предшественника, принесла большую славу монастырю, а значит, это тот самый путь, коим должно идти. Главное, что надобно знать и помнить: *«В нахождении скорбей надобно наблюдать, чтобы всякий случай скорбный относить к посланным от Промысла Божия; оскорбляющих нас считать орудиями Божиими, коими Бог действует в деле нашего спасения, почитать их своими благодетелями. Когда же обратите вину на оскорбляющих и будете на них роптать, то скорби более умножаются и отягощаются до малодушия, которое есть мать мучения, а, напротив, терпение есть мать утешения»*¹³⁰ - писал митрополит Трифон (Туркестанов). Ревновали многие и к авторитету писательскому о. Парфения, большой известности настоятеля, его духовной дружбе с митрополитом Московским и Коломенским Филаретом. Непонимание части братии приносило о. Парфению большие скорби, но, возросший и окрепший духовно, он не сомневался в правильности выбранного и благословленного ему пути. Отец Парфений известен был и как неутомимый и ревностный миссионер. Увещевание вставших в разные расколоучения – он всегда считал своим главным делом. При нем в Николаевскую Берлюковскую пустынь постоянно присылали «заблудших». С любовью и заботой принимал их о. Парфений, отдавая немало сил и времени для их вразумления (матрос гвардейского экипажа Панфил Шишкин, московский мещанин Иван Шибаев, витебский мещанин Симеон Жуков). В его отчетах на имя митрополита Филарета мы часто можем прочесть: *«Совершенно оставил свое упорство»*. Как видим, подобным проблемам уделялось тогда внимание на самом высоком уровне. Видимо, эти качества о. Парфения, а также его старообрядческое прошлое и умение вразумлять повлияли на решение митрополита Филарета при выборе кандидатуры строителя во вновь создаваемый монастырь в Гуслицах, недалеко от Павловского Посада (сейчас это город Куровское Московской области). Монастырь задуман был, как миссионерский и создавался, по повелению Императора Александра II, на территории, заселенной старообрядцами. Владыка Филарет видел, что осуществить этот замысел под силу было только о. Парфению. Для приведения: *«в исполнение воли и желания благочестивейшего Государя Высочайшеосвященнейший владыка вызвал в Москву настоятеля Николаевской Берлюковской пустыни, из-*

вестного путешественника по святым местам, обратившегося из раскола и обратившего потом многих заблудших к Церкви Православной. Передавая волю Монарха, архипастырь приказал отцу Парфению нимало не медля отправиться в Гуслицы, объехать всю страну эту и избрать место, удобное для сооружения монастыря...»¹³¹.

С 1858 года начинает о. Парфений свои труды в деле основания **Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря**, оставаясь при этом и настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни. Он фактически руководит двумя монастырями и в обоих ведет строительство, что, несомненно, требует высоких организаторских и духовных дарований. Труды о. Парфения по созданию новой обители разделил берлюковский иеромонах Иероним, имевший уже опыт руководства монастырем в Гороховце. Братию для будущего монастыря, по благословению митрополита Филарета, подбирал павлопосадский купец Василий Иванович Грязнов, пользовавшийся особым расположением владыки, давний друг Николаевской Берлюковской пустыни и ее настоятеля архимандрита Венедикта, фактически указавшего ему жизненный путь. Судьба этого человека тесно связана с историей и Берлюковской и Гуслицкой обителей. Будет, наверное, правильным вспомнить о нем в этой книге.

66

Василий (Грязнов), святой праведный Павлопосадский (память 16 февраля/1 марта), (21.02.1816-16.02.1869). С малых лет явил себя боголюбивым отроком, но в юности поступил работать на фабрику и начал вести беспутную жизнь. Однако голос совести звал его к покаянию. Милосердный Господь, видя мучительную раздвоенность юноши, привел его на путь спасения. Однажды Василий присутствовал при внезапной смерти своего товарища, который, произнеся хулу на святую икону Божией Матери, в тот же миг скорострительно скончался. Потрясенный увиденным, он стал часто подолгу молиться и в одну из ночей, совершая молитву, услышал голос, повелевавший ему идти в Николаевскую Берлюковскую пустынь. Там состоялась его встреча с отцом Венедиктом, определившая всю его дальнейшую жизнь. Василий имел большое желание принять монашество и жить в Николаевском Берлюковском монастыре. Однако, о. Венедикт определил ему жить в миру, «аки монахом», для спасения многих от расколучений и греховной жизни. Так потом и случилось, слово в слово. Василий стал держать себя строго, жизнь вести уединенную, много молиться, читать духовные книги. Сестра его, Акулина, вышла замуж за местного фабриканта Якова Лабзина, известного своим благочестием. В 1855 году Яков Лабзин просит Василия Ивановича стать совладельцем его фабрики - так был учрежден торговый дом «Яков Лабзин и Василий Грязнов» - предприятие по производству известных ныне во всем мире павлопосадских шалей и платков. Все полученные средства Василий Иванович вкладывал в благотворительность. Нелицемерное благочестие и подвижническая жизнь привлекли к нему сердца многих раскольников, вокруг него собирались близкие ему по духовной настроенности люди. Так он исполнил наказ о. Венедикта: не будучи ни монахом, ни священником, ни пустынножителем, он смог апостольски послужить своим братьям

во Христе. В нем стали проявляться особые духовные дарования, знание вещей невидимых, удостоился он от Господа даров прозорливости и исцеления. По преданию, Василий несколько раз сподобился видения святых. По силе молитвы его сравнивали с о. Иоанном Кронштадтским. По совету и благословению владыки Филарета, в Павловском Посаде им были организованы мужское общежитие на 11 чел. и женская община на 60 чел. Официально их утвердить помешала его скорая кончина, дело продолжил Яков Лабзин. В 1903 году община стала Покровско-Васильевским женским монастырем (150 сестер). После смерти почитание его не только не прекратилось, но еще более возросло, многие получали исцеление у его гробницы. 1917 год помешал прославлению этого праведника, он был причислен к лику святых лишь в 1999 году. В настоящее время Покровско-Васильевская обитель возродилась как мужской монастырь. Мощи праведного старца почивают в крипте Покровско-Васильевского храма. Близость Василия Грязного к Николаевской Берлюковской пустыни послужила началом большой дружбы Берлюков и с Павловским купечеством, да и вообще с жителями этого города, которые еще очень долго с большой любовью относились к Берлюкам. Крестные ходы с чудотворной иконой «Лобзание Иисуса Христа Иудю» всегда благоговеино встречались в Павловском Посаде, принимали всех: кормили, устраивали на ночлег. Любая просьба Берлюковского монастыря к павлопосадским купцам никогда не оставалась без внимания, келейной иконой каждой монахини в Покровско-Васильевском монастыре был образ Спасителя из Николаевской Берлюковской пустыни ¹³². С великим усердием принялся Василий Иванович Грязнов за богоугодное дело основания новой обители и вскоре предоставил митрополиту Филарету списки лиц, ревнующих о благочестивой жизни и пожелавших вступить в число насельников будущей обители. Сделать это было для него не так сложно. Вокруг Василия, собрались люди, близкие ему по духу, сторонники аскетического образа жизни, которые потом и стали первыми насельниками Гуслицкого монастыря. Василий Грязнов принимал большое участие и в других заботах по устройению Гуслицкой обители, в частности, помогал выбрать место для нового монастыря. На берегу реки Нерской была обнаружена старинная деревянная церковь во имя Спасителя на Мошеве, рядом с которой проживали священник и малочисленные прихожане. В самой церкви сохранился образ Христа Спасителя, чтимый проживавшими рядом старообрядцами. Отец Парфений решил основать монастырь именно здесь, у этого храма, в местности уединенной и тихой. В октябре 1858 года отцы Парфений и Иероним отправились к храму Спасителя на Мошеве и водрузили там Крест с надписью: *«Да будет на месте сем благословение Святыя Горы Афонския, жребия Царицы Небесной, Пресвятыя Владычицы нашае Богородицы и Присно – Девы Марии, поставися Святый Крест сей основателем и Строителем Иеромонахом Парфением 1858 года месяца октября 3 – го дня»* ¹³¹. Водружение Креста считается днем основания Гуслицкой обители.

10 октября 1858 года митрополитом Филаретом (Дроздовым), архимандритом Антонием (Медведевым) - заместителем Троицкой Сергиевой

Лавры и отцом Парфением (Агеевым) был составлен проект в двадцати трех статьях об устройении Гуслицкого монастыря, в котором читаем: *«Устроителем и Настоятелем Спасо-Преображенского монастыря назначить Строителя Николаевской Берлюковской пустыни иеромонаха Парфения и к нему присоединить, в качестве казначея, Гефсиманского скита иеромонаха Феофана, в качестве старца и духовника, имеющей быть братии иеромонаха Иеронима, 25 лет подвижающегося на поприще монашеского жития»*¹³¹. 29 декабря 1858 года последовало Высочайшее Государя Императора Александра II утверждение проекта об основании Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря, что можно считать днем основания юной обители. Так начались апостольские труды отца Парфения. В книге об основании Гуслицкого монастыря отец настоятель так пишет об этом самом важном для себя дне: *«26 января (1859 года. прим. Авт.) отслужив обедню и молебен в Берлюковской пустыне, отобедав и простившись с братиею, вместе с Иеромонахами Феофаном и Иеронимом и тремя послушниками, которых, с разрешения владыки, взял из Берлюков, о. Парфений при колокольном звоне отправился на Апостольский подвиг свой в страну Гуслицкую, куда и прибыл 27 января»*¹³¹.

68

Непростое это было время для отца Парфения! С верой в молитвы своих духовников-старцев Афонской Горы начал о. Парфений труды по основанию новой монашеской обители. Богоугодное дело никогда не остается без внимания врага рода человеческого. Особенно о. Парфению было тяжело, когда начинался раздор среди братии. Но крепкая вера, безропотное послушание отца настоятеля и заступничество милостивого и мудрого митрополита Филарета разрушили козни врага. Рассказ об устройстве новой обители в Гуслицах выходит за рамки нашего повествования, но считаем своим долгом, привести оценку митрополита Филарета, данную им миссионерским трудам о. Парфения: *«Сколько прискорбно то, что на вас, на обитель вашу есть доносы: столько утешительно, что они ложные. Вы сами берете себе в утешение слово Христово: блажени есте, егда поносят вам мене ради. Сие утешение должно быть совершенно. Вы подвижаетесь ради Христа, за правую веру Его, за святость православной церкви Его. Что касается до опасностей от врагов церкви: думаете ли, что они были бы менее на Амуре, нежели здесь? Теже враги, таже вражда, тоже намерение вредить... Не много ли сказано, что ваша братия и богослужение образцовые по всей России? Октября 23, 1861»*¹³³. За ревностные труды и за построение в короткий срок Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря о. Парфений был награжден золотым наперсным крестом, который был на него возложен лично митрополитом Филаретом. На день памяти преподобного Сергия Радонежского, 25 сентября 1863 года в соборном храме Живоначальной Троицы в Троице-Сергиевой Лавре иеромонах Парфений был возведен митрополитом Московским и Коломенским Филаретом в сан игумена.

Сохранилось интересное воспоминание о посещении Гуслицкой обители духовного писателя и паломника Ивана Шевелкина: *«Из Берлюковской пустыни я отправился в Гуслицкий монастырь... При выходе из*

церкви ласковый и приветливый отец игумен Парфений пригласил меня к себе на чай и потом сам повел по монастырю, указав все примечательное, и водил даже по лесу, по всем хозяйственным заведениям, и, наконец, привел в школу, года четыре уже основанную им при обители для обучения грамоте мальчиков преимущественно из семей раскольников. Помогите Господи деятельному и неутомимому старцу в трудах его, служащих единственно к прославлению Церкви Христовой»¹³⁴. В эти годы две тяжкие утраты постигли о. Парфения: 19 ноября 1867 года на подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Москве, отслужив Божественную Литургию, скончался митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), а 1 января 1868 года скончался на покое Преосвященный Афанасий (Соколов). В 1869–1870 годах о. Парфений переживает тяжелый духовный кризис. Порой, по его собственным словам, он «стал упадать духом». С годами усиливаются телесные немощи строителя Парфения, да и огромная нагрузка, лежавшая на его плечах, конечно, давала себя знать. Все чаще взор о. Парфения обращался к Святой Горе и граду Иерусалиму, все чаще он чувствует духовную потребность - совершить паломничество по святым местам, поклониться Гробу Господню.

В сентябре 1870 года о. Парфений подает прошение митрополиту Московскому и Коломенскому Иннокентию об увольнении на девять месяцев за границу для поклонения святым местам, получает на то благословение владыки и 6 октября отправляется в путь. Уже 18 октября старец Парфений в Константинополе и, пробыв там четыре дня, отправляется на Афон. Радостной была встреча со Святой Горой, братией Пантелеимоновой обители и отцами-духовниками. Вот как пишет об этом сам о. Парфений: «...входит монах, и все встали; я спросил: кто это такой? Мне сказали, что это отец архимандрит Макарий; я хотел было поклониться ему в ноги, но он не допустил; мы обнялись и облобызались. Я вижу возлюбленного моего отца и благодетеля духовника Иеронима; но он, посматривая на всех, хочет узнать меня, и, когда стал подходить к столу, я бросился ему в ноги, рыдая радостными слезами. Он, мой батюшка, наклонившись, поднял меня, обнял, и много мы плакали, не могли ничего говорить. Наконец он промолвил братии: «Вот вы отцы, молились за меня, чтобы Господь продолжил дни моей жизни; но я более просил Господа, чтобы не попустил мне умереть прежде даже не увижу первородного моего сына, о. Парфения; а теперь могу сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего»... После трапезы зашли мы к ветхому деньми столетнему старцу греческому игумену Герасиму. О, как еще раз сердце мое возрадовалось, когда увидел я светлепные седины столетнего старца! Он, с детской любовью меня облобызал и целовал много... Потом началась моя новая жизнь в Афоне!»¹³⁵. Отец Парфений поклонился многим афонским святыням, посетил монастыри Зограф, Хилендар, Ватопед, скит Богородицы, Ильинский и Андреевский скиты, при этом ежедневно, по благословению отцов, служил Литургию. 10 января 1871 года о. Парфений отправился в Иерусалим. Промыслом Божиим, по пути туда суждено было ему испытать многие скорби: и побои от иноплемеников, и тонул старец во время страшной бури, но после молитвы Святителю Ни-

колаю Чудотворцу был спасен, а на подходе к Иерусалиму, упав с мула, переломил себе подшейную ключицу и вынужден был лечиться в больнице, перенеся тяжелейшие физические страдания. В эти дни большую помощь ему оказал начальник русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), благодаря ему старец смог продолжить свое паломничество: *«Но как только выпустили из больницы, в тот же вечер поспешил в храм Гроба Господня и добрел до него хотя с помощью жезла. Вошедши в храм небеси подобному — исполнился неизреченной радости, что через 25 лет опять сподобился быть в сем святом месте. Поклонился месту миропомазания, но встать с одной рукой едва мог. Потом устремился ко Гробу Господню и, взошедши внутрь часовни, пал на колена, положил свою голову на Гроб Спасителя и излил свои чувствования, благодаря Царя Небесного за Его великия милости, что под старость на закате дней моих сподобил еще раз побывать на Своем Гробе. Потом приложился в притворе часовни к камню, отваленному от двери Гроба; отсюда пошел на Голгофу и там приложился к месту, где стоял крест Христов, и к прочим святым местам в храме... Дня через два пошел в Гефсиманию ко Гробу Божией Матери и ко гробам Иоакима и Анны и Иосифа Обручника; приложившись к ним, пошли в сад Гефсиманский, где молился Господь о чаше, “да мимо идет”. Были и в пещере, где скрылись Апостолы во время взятия Господа из сада. Потом пошли на Елеонскую гору и там поклонились месту Вознесения Господа, лобзали стопы ног Его и пошли ко гробам пророческим... Оттуда пошли в Вифанию и здесь поклонились гробу праведного Лазаря...»*¹³⁵. Побывал о. Парфений в Лавре Саввы Освященного, где был благословлен древней иконой св. Афанасия Александрийского игуменом Иоасафом, получил благословение патриарха Иерусалимского Кирилла, а 20 марта 1871 года в Лазареву субботу отслужил первую литургию в храме русской миссии: *«хотя и с нуждой, и в неделю Вайи там же принимал участие в соборном служении ранней Литургии, потом пошли в храм Гроба Господня, где служил Литургию в Воскресенском храме сам Патриарх с семью архиереями и со множеством архимандритов, игуменов и священников — всех было около 50 человек... После Литургии начался крестный ход, в котором и я был участником. Как духовные, которых было около 200, так и весь народ в руках держали финиковые ветви и свечи. Впереди несли 12 хоругвей, пред каждой шел свещеносец со свещею. Обошли трижды кувуклию Гроба Господня, потом один раз Воскресенский храм... На следующий день утром рано отправились в Хеврон к дубу Мамврийскому; ехали той долиной, где ехало Святое Семейство, когда бежало от Ирода в Египет... Архимандрит Антонин хочет устроить при Дубе гостиницу для поклонников и домовую церковь...»*¹³⁵. 21 апреля 1871 года о. Парфений вернулся на Афон, где прожил еще месяц. 18 мая 1871 года, получив благословение от старцев Иеронима и Макария на путь в Россию и приняв в дар древние иконы, он отправился в Константинополь, где навещал русского посланника графа Николая Павловича Игнатьева. В Россию о. Парфений вернулся 31 мая 1871 года, таким образом, совершив свое второе странствие по святым местам.

Весной 1872 года схиигумен Парфений пишет в Московскую Духовную Консисторию прошение об увольнении его от управления Гуслицким монастырем и о помещении на покой в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры. В первых числах августа 1872 года был подписан соответствующий указ Священного Синода. Тяжелые болезни заставляют отца Парфения составить завещание: *«В январе 1873 года игумен Парфений посетил Гуслицкий монастырь, в котором написал свое завещание. Согласно этому завещанию, Гуслицкой обители должны были перейти после его кончины девять казначейских билетов и сорок пять полуимпериалов золотом за его поминовение и погребение в монастыре»*¹³⁶. Кроме того, о. Парфений просил о своей смерти: *«опубликовать в газетах и уведомить на Афонскую Гору в монастырь Русик, дабы помянули меня знающие, многогрешного, и всех прошу и молю поминать в молитвах своих»*¹³⁷. Итак, последние годы о. Парфений проводит в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Здесь много его прежних знакомых, известных старцев: о. Израиль Гефсиманский, о. Александр Гефсиманский. Однако крайне суровые условия жизни скита оказались уже не под силу тяжело больному о. Парфению. Он все больше болеет, у него отекают и отнимаются ноги, он понимает, что уже не может понести таких трудов и в январе 1874 года просит перевести его в стены самой Троице-Сергиевой Лавры: *«...я в последнее время особенно часто начал в оном подвергаться болезненным припадкам... покорнейше прошу Учрежденный Собор переместить меня и принять на жительство в Лавру, в которой при имеющейся Аптеке с врачом удобоисполнимее и действительнее может быть мое пользование...»*¹³⁸. Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий удовлетворил его просьбу и о. Парфений проживал в обители преподобного Сергия в келье при богадельне в северо-западной части обители. Здоровье старца ухудшалось. Предположительно, в последний год своей жизни схиигумен написал другое завещание, обращенное к казначею Лавры иеромонаху Авдию, в котором просил принять для сохранения девять казначейских билетов и тридцать один золотой полуимпериал, а также завещал в случае своей смерти: *«...выдать по одному моему билету в пустыньки и в Киновию, и один билет моему келейнику Василию Андрееву, прочие же шесть билетов и тридцать один полуимпериал оставляю в пользу Лавры на поминовения и на погребения и на памятник. Также прошу, нельзя ли будет погresti меня внутри Лавры около церкви Смоленския Божия Матери»*¹³⁹.

Согласно большинству троицких документов, схиигумен Парфений отошел в вечность 17 мая 1878 года, пред кончиною соборовался и причастился Святых Таин. В тот же день поступило разрешение на погребение схиигумена Парфения у Смоленской церкви Лавры. Найти это место достаточно просто, хотя, к сожалению, оно до сих пор никак не обозначено. Встаньте спиной к храму Смоленской иконы Божией Матери, найдите второе окно справа в торце здания Московской духовной академии, там, где раньше были Царские чертоги. Под этим окном растет туя - традиционное афонское дерево. Здесь и покоится постриженник Святой Горы, бывший настоятель Николаевской Берлюковской пустыни схиигумен Парфений. После старца Парфения остались древние иконы числом

шесть, три креста, медная кадилница, четыре настоятельские трости и двенадцать наименований книг различным числом. Вот и все «богатство», которое окружало старца в последние годы жизни. В списке погребенных на территории Лавры есть запись: *«Игумен Гуслицкого монастыря иеросхимонах Парфений, живший на покое, скончался 1878 мая 17, на 74 году от рождения»*¹⁴⁰. Это единственная запись из известных нам на сегодня, где о. Парфений упоминается как схимник на территории Российской империи. Второе упоминание о погребении схиигумена Парфения встречается в документе, хранящемся в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. Там, в описании памятников и надгробий, находящихся на Смоленском кладбище, есть запись: *«Под сим камнем погребено тело бывшего Игумена Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря Парфения, который жил на покое в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, пострижен в монашество на Святой Афонской Горе в 1841 году. Скончался в 1878 году мая 17 дня»*^{140а}. Эту надпись дополняла другая, находившаяся на самом памятнике: *«Основателю Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря Игумену Парфению, возобновлен усердием учениками его Гуслицкого монастыря Игуменом Исаакием и казначеем Иеромонахом Памвою с братиею. Возобновлен 18 июля 1912 года»*^{140б}. Надпись на надгробии старца крайне интересна для нас. Памятник в 1912 году соорудили благодарные насельники Гуслицкой обители, ученики о. Парфения - настоятель Исаакий и казначей Памва со братией. Для них было важно сохранить добрую память об этом воине Христовом, в отличие от его недоброжелателей, кои всегда имелись у таких людей. Конечно, в советское время памятник был разрушен, как и почти все памятники в Лавре. Но по сохранившимся описаниям кладбищ нам удалось совместно с археологами Лаврского музея установить достаточно точно местонахождение могилы о. Парфения. Отец Парфений оставил после себя крепкими и процветающими две обители - Николаевскую Берлюковскую и Преображенскую Гуслицкую. Берлюковская пустынь обязана ему духовным ростом и качественным обновлением братии, Гуслицкая же просто была им построена. Четырнадцать лет о. Парфений (1858-1872) был настоятелем Гуслицкого монастыря, четырнадцать лет боролся он за заблудшие души раскольников. И трудами его все-таки воссиял свет истины Христовой в Гуслице, где всегда жили, в основном, старообрядцы.

Настоятель русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) называет отца Парфения: *«...всероссийская знаменитость – старец Парфений, странствователь и писатель, и ревностный ратоборец против раскола»*¹⁴¹. Прекрасные слова сказал об о. Парфении архимандрит Никон (Рождественский; впоследствии архиепископ): *«Отец Парфений был цельный русский человек: прямодушный, неспособный к тем сделкам с совестью, к каким нередко прибегает рационалист-европеец в вопросах веры и христианской нравственности. Он вырос вне всяких европейских влияний, не учился ни в каких школах и всем своим духовным настроением и литературным развитием обязан не школе, не науке, а той церковности воспитания, которая составляет отличительную черту истинно русского человека»*¹⁴².

Строитель Иосиф

Иеромонах Иосиф (Иванов) (1860-1865) - следующий строитель Николаевской Берлюковской пустыни, принял на себя управление обителью с 1858 года, когда о. Парфений начинает все чаще и чаще отлучаться из Берлюков, в связи с началом своей строительной деятельности по Гуслицкому монастырю. Тогда митрополит Филарет назначает в Берлюки о. Иосифа, которого хорошо знал. Сам родом из Санкт-Петербурга, был он постриженником и насельником Троице-Сергиевой Лавры. Фактически, с 1858 по 1860 годы Берлюковскую обитель возглавляют два настоятеля: о. Парфений, с правом решающего голоса и о. Иосиф, как его первый помощник. Берлюковским настоятелем о. Иосифа утверждают 17 июня 1860 года¹⁴³. Строитель Иосиф продолжает дело о. Парфения по просвещению раскольников, причем очень успешно. Архивные документы сохранили такие, например, записи: *«...села Иовлева Ивана Васильева для сделания ему увещевания о возвращении из раскола в Православие... который прибыл в пустынь и в течение недельного срока был мною увещеван, чтобы оставить раскол и дочь свою новорожденную Евдокию, крещенную по расколу предоставил приходскому священнику. Раскол совершенно оставил»*¹⁴⁴.

73

При отце Иосифе ведутся большие строительные работы. Свой окончательный вид принимают **гостиничные здания**, сооруженные на берегу святого озера (такими они сохраняются вплоть до 1917 года). Теперь бы мы назвали это «гостиничный комплекс». Там был магазин, часовня, четыре корпуса гостиницы и церковно-приходская школа. В советский период больница, занимающая до настоящего времени часть территории монастыря, использовала эти здания для проживания своих сотрудников. К 1970 году они стали не нужны и простояли достаточно долго заброшенными, пока местные жители не стали их потихоньку разбирать для своих нужд. Интересно нам рассказывали, как разбирали дубовые полы. Они были настолько добротны сделаны, что, несмотря на то, что столько времени простояли в брошенном виде, вырвать их смогли только тракторами. Так уж раньше строили: один раз и навсегда. Была осуществлена полная **переделка Троицкого собора**. Прекрасное описание храма Пресвятой Троицы оставил писатель Иван Шевелкин, посетивший Берлюковскую пустыню в 1864 году: *«Первоначально купол Троицкого собора был деревянный, по времени пришедший в ветхость; теперь же старанием нынешнего настоятеля иеромонаха Иосифа, устроен весьма легкий каменный осмерик с куполом, покрытым белым железом. Внутренность собственно Троицкой церкви также совершенно исправлена: в ней стены украсились превосходной живописью и поставлен новый великолепный иконостас из розового дерева с резьбою из ореха, с позолотою в немногих местах и резными золочеными херувимами по верху. В иконостасе этом соединены изящность и простота, отчетливость работы и прочность. Справедливость требует отдать честь и хвалу московскому мастеру Павлу Варфоломеевичу Алексееву, который*

работал иконостас этот, а также клироса и два великолепных киота, розового же дерева с резьбой из ореха, в коих поставлены: чудотворный образ Христа Спасителя «Лобзание Иуды», и икона Божией Матери. Иконы в царских вратах, изображения на северных и южных дверях и образа святых Троицы, Распятия и Воскресения Христова, Господа Вседержителя и Киево-Печерская икона Божией Матери превосходно написаны в Сергиевой Лавре известным художником-иконописцем иеромонахом Симеоном»^{144а}. Несомненно, новый пятиярусный иконостас Троицкого храма, созданный известным резчиком по дереву Павлом Варфоломеевичем Алексеевым, являлся выдающимся художественным и духовным творением. Иеромонах Симеон, написавший иконы для Царских врат иконостаса был близким другом о. Иосифа. Он работал в живописной мастерской Троице-Сергиевой Лавры, заказы туда поступали со всей России, иконы его работы буквально были нарасхват. Ему удалось возродить старинную технику иконописи, о нем писали тогда, что творил о. Симеон, подобно древним мастерам. Иконостас устанавливался под наблюдением архитектора Троице-Сергиевой Лавры Малышева, работы были завершены в 1862 году на пожертвования семьи берлюковского насельника, иеросхимонаха Иринарха и московского купца Ивана Пименовича Тюляева¹⁴⁵.

74

Большие работы были произведены и **в храме Христа Спасителя**. Простояв 15 лет, храм стал впитывать в себя сырость от подземных вод. В ответ на донесение об этом, написанное отцом Иосифом в 1862 году, последовал указ Его Императорского Величества: «*Новая холодная церковь вверенной Вам пустыни усвоившая в себе сырость, требует обращения внимания на себя; нужно провести подпольные шанцы и каналы в стенах около пола, соединенные с наружным воздухом, что обойдется примерно до 2000 рублей серебром*»¹⁴⁶. Приглашенный отцом Иосифом известный русский архитектор Николай Ильич Козловский дает заключение, что причиной сырости и плесени на стенах собора является отсутствие циркуляции воздуха, и что только подвалы способны это исправить. Великолепный пятиглавый собор с самого начала был выстроен, к сожалению, без подвалов: «*25 Апреля (1863 года) Г.Козловский при осмотре Собора нашел удобнее сделать: вырыть канаву внутри собора около стены, начиная от Южных и Северных дверей до дверей Западных, вырыть оную в глубину 2 аршина 6 вершков, до фундамента, ширину же сделать 2 аршина и свести свод, в стенах собора пробить окна для удобнейшего хождения воздуха*»¹⁴⁷. Летом 1863 года по книге, выданной из Московской Духовной Консистории на имя строителя иеромонаха Иосифа, было собрано 2380 рублей серебром¹⁴⁶. В числе жертвователей были как простые люди, так и целые группы служащих окрестных предприятий (суконная фабрика Бабкина¹⁰⁰, фабрика Анисима Тюляева¹⁴⁵, фабрика Четверикова¹⁴⁸). За два года, с 1862 по 1864 год, архитектор Н.И.Козловский выстроил под храмом те подвалы, в которых ныне расположен зимний храм Архангела Михаила. Безусловно, эти подвальные сооружения были необходимы для отвода верховых, сточных, грунтовых вод, так как серьезный объем строительства и высокая плотность застройки внутри стен монастыря,

неизбежно нарушают естественные гидрогеологические процессы. Подвалы под храмом, выстроенные крестообразно, представляют собой серьезное инженерное сооружение. То, что мы сейчас видим в подвальных помещениях храма Христа Спасителя, позволяет достаточно уверенно предположить, что там и позже проводились работы для каких-то еще иных целей, помимо осушения. Однако пока никаких архивных документов по этой теме не обнаружено: ни фотографий, ни чертежей. Это еще одна загадка монастыря, требующая специальных инженерных и геологических исследований.

При строителе Иосифе на территории монастыря было осуществлено еще одно крупномасштабное строительство – **пещерная церковь во имя Собора Иоанна Предтечи**. Промыслом Божиим было отмечено начало строительства этого каменного храма - ктитория строительства были избраны самим покровителем Берлюковского пещерного скита - Святым Иоанном Предтечей. Ими стали московский II гильдии купец Никита Васильевич Щенников и его супруга Маргарита Григорьевна (урожденная Морозова ¹⁴⁹). Никита Васильевич был очень набожным человеком, щедро помогал московским храмам, был старостой московского Кремлевского Благовещенского собора. И вот, в течение длительного времени, ему в сновидениях начинает постоянно являться святой Иоанн Предтеча, Креститель Господень и велит ему выстроить храм на Берлюковских пещерах. Никита Васильевич, никогда дотоле не бывавший в Берлюковской пустыни, в 1861 году приезжает в Берлюки, рассказывает о своих видениях строителю Иосифу и просит позволения совершить это богоугодное дело. Три года шли объяснения и переписка о надобности этого храма. И вот в 1864 году, на территории скита, на месте пещерной келии старца Макария был заложен каменный храм во имя Собора Иоанна Предтечи, по проекту московского архитектора Николая Ильича Козловского. Никита Васильевич пожертвовал на строительство храма 3000 рублей серебром. Храм был соединен с пещерами, а алтарная часть его была устроена из келии старца Макария. Для храма был изготовлен **литой чугунный позолоченный иконостас** с иконами, писанными на медных листах. 12 марта 1864 года строитель Иосиф пишет в донесении на имя митрополита Московского и Коломенского Филарета: *«При сем наисмернейше представляю на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства рисунок Иконостаса составленный Господином архитектором Козловским, для оной Пещерной Церкви, для вылития оной чугунной весом примерно до 300 пудов, каковой будет стоить более 1000 рублей серебром; на что испрашиваю Вашей резолюции»* ¹⁵⁰. Желаемая резолюция была получена: *«Иконостас чугунный вызолочен и иконы на меди»* ⁹⁶ весом 180 пудов был изготовлен по рисунку Николая Ильича Козловского на Каслинском Сибирском заводе и также оплачен Н.В.Щенниковым. Храм же был выстроен за один год, однако, не суждено было отцу Иосифу довершить это богоугодное дело, освящен храм был уже при следующем настоятеле, иеромонахе Исае (Морозове). При нем, уже в октябре 1865 года пещерный храм во имя Собора Иоанна Предтечи был завершен. За 1865 год в журнале входящих документов

Берлюковской пустыни ¹⁵¹ за 1 ноября существует запись о выдаче антиминса в пещерную церковь, а за 16 ноября - об освящении самого храма. Храм этот перестал существовать в богобоческие годы. Спелеологическая экспедиция прибывала на территории Николо-Берлюковского монастыря, где в то время располагалась больница, в первый раз в 1966 году и уже тогда лет десять (по словам местных жителей), как храма не было. Известно лишь, что упал он только после того, как местные жители разобрали его стены на погреб. Тогда храм рухнул, но рухнул тоже, наверное, промыслительно - погребенный под завалами уникальный иконостас был спасен. Слава Богу за все!

Немало потрудился отец Иосиф и в Москве. Писатель Иван Шевелкин особо отметил эти труды: *«Он совершенно исправил в Москве обе часовни, в особенности же часовню в малою Каменного моста; его старанием несколько местных икон облеклись великолепными серебряными ризами, а также сооружена серебряная риза на чудотворный образ Христа Спасителя, высокой чеканной работы с венчиком, украшенным бриллиантами»* ^{151a}.

76

В 1865 году в Давидовой Вознесенской пустыни, расположенной близ Лопасни (теперешний город Чехов), умирает настоятель (игумен Варлаам скончался 11 января 1865 года) и Преосвященный митрополит Филарет назначает туда о. Иосифа, с возведением в сан игумена. Отец Иосиф служил там долго, в 1874 году был возведен в сан архимандрита ¹⁵². За ревностные труды в Давидовой пустыни отец Иосиф был награжден орденом святой Анны III степени, в 1883 году награжден золотым наперсным крестом. Он скончался 11 июля 1884 года и был погребен в церкви Знамения Божией Матери в Давидовой Вознесенской пустыни.

Берлюковская братия пишет письмо митрополиту Филарету о том, что желает видеть своим настоятелем только **иеромонаха Исаяю**. 29 июля 1865 года выходит указ Его Императорского Величества, в котором написано, что: *«...согласно ходатайству Его Высокопреосвящества и почти единогласному желанию монашествующих Николаевской Берлюковской пустыни, определить настоятелем сей пустыни иеромонаха той же обители Исаяю»* ¹⁵³. Отец Исаяя (Иван Васильевич Морозов), будучи в монашестве уже двадцать лет, отличался весьма ревностным отношением к служению. Был он зачислен в братство Берлюковской пустыни 30 марта 1848 года, еще при отце Венедикте ¹⁵⁴. Иеромонах Исаяя истово принялся за исполнение своего нового послушания – настоятельского, но оно оказалось ему не по его здоровью. Всего лишь несколько месяцев управлял он обителью, до осени 1865 года. Освящает он Иоанно-Предтеченский храм 16 ноября 1865 года в сослужении с игуменом Иосифом (Ивановым), прибывшим на это торжество из Давидовой пустыни, будучи уже тяжело больным. Понимая, что такая ноша ему не по силам, он обращается к митрополиту Филарету с соответствующим прошением. В Берлюковскую пустынь назначается новый настоятель, а иеромонах Исаяя на основании указа Его Императорского Величества и по ходатайству митрополита Мо-

сковского и Коломенского Филарета остается в обители, но вскоре был переведен в братство Коломенского Старо-Голутвина монастыря.

Строитель Иона

Новым строителем Николаевской Берлюковской пустыни становится **игумен Иона** (Белобородов). Иван Родионович Белобородов, родился 22 января 1814 года в купеческой семье в городе Крапивне Тульской губернии. По обету, данному во время тяжелой болезни в юных годах, он 24 лет от роду поступил в Козельскую Введенскую Оптину пустынь и прожил там около двух лет. Однако, близость родных мест, частые свидания с родными и знакомыми не позволяли молодому иноку найти желаемое уединение. Он удаляется на крайний север в обитель Святых Зосимы и Савватия, где в 1845 году принимает монашеский постриг с именем Иона. В 1848 году – иеромонах. С 1856 года сначала состоит смотрителем Соловецкого подворья в Архангельске, а затем назначается наместником Соловецкого монастыря. Принимает участие в военных событиях на Соловках 1853 – 1856 годов, за что был отмечен многими наградами (золотой наперсный крест от Высочайшего кабинета Его Величества, золотой наперсный крест от Святейшего Синода, бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте и бронзовую медаль на Андреевской ленте за отражение нашествия английской эскадры на Соловецкую обитель). В Соловецкой Преображенской обители был в 1860 году возведен в сан игумена. Деятельная жизнь, скорби, уходящая крепость телесных сил заставили игумена Иону в начале 1863 года попроситься на покой в выбранную им Макарьевскую Жабынскую пустынь. Но вместо этого указом Преосвященного Тульского и Белевского Никандра игумен Иона был назначен настоятелем Тульского епархиального подворья в Москве. Поездка в Москву и его деятельная аскетическая жизнь на подворье послужила поводом к принятию нового послушания. По исполнению дел в подворье он был определен Московским митрополитом Филаретом настоятелем подмосковной Екатерининской пустыни, чтобы поднять дух в этой старинной обители, а с 19 ноября 1865 года он становится настоятелем в Николаевской Берлюковской пустыни.

77

Игумен Иона вводит в пустыни строгий устав Соловецкого монастыря. Новый настоятель мало думал о телесном покое, очень любил работать в саду, лично посадил в монастыре и монастырском лесу сотни деревьев, внутри монастыря устроил прекрасные цветники. Даже во время болезни не прекращал он своих трудов, целыми днями работая вместе с послушниками, и только к вечеру уходил в нижние кельи скита, где резал своими руками различные вещи из дерева: он был превосходный резчик. Всего через год, в 1866 году о. Иона получает письменную благодарность от Императора Александра II за постоянную финансовую помощь вверенного ему монастыря бедным и нуждающимся¹⁵⁵. В пери-

од его настоятельства, в 1866 году, была завершена **отделка собора Христа Спасителя** и закончены **отделочные работы в подвале** под собором, полностью поновлена живопись, пораженная сыростью. Работы производились на пожертвования авдотынского фабриканта Ивана Семеновича Соловьева с братьями. Братья Соловьевы¹⁵⁶ пожертвовали собору и серебряные позлащенные хоругви. После окончания всех работ храм Христа Спасителя 22 мая 1866 года был вновь освящен викарием Московским Преосвященным Саввой епископом Можайским. Число паломников, желающих поклониться обретенной чудотворной иконе, постоянно растет. Не все могут заплатить за проживание в недавно отстроенной гостинице, поэтому в 1867-1868 годах между угловым корпусом гостиницы и конным двором строится большой 2-х этажный **странноприимный дом** для проходящих неимущих странников. Там же была устроена и безвозмездная **трапезная**. Любой путник мог отныне на три дня получить совершенно бесплатные ночлег и питание. В 1867-1868 годах продолжались также строительные работы в Предтеченском пещерном скиту. Был выстроен еще один **каменный келейный корпус** (нижний), так как прежнего «парфеньевского» уже не хватало на всех. Новый келейный корпус примыкал к Предтеченскому храму и имел выход к самим пещерам. По внутренней каменной лестнице можно было пройти из пещерного Предтеченского храма наверх в Казанский храм. Сейчас мы можем видеть эту лестницу, ее уже откопали, она достаточно круто поднимается наверх, как раз в бывшую Казанскую церковь. Строили так, чтобы братия могла свободно передвигаться под землей, не поднимаясь наружу. Над источником схимонаха Макария, для поднятия воды в чашу под образом иконы Божией Матери Живоносный Источник был устроен **гидропульс** - тогда новшество, серьезнейшее и на тот момент весьма прогрессивное гидравлическое сооружение. Комната, где он был установлен, должна была быть немалых размеров. Значит, столько было паломников, что постоянно требовался мощный подъем воды, который обеспечить другим способом было сложно, поэтому и установили этот механизм. Икона Божией Матери Живоносный Источник была одета в каменный киот, сделано было обрамление колодца, вход выложен камнем. В 1869 году для удобного подъезда к монастырю построен **деревянный мост через Ворю**. Позже на его месте был выстроен тот самый автомобильный мост, с которого и поныне открывается живописный вид на Берлюковскую обитель.

В 1870 году у строителя Ионы случается конфликт с благочинным подмосковных монастырей архимандритом Пименом (Мясниковым), ныне прославленным в лике святых, Пименом Угрешским. В марте 1870 года игумен Иона подает в Святейший Синод прошение об уходе на покой по состоянию здоровья. Просьба его удовлетворяется. Чтобы укрепиться духовно, тяжело переживая это непонимание, о. Иона пишет прошение о паломничестве на Святую Землю, согласно которому был «...уволен в Палестину для Богомолья на 11 месяцев с 8 января 1871 года»¹⁵¹. На Святой Земле его ждала неожиданная встреча, о. Парфений приехал туда с той же целью - радостной была встреча двух друзей. Небезынтересна дальней-

шая судьба о. Ионы. В 1872 году он определен в Макарьевскую Жабынскую пустынь Тульской губернии, где с 1880 года утверждается в должности настоятеля, что принесло этой обители огромную пользу. Когда он был назначен в Жабынскую пустынь, духовная жизнь там была в упадке. К концу его настоятельства туда пришло много насельников со взглядами, близкими взглядам о. Ионы: ему удалось вдохнуть в эту обитель новую жизнь. Умирая, он оставил монастырь духовно процветающим. Таким он оставался вплоть до 1917 года. Во всех сохранившихся документах подчеркивается, что именно годы настоятельства о. Ионы принесли монастырю небывалые аскетические успехи. Он очень много сделал для прославления преподобного Макария Жабынского, сумел собрать необходимые средства, чтобы построить новые раку и сень, составил жизнеописание преподобного. В Жабынской пустыни о. Иона и скончался в 1889 году, там же и погребен. Пустынь сейчас возрождается, и о. Иону там помнят и очень почитают. Из всего монастырского некрополя уцелела лишь одна могила – могила о. Ионы, уцелел и памятник на его могиле.

После ухода о. Ионы, с 18 марта по 28 августа 1870 года Николаевской Берлюковской пустыню управляет казначей иеромонах Феодосий.

Берлюковские старцы

79

В период с 1830 по 1870 год монастырь очень укрепился, здесь трудятся старцы высокодуховной жизни: иеросхимонах Иринарх, схимонах Варлаам, схимонах Николай-слепец, схимонах Сосипатр, иеросхимонах Порфирий, иеромонах Феодорит, иеромонах Иероним.

Иеросхимонах Иринарх (1777 – 1859) – родом из московских мещан, талантливый живописец. Принял постриг в Московском Покровском монастыре 29 ноября 1814 года, там же был рукоположен в иеродиакона, а затем в иеромонаха. Поступил в братство Берлюковской обители при отце Венедикте 12 января 1844 года. В память Крымской войны 1853-56 годов награжден Святейшим Синодом бронзовой медалью и бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте. В 1857 году принимает схиму. Отец Иринарх имел очень богатых родственников, на пожертвования его семьи в 1859 году был устроен новый иконостас в Троицком храме. Сам о. Иринарх работал в монастырской иконописной мастерской, созданной отцом Парфением. С 1857 года - один из первых насельников келейного корпуса над берлюковскими пещерами. Скончался 31 марта 1859 года от водяной болезни. Места его погребения мы, к сожалению, не знаем.

Схимонах Варлаам - (Владимир Дмитриевич Курочкин). Родом из города Твери. В миру был женат. Они с супругой приняли обоюдное решение о монашеском постриге. Владимир Дмитриевич поступил в братство монастыря 31 марта 1810 года, еще при отце Пахомии, принял постриг

при отце Венедикте, 30 мая 1832 года, а 29 августа 1833 года был пострижен в схиму. Супруга его приняла постриг в Покровском Хотьковом монастыре. Отец Варлаам пользовался всеобщим уважением и имел высокий духовный авторитет, в 30-е годы его подпись присутствует на всех важных монастырских документах. К сожалению, пока неизвестна нам ни дата его смерти, ни место его захоронения.

Схимонах Николай-слепец – (Никита Евстратов). Родом из города Коврова. Поступил в братство монастыря в августе 1845 года при отце Венедикте. Страдал глазной болезнью, впоследствии приведшей к полной потери зрения. Исполнял послушание звонаря. Ослепнув, принял монашеский постриг 23 июля 1853 года, а на следующий день был пострижен в схиму. В 1857 году стал одним из первых насельников келейного корпуса над пещерами. Скончался на 112 году жизни. После его смерти обнаружилось, что он постоянно носил вериги, все его тело было в цепях и крестах. Вериги схимонаха Николая-слепца хранились в алтаре пещерного Предтеченского храма вплоть до его разорения после революции.

80

Схимонах Сосипатр – грек, пострижен в монашество в монастыре Ставроникиты Святой Афонской Горы архимандритом Неофитом. По окончании Крымской войны 1853-56 гг. афонитам было разрешено выезжать в Россию. Отец Сосипатр решил поехать в нашу страну и служить в одном из русских монастырей. Его выбор падает на Берлюки, где настоятелем в то время был о. Парфений, скорее всего, они знали друг друга по Афону. Отец Сосипатр просит принять его в братию Николаевской Берлюковской пустыни, что для афонита тогда было совсем непросто. Русская Православная Церковь с большой осторожностью относилась к афонским постригам. Такое правило имело под собой основание: на Афоне иногда практиковались несколько «сомнительные» постриги, неизвестно кем осуществленные и незафиксированные никакими документами. Это серьезное препятствие помог преодолеть о. Парфений - он лично обратился к митрополиту Филарету (Дроздову) с принять отца Сосипатра. Вера ему была большая, владыка часто прислушивался к его мнению. Вероятно, много пришлось потрудиться отцу Парфению в своих просьбах за отца Сосипатра, но усилия его не пропали даром: 31 мая 1857 года схимонах Сосипатр был зачислен в братию Берлюковской пустыни. Годы жизни схимонаха Сосипатра пока неизвестны.

Иеросхимонах Порфирий (1808 – 1872) – также афонит, постриженик скита Кавсокаливия на Святой Горе Афонской. С отцом Парфением они были очень близки. Господь то соединял их дороги в жизни, то разлучал их: знали они друг друга, видимо, с детства, оба были родом из одного города в Молдавии, из русских семей, и оба вначале были старообрядцами, вместе пришли на Афон в 1839 году и вместе принимали постриг. В 1845 году о. Парфений получил благословение уехать в Сибирь, а о. Порфирий остался на Святой Горе Афонской. Связь между ними была потеряна, и встретились они снова только через тринадцать лет, уже на русской земле. Как произошла эта встреча, нам удалось узнать из обнаруженного в

архиве документа, под названием «сказка». Название такое не означает, что написанное там является вымыслом: «сказка» - это устаревший термин, который на современный язык можно перевести словом «записка» или вообще некое повествование о чем-либо. Так вот в этой сказке написано, что когда афонитам было разрешено выезжать в Россию, о. Порфирий решил поехать в один из русских монастырей, уж очень он скучал по России. В 1858 году приезжает он в Киево-Печерскую Лавру и поселяется там, в гостинице. Вот, как об этом пишет сам о. Порфирий: «... услышал я для меня радостное известие, что древний мой друг и духовный наставник инок Горы Афонской, а ныне иеромонах Парфений уже настоятель Николаевской Берлюковской пустыни в Московской епархии, с которым уже 10 лет как не виделись и даже слуху не имели, и я немедленно отправился в Москву и, прибывши прямо в Берлюковскую пустынь, сподобился самого лицезреть моего возлюбленного друга и наставника, и от радости много плакал...»¹⁵⁷. Упал он отцу Парфению в ноги и стал просить взять к себе. Повторилась та же история, что и с отцом Сосипатром. Опять о. Парфений пошел просить к митрополиту Филарету, теперь уже за отца Порфирия. Было направлено множество прошений на имя Императора Александра Николаевича и в Святейший Синод, и вот, о. Порфирий становится насельником Берлюковского монастыря. Здесь он принимает деятельное участие в написании устава для монастырского скита, много и славно трудится для процветания обители. Даже, когда отцу Парфению поручат создавать Гуслицкий монастырь, и тот будет вынужден оставить Берлюки, отец Порфирий не последует за своим другом, а останется здесь, в Николаевской Берлюковской пустыне. Почему так получилось – трудно сказать: может быть, отец Порфирий так полюбил Берлюки, а может быть о. Парфений, понимая, каким колоссальным духовным опытом обладает его друг, просто попросил его здесь остаться. Как бы то ни было, о. Порфирий до конца своих дней служил в Николаевской Берлюковской пустыни. Основным его послушанием стало окормление Московской Староекатерининской больницы¹⁵⁸. Это была государственная больница для бедного населения, для рабочего люда: были там люди и не совсем верующие, были и люди с сомнительным прошлым. В то время многим монастырям, особенно имевшим подворья в Москве, начинают поручать окормление таких вот трудных «объектов». Николаевская Берлюковская пустынь до самой революции будет окормлять эту больницу, постоянно отправляя туда одного иеромонаха и одного монаха для духовного окормления больных и для совершения богослужений в больничном храме во имя иконы Божией Матери «Целительница». Руководство больницы очень полюбило о. Порфирия. Сохранилось письмо одного из врачей к тогдашнему настоятелю Берлюков, отцу Иосифу, в котором есть удивительные слова, что о. Порфирий обладает поразительным талантом – «исцелять своей радостью». Так будет он окормлять больницу до конца своих дней. Скончался о. Порфирий 28 декабря 1872 года, при настоятеле отце Ниле, в весьма почтенном возрасте, успев сделать для Берлюков очень много.

Иеромонах Феодорит - родом из крестьян. Монашество принял в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 1 ноября 1815 года. 31 декабря 1827

года, еще при строителе Николае (втором), иеромонахом перешел в Берлюковскую пустынь. Свидетель чуда обретения образа «Лобзание Иисуса Христа Иудю». На протяжении многих лет (с 1834 по 1863) - один из духовников обители. Ученик, друг и собеседник схимонаха Макария (Ермолаева), вел подвижнический образ жизни. В конце своего земного пути, тяжело больной, шесть лет пролежал без движения на спине. Молился и духовно окормлял монастырскую братию и многих приходивших к нему людей, был добр ко всем и незлобив. Умер 27 февраля 1863 года. Похоронили его рядом со схимонахом Макарием у Казанского храма.

Иеромонах Иероним - был переведен в Берлюки при отце Парфении в ноябре 1858 года из Флорищевой пустыни Владимирской епархии, где жил на покое. Пустынь та была известна своими старцами и находилась недалеко от Гороховца, в лесу. Она сохранилась до нашего времени, сейчас ее восстанавливают. До этого о. Иероним был строителем Гороховского Николаевского монастыря, за попечение об устройении которого, получил архипастырскую признательность. Монастырь также сохранился до наших дней, находится он в самом центре Гороховца. Вместе с отцом Парфением иеромонах Иероним ушел в Гуслицы, где стал благочинным монастыря.

82

Старец Макарий – «Схимонах Макарий, в мире был Макар Ермолаевич. Господский человек Московских Купцов Куманиных, имел жену и детей, был дядькою детей Куманиных и поваром, за добрую жизнь и услугу отпущен на волю. Поступил в Берлюковскую пустынь в 1828 году. Пострижен в монашество с именем Афанасия в 1839 году, проходил должность свечника. В 1841 году облечен в схиму с именем Макария и от должности свечника уволен, тогда он в свободное время от богослужения начал копать пещеры. Скончался в 1847 году Апреля 1 дня»^{158a}. Схимонах Макарий известен был святою подвижническою жизнью и необыкновенным трудолюбием, «...быв до самой смерти своей примером кротости, смирения и нестяжательности. Память его и поныне чтима в обители, а могилу его многие из богомольцев посещают и по усердию служат панихиды»¹⁵⁹. Он продолжил дело, начатое старцем Максимом при строителе Пахомии - уходит в берлюковские пещеры и остается там жить, пребывая в постоянной молитве. Его руками выкопаны эти пещеры над Вореи, землю выносил он на руках, не имея необходимого на то орудия. Иван Шевелкин так написал об этом: «Надо удивляться трудам и терпению благочестивого старца. Грунт земли, в которой не копал он, а выламывал, или, лучше сказать, выдалбливал пещерки, чрезвычайно твердый, содержащий в себе железную руду»^{159a}. Внутри пещеры он чудесно обретает святой источник и устраивает несколько келий. Много людей приходило к нему за советом, всех он принимал, утешал, наставлял. К Макарию, приходили за советом уже как к старцу. Перед кончиной схимонах Макарий завещал выстроить на пещерах скитской храм. И о. Венедикт, бывший в то время настоятелем Берлюковской обители, большой друг о. Макария, стремился как можно скорее начать строительство скита и скитского храма. Однако исполнить наказ Макария довелось

только следующему настоятелю пустыни, отцу Парфению. Похоронили старца Макария у западной стены Казанского храма, прямо у входа в церковь. Когда впоследствии умрет его близкий сподвижник о. Феодорит, его похоронят рядом. Монастырь очень чтит их память, множество людей приходило на их могилы, служились панихиды. Над их могилами была сооружена деревянная резная часовня-сень, на каменных столбах, в древнерусском стиле. Точно такая же часовня была сооружена и над святым источником, когда-то обретенным старцем Макарием и бившем здесь, неподалеку от его могилы. Не так давно источник этот был обнаружен при раскопках. Часовни до нашего времени не сохранились, могилы же старцев находятся теперь под более поздними захоронениями жителей Авдотьино.

К сожалению, до нас пока не дошло какое-либо подробное жизнеописание старца, если таковое, конечно, вообще было составлено, несмотря на его огромное почитание. Мы располагаем лишь немногочисленными документами, отображающими его труды и подвиги, где, кстати, встречается немало разночтений и искажений. Например, во всех описаниях пустыни написано, что старец принял постриг в 1829 году. Год пострижения в монашество указан как 1839, но детальное исследование всех документов позволило установить, что постриг был в 1837 году. В документах были также обнаружены два разных варианта написания имени будущего старца, упоминается и «...о пострижении в монашество послушника... Макария Ермолова»¹⁶⁰, и о том, чтобы «...постричь Макария Ермолаева»¹⁶¹. Вероятно, нужно исходить из того, что Макарий в миру был крепостным человеком, а значит, не имел фамилии. Эти данные позволяют нам с уверенностью сказать, что старец в миру был Макар, сын Ермолая, в монашестве стал Афанасием, а в схиме Макарием.

83

**«Красуйся и ликуй,
Ты, Богом хранимая, Берлюковская обитель»**

На рубеже веков: век XIX и век XX

Строитель Нил

С 28 августа 1870 года настоятелем Берлюковской пустыни становится **иеромонах Нил (Сафонов)**. Поступил он: «из казначеев Николо – Угрешского монастыря. Из купеческого звания, уроженец г. Скопина Рязанской губернии, в миру назывался Николай Лукич Сафонов. В 1852 году поступил в Угрешский монастырь; в 1857 году принят в монашество при игумене Пимене (ныне архимандрит), того же года июля 28, посвящен во иеродиакона; в 1858 году, сентября 15, рукоположен во иеромо-

наха, в 1868 году определен казначеем. Имеет набедренник и наперсный крест»¹⁶². Приход к управлению пустынью о. Нила существенно изменил качественный состав братии. Отец Нил смотрел на монашескую жизнь совсем иначе, нежели его предшественники. С первых дней управления он повел курс на увеличение доходов монастыря, его материальное процветание и стал с радостью принимать детей богатых купцов и мещан. В результате к 1873 году монастырь покинула немалая часть братии (удалось проследить уход 9 человек). Можно сказать, что новый настоятель за время своего управления обителью полностью «искоренил» желание монашествующих к аскетическому подвигу, просто запретив жительство на пещерах, обосновав это нарушением общежительства. Даже историческое описание, изданное при отце Ниле, пронизано отрицательным его отношением ко всему, что было выстроено его предшественниками на пещерах. В корне стала меняться внутренняя жизнь в обители, он отменил многие строгости, наложенные для братии предшественниками, и требовал очень жесткого подчинения своим указаниям. В то же время в монастыре разворачивается широкая строительная деятельность. Отец Нил сумел привлечь большое количество жертвователей, особенно из московских купцов, что позволило привести территорию обители в идеальное состояние. Сохранились воспоминания архимандрита Пимена, о посещении им Берлюковской пустыни в годы настоятельства о. Нила: «29 июня 1876 года, в Петров день, я служил в Берлюковской пустыни праздничную всенощную и литургию. На всенощной облачение на всех было парчевое, а на обедне бархатное: мне подали шитое, на всех прочих было бархатное гладкое. В пустыни ризница очень хороша, так что и в весьма богатых монастырях едва ли есть такое множество различных облачений... обитель видимо улучшилась и благоустроилась: в черте ограды везде дорожки, цветы, чистота; поют хорошо: по праздничным и воскресным дням пение партесное, а в будничные столповое. Трапеза братская и одежда достаточны. О местоположении я не распространяюсь: оно превосходное, и представляет все выгоды для хозяйства и жительства: горы, вода, леса, луга, а для монашества уединение»¹⁶³. При о. Ниле были изданы **рукописные тетради о. Венедикта**, собранные, систематизированные и доработанные в свое время отцом Ионой и до настоящего времени являющиеся основным источником сведений об истории обители. Известны они, как «*Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни*». Большие связи с московским купечеством, а также знакомства со всеми крупными землевладельцами, владения которых располагались в Богородском уезде, позволили отцу Нилу очень существенно увеличить земельный капитал монастыря. При нем было **приобретено более 300 десятин земли**. Были приобретены земли с лесом из государственных имуществ возле деревни Ботово, в 1872 году владелица села Саввинское М.А.Охотникова (другими сведениями об этом человеке мы пока не располагаем) пожертвовала монастырю 48 десятин в районе горы Ульянки (Ульянихи), рядом с дер. Авдотьино, тогда же на средства монастыря и благотворителей в селе Кармолино была приобретена земля с прилегающими лесами, лугами и большим господским домом. Там отцом Нилом было устроено **подсобное хо-**

зайство монастыря и пасека. Там проживала часть братии, занятая на работах на подворье. Отец Нил благоговейно относился к почитанию берлюковской чудотворной иконы. Именно ему пришла мысль увековечить место, где, по мнению всех берлюковских старцев, пребывала чудотворная икона до своего обретения, - сельцо Кармолино. Отец Нил решает поставить **большой деревянный поклонный Крест с иконой Спасителя** на месте перевезенного в пустынь в 1806 году храма во имя Спаса Нерукотворного, из которого, по-видимому, и «пришла» в Берлюки икона. При нем ежегодно устраивались крестные ходы из монастыря в село Кармолино на Спасов день 16 (29) августа, со служением молебна и чтением акафиста Спасителю у Креста. В советское время Крест был, конечно, уничтожен. Теперь на этом месте стоит новый недавно построенный храм, во имя мученика Анатолия, со своей, уже современной историей. В 1872 году за стенами Берлюковской обители у монастырского озера была открыта **церковно-приходская школа** в новом деревянном здании с мезонином. 8 апреля 1873 года Святейший Синод за труды по благоустройению обители наградил о. Нила золотым наперсным крестом. 25 апреля 1876 года в Успенском храме Николо – Угрешского монастыря Преосвященным Леонидом, епископом Дмитровским, иеромонах Нил был возведен в сан игумена.

85

В 1878 году о. Нил принимает решение разобрать **Троицкий храм** и на его месте построить огромный собор по проекту известного московского архитектора Николая Васильевича Никитина¹⁶⁴ в русско-византийском или древне - русском, как его еще называют, стиле. Мнения по этому вопросу разделились. В прессе эта идея поддерживалось, однако, многие из прежней берлюковской братии были против разрушения Троицкого храма, возражая, что построен он был еще при первых отцах, и что именно туда была перенесена обретенная икона. Они считали, что трогать его ни в коем случае нельзя, а построить новый храм можно в другом месте. Храм был все же разобран и заложен новый Троицкий храм, но закончить его настоятель Нил не успел. За время его правления удалось только выложить стены и покрыть крышу. Храм был каменный, одноглавый в эклектической традиции, с элементами византийского и древнерусского влияния в проработке фасадов. Храм во имя Живоначальной Троицы был трехпрестольный с приделами во имя святителя Николая Чудотворца и великомученика Мины и, по традиции, теплый. Под храмом были сразу заложены подвалы с большой духовой печью. В 1880 году скончался архимандрит Пимен, бывший настоятелем Николо-Угрешского монастыря. Братия обители захотела видеть своим настоятелем о. Нила. Святейший Синод желание угрешской братии удовлетворил. Отец Нил очень любил Николо-Угрешский монастырь, где принял в свое время постриг, отказываться он не стал и 2 сентября 1880 года вступил в управление Николо - Угрешским монастырем. В 1887 году он был возведен в сан архимандрита, в 1893 году о. Нил скончался. Из уважения к его трудам, он был погребен в склепе под алтарем еще не освященного тогда Спасо-Преображенского собора Николо-Угрешского монастыря, инициатором строительства которого он был.

Строитель Адриан

Следующим настоятелем пустыни становится **игумен Адриан** (Алексей Дмитриевич Разживин) - время настоятельства: 1880 – 1902. Родился он в 1823 году, в Богородске, в братство Берлюковской пустыни был принят послушником 20 октября 1850 года, когда ему было 27 лет ¹⁰⁶. 14 сентября 1861 года послушника Алексея Разживина строитель Иосиф (Иванов) постриг в монашество с именем Адриан. В октябре 1866 года, по собственному прошению, (из-за разногласий со строителем Ионой) перешел в Давидову пустынь, которой тогда управлял бывший берлюковский настоятель, о. Иосиф (Иванов). Наделенный прекрасными административными дарованиями, о. Адриан сумел за короткое время привлечь в Давидову пустынь богатых жертвователей. Игумен Иосиф оценил труды монаха Адриана и уже через год он был рукоположен во иеродиакона и назначен келарем. В 1871 году, по предложению о. Нила (Сафонова), о. Адриан возвращается в Берлюки. В 1875 году он становится экономом пустыни, а 13 июля того же года его рукополагают в иеромонаха. В течение пяти лет, до последнего дня настоятельства строителя Нила, иеромонах Адриан остается самым его деятельным помощником. С сентября 1880 года о. Адриан исполняет обязанности настоятеля Берлюковской пустыни, а 12 марта 1881 года назначается настоятелем пустыни, указом Святейшего Синода ¹⁶⁵. Это был человек прекрасно образованный, деятельный, целеустремленный, он любил обитель всей душой и много потрудился для ее процветания. За эти двадцать с небольшим лет обитель весьма окрепла материально, был скоплен золотой денежный запас, приобретены большие владения, и, что немаловажно, упрочились связи монастыря с Царствующим Домом Романовых. Щедрая благотворительная деятельность о. Адриана, его патриотические монархические взгляды сделали Берлюковскую пустынь «на слуху» при дворе.

86

Отец Адриан придавал большое значение образованию и воспитанию. Первым делом о. настоятеля становится **открытие новой народной школы при монастыре**. Иеромонах Адриан пишет прошение в Московскую Духовную Консисторию об открытии школы, в которой Закон Божий преподавался бы монастырской братией. Предложение строителя Адриана признано было: *«целесообразным и необремененным для пустыни»* и в 1881 году было разрешено открыть при монастыре народное бесплатное училище для крестьянских детей обоего пола. *Законоучителем в училище был назначен иеродиакон пустыни Никодим, как «благонадежный и способный к этой должности»* ¹⁶⁶. В 1882 году игумен Адриан становится почетным попечителем этого училища, а в 1885 году указом Его Императорского Величества начальное народное училище переименовывается в церковно-приходскую школу с полным содержанием за монастырский счет. Законоучителем в ней становится иеромонах Игнатий (Суслин), многолетний насельник обители, человек удивительной судьбы, участник многих военных действий. С 1896 по 1900 годы законоучителем в школе был Василий Григорьевич Смоленский, в будущем протоиерей и ново-

мученик. В 1892 году о. Адриан был удостоен благословения Святейшего Синода и грамоты за особенное усердие в попечении о берлюковской церковно-приходской школе, признанной лучшей в Богородском уезде. 22 июня 1896 года еще одна благодарность: *«за ревностную заботу о благосостоянии Берлюковской церковно-приходской школы»*¹⁶⁶. В 1883 году обитель строит **часовню во имя Преподобного Сергия Радонежского** при деревне Саввинской. История ее строительства такова. В 1882 убит Император Александр II. Отец Адриан тяжело переживая эту трагедию и решает увековечить память павшего от рук терроритов Императора. Купец Иван Иванович Соловьев соглашается дать средства для строительства часовни в память почившего Императора. Разрешение Святейшего Синода: *«по делу о дозволении построить часовню, при деревне Саввинской в месте, называемом сельцо Сергиевское»*¹⁶⁷, *прихода села Глинкова Богородского уезда»* было получено быстро. Часовню строят на месте бывшего храма во имя Преподобного Сергия Радонежского, переданного Владимиром Ивановичем Лопухиным Берлюкам еще при строителе Иоасафе: *«всю из железа, на кирпичном фундаменте, с поставлением в оной иконы Преподобного Сергия»*¹⁶⁸. Освящается часовня, конечно, также во имя Преподобного Сергия Радонежского, но на ней размещается металлическая табличка, с надписью, что сооружена она в память почившего Императора Александра II. Тем же документом предписывалось: *«...часовню сию числить, согласно желанию просителя Соловьева, приписною к Берлюковской пустыни»*¹⁶⁸. Подтверждающий это разрешение указ Его Императорского Величества за № 3992 от 17 июня 1883 года был выдан незамедлительно. Указ этот всегда хранился в настоятельском корпусе и числился в его описании, что говорит о значении, которое придавал о. Адриан всему, что было связано с именем покойного Императора. Строительство часовни в память о государе Александре II, безусловно, способствовало росту духовного авторитета монастыря в царствование его сына Императора Александра III (1881 – 1894).

87

При настоятеле Адриане был окончательно достроен трехпрестольный **храм во имя Живоначальной Троицы**, заложенный при строителе Ниле в 1878 году. В храме был сооружен трехъярусный вызолоченный иконостас, шесть икон из общего числа были одеты в красивые серебряные ризы. 29 июня 1884 года состоялось освящение главного престола Высокопреосвященнейшим митрополитом Московским и Коломенским Иоанникием (Рудневым). В этот же день иеромонах Адриан был возведен в сан игумена. Престолы боковых приделов - во имя Святителя Николая Чудотворца и во имя святого великомученика Мины - были освящены Преосвященным Мисаилом епископом Дмитровским в сослужении настоятеля о. Адриана 15 сентября 1884 года¹⁶⁹. Тогда же достигает своего расцвета и **иконописная мастерская**. С 1893 года мастерскую возглавлял монах Викторин (дворянин, родом из города Одессы Виктор Федорович фон Рентель), а с 1905 года - иеромонах Палладий (Петр Васильевич Величин), закончивший до монашества московскую школу живописи, ваяния и зодчества.

В 1888 году игумен Адриан обращается к Преосвященному Александру, викарному епископу Можайскому, с прошением отпустить из монастыря в крестные ходы вместо чудотворного образа Спасителя точную копию святой иконы, так как: «...каждогодно изнасится Св. Чудотворная Икона Лобзание Христа Спасителя Иудою, в город Богородск и другие селения для Крестного хождения... Ныне сия Св. Икона приходит в ветхое состояние, так что изнасить оную на будущее время представляется опасно». При этом он высказывает предположение, что на то «не последует пререкания со стороны усердствующих, привыкших каждогодно принимать Св. Икону в свои дома»⁸⁶. Документ сей немало интересен для нас. Несомненно, почитание святой иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудою» было крайне велико: к 1888 году, всего за 60 лет со дня ее обретения икона пришла совсем в ветхое состояние, чему причиной были частое ее использование в крестных ходах, а также и немалое число желающих принять святой образ у себя дома. Пишется список с берлюковского образа Спасителя специально для изнесения в крестных ходах. Нужно сказать, что к концу XIX века Берлюковская пустынь собрала множество великолепных старинных икон в своих храмах. Вот некоторые из них: икона Вседержителя (вторая половина XVII в.), древний образ Святителю Николаю Чудотворцу, тот самый, что был еще в часовне иеросхимонаха Варлаама в XVII веке, икона Эммануила, очень интересного византийского письма, образ Казанской иконы Богоматери с Николаем Чудотворцем и Параскевой Пятницей. В храме Василия Великого была икона Нерукотворного Образа Спасителя в серебряной ризе, писанная Ларионом Ушаковым. Там же была и Курская икона «Знамение» Богоматери в серебряной ризе московской работы 1735 года - вклад княгини Ольги Михайловны Кольцовой-Мосальской¹⁷⁰. Собрание икон было настолько интересным, что Л.И.Денисов написал о нем исследование «О памятниках древне-русской иконописи в Берлюковской пустыни», вышедшее в свет в 1901 году, где автор проводит подробное описание наиболее древних икон обители.

Уже несколько раз в этой книге мы встречаем это имя. Подойдя к описанию эпохи, когда жил этот человек, позволим себе сказать несколько слов о нем, поскольку судьба его была тесно связана с Николаевской Берлюковской пустыней, он нежно любил эту обитель. Это известный духовный писатель, автор множества книг и статей. Среди них: «Житие преподобного Серафима Саровского» (1904), «Жизнь святого великомученика Пантелеимона» (1909), «Православные монастыри Российской Империи» (1908). Он имел несколько образований, сфера его интересов была чрезвычайно обширна: член разнообразных обществ, коллекционировал старые ноты, писал книги о церковном пении XIII века, о вреде алкоголизма, жития святых для детей, написал в общей сложности около 200 детских книг, писал духовные стихи, но особенно интересовался иконописью. Леонид Иванович любил Берлюки, часто бывал здесь и всегда с большим уважением отзывался о берлюковских иконах, признавая их уникальность и ценность. Судьба этого человека сложилась непросто. В 1914 году он принимает монашество с именем Арсений, в Московском Чудовом монастыре постриг совершает епископ Трифон (Туркестанов),

его духовный отец. К 1917 году он уже архимандрит и заведующий ризницами Московского Кремля. Однако, неожиданно для всех, в 1920 году сбривает бороду, переодевается в мирскую одежду и ходит по Петербургу и Москве с красными бантами, приветствуя революцию. Владыка Трифон с горечью пишет: «...переоделся в светское платье, не служит, занимается литературными трудами и меня не посещает. Вероятно, стесняется своего костюма»¹⁷¹. Позже архимандрит Арсений кается в этом поступке. Владыка, очень любивший его, прощает. Арсений становится епископом Каширским, викарием Московской епархии, но епархией не управляет. Душа его вновь полна смятения, он никак не может найти себя в новом этом времени. Перед Великой Отечественной войной он уезжает в Ленинград, живет в какой-то деревне, влачит полуголодное существование, делает обмеры храмов, зарисовывает на бумаге фрески, росписи, пытается все это спасти. В 1942 году он умирает от голода где-то под блокадным Ленинградом. Дата его смерти неизвестна. Леониду Ивановичу Денисову принадлежит заслуга составления самого подробного исторического описания пустыни. Оно издается дважды - в 1889 и 1898 годах. В эти годы монастырь серьезно занимается **исторической работой и издательской деятельностью**: выходит книга о чудотворной иконе «Лобзание Иисуса Христа Иудюю», множество литографий и гравюр с видами пустыни.

89

В последние годы уходящего века монастырь становится владельцем **земельных участков и домов в Москве**. В 1891 году в собственность монастыря переходит лавка с землей всего около 25 сажень в Москве: «Рогожской части, 3 участка на Таганском рынке в Мясном ряду... пожертвованная в полную собственность Берлюковской пустыни по духовному завещанию московского купца Павла Борисовича Пирогова»¹⁷². В 1892 году монастырь приобретает в собственность большой доходный дом в Москве, в районе Басманной улицы¹⁷³, неизвестное лицо дарит его обители на вечные времена. Прошение о дарении было написано присяжным поверенным Федором Никифоровичем Плевако, выступавшим от имени дарителя. Монастырь стал использовать этот дом, как гостиницу для сдачи квартир в наем, что позволило увеличить доходы обители. В 1891 году на пожертвования купца Павла Борисовича Пирогова **часовня святителя Николая Чудотворца в Москве у Каменного моста**, бывшая московским подворьем монастыря, была украшена новым позолоченным резным иконостасом. Но, конечно, самым важным свершением за годы настоятельства о. Адриана стало возведение великолепной, стройной **колокольни**, той самой, которой, сейчас все любят, подъезжая к Берлюкам, и которая теперь является «визитной карточкой» нашего монастыря. Построена она была всего за 5 лет, с 1895 по 1900 годы. Это дивное творение произвело большое впечатление на современников. И в том, что колокольня получилась такой, несомненно, большая заслуга о. Адриана. Он не только сумел привлечь обильные пожертвования на это богоугодное дело, но, самое главное, во всех инстанциях сумел доказать, что строительство столь масштабной колокольни необходимо для монастыря. Главным жертвователем на строительство новой колокольни, стал московский купец Федор Никитич Самойлов¹⁷⁴. Уроженец деревни Ямкино,

знавший и почитавший Берлюки с детства, он сразу откликнулся на идею строительства такой колокольни, которая должна было украсить любимую и близкую ему Берлюковскую обитель. К сожалению, не суждено было ему дожить до окончания строительства. 8 июня 1895 года он скончался. Незадолго до смерти он внес сразу 30.000 рублей серебром на первый этап строительства. Это была очень большая сумма по тем временам. В своем завещании Самойлов отписал также огромные средства на нужды храмов и монастырей, как в России, так и за ее пределами. Душеприказчик Самойлова, московский купец Н.Г.Никольский исполняя волю покойного, писал игумену Адриану: *«Покойный Ф.Н.Самойлов пожертвовал на постройку новой колокольни капитал в 50.000 рублей и внес 30.000 рублей при жизни своей, с чего и была начата постройка оной. Считая долгом своим исполнить волю покойного представляем при сем еще 20.000 рублей на благотворительные цели»*¹⁷⁵. Пример такой благотворительности достоин подражания, и, конечно, имя нашего земляка, Федора Никитича Самойлова, не должно быть забыто. Эта сумма позволила отцу Адриану выполнить свой замысел. Разрешение на строительство было получено 19 мая 1895 года¹⁷⁶. Проект (за исключением верхнего яруса) был выполнен известным московским архитектором Александром Степановичем Каминским¹⁷⁷. Проект верхнего яруса выполнен московским архитектором Василием Михеевичем Бориним¹⁷⁸, он же непосредственно руководил и всеми работами на строительной площадке. На долгие годы этот человек станет большим другом Берлюковской обители, под его руководством будет выстроено еще немало сооружений. На металлической доске, укрепленной у основания этого грандиозного сооружения, начертана надпись: *«Начата сия колокольня постройкою 22 июня 1895 года. Закончена кирпичною кладкою благопоспешением Всечестного игумена Адриана с прочей братией на средства, пожертвованные Ф.Н.Самойловым, И.И. и А.И.Лялиными и благотворителями обители сия в 1899 году июля 30 дня»*. Эта металлическая доска уцелела до наших дней. Торжественная закладка колокольни состоялась 30 июля 1895 года, место строительства освятил Преосвященный Тихон епископ Дмитровский, викарий Московский с игуменом Адрианом и казначеем обители иеромонахом Варлаамом. К середине 1899 года каменные работы по возведению колокольни были завершены. 11 июня 1900 года состоялось торжественное освящение колокольни.

Сохранился документ, датируемый 1899 годом, со следующим описанием: *«В ограде пустыни, в 10 сажнях от соборного храма Христа Спасителя, на северо-восток, возвышается великолепная колокольня. Колокольня в плане представляет правильный крест, с четырьмя короткими концами. Стиль колокольни русский, с оригинальными фронтонами, арками и кокошниками, на выступающих сторонах каждого яруса. Высота 127 аршин 4 вершка, в окружности 102 аршина, в поперечине 26 аршин 4 вершка, каждая выступающая сторона 19 аршин 8 вершков. Колокольня состоит из четырех ярусов, купола с кокошниками, фонаря, главы и яблока с крестом... В нижнем 1-ом ярусе помещаются главныя входныя ворота, по сторонам которых с лицевой стороны, во впадинах, будут по-*

мещены изображения святых, а в противоположной стороне к собору две мраморные доски с надписями... Во втором ярусе будет помещаться большой колокол, «праздничный» весом тысячу двести пудов... В третьем ярусе предполагается поместить весь звон, состоящий из 15-ти колоколов, весом пятьсот пудов... В четвертом ярусе предполагается установить часовой звон из 6-ти колоколов весом сто пудов, циферблаты которых помещены между третьим и четвертым ярусами ¹⁷⁹... Колокольня по своей высоте занимает третье место среди других подобных сооружений в России, из которых первое место принадлежит Московско-Симоновской колокольне, высотой 142 аршина (колокольня Московского Симонова монастыря – не сохранилась, прим. автора), второе Киево-Печерской, высотой 138 аршин (колокольня Киево-Печерской Лавры, территория Украины, прим. автора), третье место Николаевской Берлюковской, высотой 127 аршин 4 вершка, четвертое Троице-Сергиевской, высотой 123 аршина (колокольня Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, прим. автора), пятое Велико-Ивановской, высотой 105 аршин (колокольня Ивана Великого в Московском Кремле, прим. автора). По оригинальности рисунка и стилю она занимает второе место после колокольни Ивана-Великого ... Колокольня, как и другие здания обители по своему положению, занимает одно из возвышений левого берега реки Вори, впадающей в Клязьму... С высоты четвертого яруса открывается взору зрителя чудная панорама на окрестности, покрытая густыми лесами, среди которых протекают Клязьма и Воря с виднеющимися селениями, Божиими храмами и г. Богородском, довершающими восхитительную картину родной русской природы. При ясной погоде вид открывается на 30 верст от зрителя; а в окружности до 250 верст» ¹⁰³. Колокольню венчал огромный крест: «красной меди весу 38 пудов, вызолоченный через огонь и высотой 12 аршин» ¹⁸⁰. Можно себе представить, как в великие праздники 1005-пудовый монастырский берлюковский «Большой» благовествовал другим церквям округи: «...Вслед за его басом раздавался бас 600-пудового колокола на гребневской церкви св. Николая Чудотворца, а затем свою роль начинали играть главные колокола других церквей – св. Николая в Здохове, Сергия Радонежского в Трубине, Спасской в Каблукове. И звенел воздух от этого многоголосого пения, добавляя к праздничному ощущению и соборное чувство общности» ¹⁸¹. Интересно для нас и непривычно, что в вышеприведенном описании колокольни 1899 года указываются фамилии не только главных лиц, но и самих исполнителей работ. Благодарно сохранены эти имена для нас с вами. Читаем: «Производители работ были: земляных П.Н.Доронин, каменных И.П. Притуманов и С.П.Петров, штукатурных Ф.И.Шубников, устройство дикарных лестниц И.А.Орлов, кузнечно-слесарных М.И. Лихущин, бронзовых и позолотных Я.И.Шувалов, десятник при постройке М.И.Крашенинников» ¹⁰³. Подвеской всех берлюковских колоколов занимались рабочие литейного завода Л.Н.Финляндского.

Теперь это самая высокая колокольня России (поскольку колокольня московского Симонова монастыря более, увы, не существует), высота ее без 8 метрового креста 91 метр. Колокольня Николаевского Берлюковского монастыря признана шедевром русской храмовой архитекту-

ры. Бесспорно, это самое примечательное сооружение пустыни. Игумен Адриан, близкий поэзии, сам писал духовные стихи. Берлюковской колокольне посвятил он такие поэтические строки: *«Красуйся и ликуй, Ты, Богом хранимая Берлюковская обитель, в тебе бо возсияет благолепная колокольня, с высоты которой возвестит в окрестные страны, звучный колокол своим благовестом, призовет православных сынов Церкви к Богослужению. Возведи окрест очи твои Берлюковская обитель и виждь что в тебе; церкви твои благолепныя, жилища твои покойны, трапеза твоя исполнена брашна, одежды твои добровидны и вот пришедша к тебе от запада благотворители твои. За это мы чада твоя должны в тебе славить Христа Спасителя во веки»*¹⁸⁰.

92

Вот как описывает Леонид Иванович Денисов свое посещение пустыни в 1896 году: *«На другой день нас радушно приветствовал у себя о. игумен обители Адриан, человек простой, весьма симпатичный, опытный в иноческой жизни, и обладающий сердечной отзывчивостью... Мирная и тихая обстановка жизни в пустыни, стройное истовое пение иноков, благоговейная неспешность и продолжительность службы, прелесть окружающих пустынь лесов, светлое обаяние царствующих в ней мира и покоя, надолго останутся в памяти каждого, посетившего ее хоть раз в жизни. Сюда не проникает тревога столичной жизни с ее лихорадочными и повседневными заботами. Окружающая пустынь безмолвно – прекрасная природа как бы неволью напоминает о Боге и приближает к Нему ее насельников»*¹⁸². Монастырь процветает и становится во главе крупных благотворительных проектов. За сугубые труды на благо Русской Церкви и Российского государства строитель Адриан отмечен был многими наградами. 30 октября 1881 года он награжден набедренником. В 1884 году о. Адриан получает письменную благодарность от Императора Александра III за серьезную финансовую поддержку строительных работ по сооружению у подножия Балканских гор мемориального комплекса для вечного поминовения воинов, павших в войне 1877 – 1878 годов. Обитель пожертвовала 500 рублей и 100 рублей лично настоятель о. Адриан¹⁶⁸. 3 апреля 1884 года о. Адриан получил личную письменную благодарность от Императрицы Марии Федоровны за постоянную помощь Николаевского Берлюковского монастыря «Обществу попечения о семействах убитых, раненых и потерявших здоровье на службе воинов». Обитель внесла 220 рублей на нужды этого общества, почетным попечителем которого была Императрица Мария Федровна, супруга Императора Александра III¹⁶⁸. В январе 1885 года о. Адриан откликнулся на новый призыв о помощи. В городе Верный Семиреченской области по указу Императора Александра III стал сооружаться храм при Верненском военном госпитале в память Царя-Освободителя Александра II и в утешение больных. Обитель перевела 250 рублей на это богоугодное дело. В 1890 году игумен Адриан награждается золотым наперсным крестом от Святейшего Синода. В 1897 году игумен Адриан награждается серебряной медалью на Александровской ленте в память почившего Императора Александра III. В декабре того же года он избирается почетным членом Богородского отделения Кирилло – Мефодиевского брат-

ства, учрежденного частными лицами с благословения Святейшего Синода. *«Члены братства ежегодными небольшими взносами, доступными весьма многим, собирают особый капитал, который они сами же и распределяют на просветительные нужды Московской Епархии. Кирилло – Мефодиевское братство, будучи основано в Москве, имеет и членов, главным образом, москвичей, членов из уездов в нем почти совсем нет, - между тем помощи от братства просят большею частью из уездов»*¹⁸³. Братство начинает свою деятельность с 1884 года и пользуется большой поддержкой Императора Александра III. Главная цель – воспитание и обучение народа, в особенности детей, в духе православия. Братство широко патронировало церковно-приходские школы. В уездах Московской губернии открываются его представительства. К началу 90-х годов XIX века в Богородске при Богоявленском соборе было зарегистрировано Богородское отделение этого братства под руководством протоиерея Константина Голубева, священномученика¹⁸⁴, который возглавлял его до самой революции. Отец Адриан был одним из самых активных членов Богородского филиала этого братства. 22 июня 1896 года о. Константин Голубев писал игумену Адриану: *«Считаем своим долгом выразить Вам за такое заботливое и ревностное отношение к Берлюковской школе свою глубокую благодарность»*¹⁶⁶.

93

В 1898 году о. Адриан становится почетным членом Православного Миссионерского общества св. равноапостольной Марии Магдалины и очень деятельно в нем участвует. Общество ставило своей целью просвещение нехристианских народов. Деятельность этой московской организации была направлена на Америку, Китай, Японию, государства Востока. Общество закупало для них книги, литературу, оплачивало работу наших православных миссий. Берлюковская пустынь постоянно проводила сборы денег для этого общества. Некоторые монахи также состояли в нем членами. В том же году о. Адриан становится и почетным членом Общества попечения о бедных и нуждающихся Святителя Николая Чудотворца.

Скончался о. Адриан 29 января 1902 года. В некрологе было написано: *«Во, вторник, 29 января, после продолжительной болезни скончался настоятель Берлюковской пустыни о. игумен Адриан... В четверг в пустынь прибыл благочинный монастырей о. архимандрит Валентин, который с многочисленным духовенством совершил литию, а затем гроб с прахом почившего был перенесен в теплый монастырский собор и здесь было совершено заупокойное всенощное бдение. Погребение тела почившего о. игумена было совершено при многочисленном стечении народа в пятницу, 1 февраля. После отпевания печальная процессия с хоругвями и иконами при печальном перезвоне колоколов направилась на монастырское кладбище возле главного собора, и здесь после литии гроб был опущен в приготовленную могилу»*¹⁸⁵.

Строитель Тимолай

Вскоре после смерти игумена Адриана настоятелем в Николаевскую Берлюковскую пустынь был назначен иеромонах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Тимолай, с возведением его в сан игумена, о чем последовал указ Святейшего Синода от 24 мая 1902 года. **Игумен Тимолай:** «...62 лет, в миру именовался Тимофей Ерин, из крестьян, постриг принял 5 марта 1878 года в Тихонов Задонском монастыре, посвящен в иеродиакона 20 сентября 1878 года, в иеромонаха 15 сентября 1880 года. Перемещен в Почаевскую Лавру 5 мая 1883 года, назначен духовником Почаевской Лавры и членом Духовного Собора 12 ноября 1885 года. Награжден набедренником 30 сентября 1886 года. Уволен с должности духовника и назначен счетчиком Лаврских ведомств 27 марта 1889 года. По собственному прошению перемещен в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру 27 августа 1890 года и назначен духовником Московской Духовной Академии 17 февраля 1896 года. Награжден наперсным крестом 6 мая 1900 года, и с этого года состоит в должности духовника уходящих богомольцев» - так написано в «Послужном списке настоятеля Николаевской Берлюковской пустыни за 1906 год игумена Тимолая»¹⁸⁶. При игумене Тимолае был построен **новый каменный настоятельский корпус** на высоком цоколе, рядом с северо-западной башней (1903 год), в обитель был проведен **водопровод**. Тогда же был возведен и **новый Казанский храм**. Старый храм, построенный век назад, пришел в полную непригодность и 20 июня 1907 года игумен Тимолай пишет следующее прошение на имя Преосвященного Трифона (Туркестанова) епископа Дмитровского, викария Московского: «...по отзыву Архитектора Борина, производившего осмотр означенного храма, он настолько весь сгнил, что дальнейшее его существование в таком состоянии, как сказано в акте осмотра, грозит опасностью во всякое время, почему храм этот необходимо немедленно разобрать, так как он еле держится на деревянных упорках, поставленных кругом здания. Вместо ветхого храма требуется поставить такой же новый, каковой мы предполагали бы устроить по тому же плану и также деревянный, на каменном фундаменте»^{186а}. В сентябре от Строительного отделения Московского Губернского Правления был получен положительный ответ. Новый храм был возведен на прежнем месте из вековых сосен по проекту архитектора Василия Михеевича Борина, того самого, который руководил строительством Берлюковской колокольни и освящен в честь Казанской иконы Божией Матери. На это торжество прибыл митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), будущий священномученик. 27 июня 1909 года на станции Щелково: «он был встречен иеромонахом Никодимом, и на монастырских лошадях отбыл в Берлюковскую пустынь. В 7 часов вечера начался благовест ко всеобщему бдению. По прибытии к храму, владыка был встречен настоятелем пустыни игуменом Тимолаем, благочинным монастырей архимандритом Валентином, благочинным города Богородска отцом Константином Голубевым, настоятелем Николаевского Пешношского монастыря Ювеналием, благочинным отцом

Холмогоровым, ключарем храма Христа Спасителя отцом Розановым. Лития была совершена вне храма. На величание выходило много духовенства в золотых муаровых облачениях. По прочтении Евангелия, владыка помазал богомольцев елеем. 28 июня в монастырских храмах были ранние Литургии. В 7 часов заблаговестили к поздней Литургии, а в 8 часов прибыл владыка. По освящении престола, владыка сказал глубокопрочувственное слово, в котором указал на добрую заботливость игумена Тимолая о доме Божием. Затем, упомянув о благодетелях храма, Он сказал: «Пусть не смущается ревнующий о благоуукрашении храмов, если услышит от нынешнего поколения слова против, не лучше ли деньги употребить на содержание больниц. Верующий человек знает, что храм совмещает все в себе: и больницу и странноприимницу... Торжественно-умилительное зрелище представляло обнесение мощей вокруг храма, окруженного столетними деревьями... Хоругвеносцы Щелковского Серафимовского общества в кафтанах несли большой фонарь и хоругви, за ними шел хор певчих Богородского Тихвинского храма, иеродиакон, иеромонахи, хор монастырских певчих. Далее следовали: запрестольный крест и храмовая икона, духовенство в золотых облачениях. Этот крестный ход возглавлял владыка со святыми мощами, поддерживаемый архимандритом Валентином и игуменом Тимолаем. По возвращении в храм, протодиаконом Розовым Константином ¹⁸⁷ было провозглашено установленное многолетие, и началась Литургия. По окончании Литургии жертвователям поднесли иконы Казанской Божией Матери, а народу роздали бесплатно книги о Берлюковской пустыни в память ее 300-летия, составленные Д.И.Введенским. Была предоставлена трапеза в большой монастырской трапезной, а богомольцам в малой и во дворе» ¹⁸⁸. Судьба этого храма в советские времена печальна. В 1947 году он был перевезен в деревню Мизиново и вплоть до 70-х годов в нем был сельский клуб. Затем здание, прекрасно сохранившееся, было выкуплено у администрации частным лицом, и в нем устроили баню.

95

Таким образом, к началу XX века окончательно сложился архитектурный ансамбль Николаевской Берлюковской пустыни. Общая площадь угодий монастыря составляла более 600 гектаров. При настоятеле игумене Тимолае было составлено наиболее подробное описание земель обители в 1905 году, написано в нем так: «под самим монастырем и возле него земли находится 95 десятин 516 кв. сажень, из коих 48 пожертвованы в 1872 году благотворительницей обители М.А.Охотниковой. В Богородском уезде близ села Стромьинь значится 306 десятин 1668 кв. сажень, в том числе дарованных от казны в 1858 году под названием Климовка-Поповка, 157 десятин 1580 кв. сажень, которые исходатайствовал из казенных лесных дач настоятель Парфений. Другая половина земель с лесом приобретена настоятелем Нилом. В том же уезде при сельце Кромлине (Кармолино) значится земли 130 десятин 1944 кв. сажень. Эти земли также приобретены игуменом Нилом в 1876 году. В том же уезде возле сельца Мизинова земли значится 34 десятины 2259 кв. сажень. В том же уезде в дачах села Хомутова по реке Клязьме рыбная ловля 22 де-

сятины 1200 кв. сажень. Дмитровского уезда Богословской волости при деревне Чахиреве в пустоши Бреховой сенокосной земли 6 десятин 2275 кв. сажень. Всего, вместе с усадебной монастырской землей, за Николаевской Берлюковской пустыню на ноябрь 1905 года значится 587 десятин 262 кв. сажень земельных угодий»¹⁸⁹.

96

Игумен Тимолай был дружен с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной. Под Высочайшим Покровительством Особого Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в стенах монастыря был создан и успешно работал **«лазарет по бесплатному размещению больных и раненых воинов»** русско-японской войны. Лазарет находился в старом игуменском и больничном корпусах при храме во имя Всех Святых. В лазарете проходили лечение воины (Трофим Дмитриевич Брунов, Михаил Матвеевич Мешков и Александр Иванович Самохвалов). Игумен Тимолай в рапорте в «Особый Комитет Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке» пишет, что готов принять восемь человек на полное обеспечение обители. Блестящая работа лазарета была впоследствии Высочайше оценена; в обитель был пожалован портрет Великой Княгини Елисаветы Феодоровны с собственноручной подписью Ее Высочества. В 1907 году игумен Тимолай пишет в комитет Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны: *«...считаю долгом сообщить на Ваше благоусмотрение о очень деятельном участии и человеколюбивых трудах с ранеными воинами при перевозке их, сопряженной с сложными хлопотами в дороге от города Москвы до Берлюковской пустыни, послушника оной Петра Григорьева Румянцева и Богородского уезда старшего полицейского урядника Ивана Иванова Козлова, о которых мне лично от раненых очень часто приходилось слышать самые восторженные похвалы и благодарности. Румянцев и Козлов согласно Вашего отношения изъявили смиренное желание иметь в память портрет Ея Императорского Высочества»*¹⁹⁰.

При игумене Тимолае в Николаевской Берлюковской пустыни в 1907 году начал свой монашеский путь преподобномученик Иоасаф (в миру Иван Васильевич Боев). Здесь в обители, через 5 лет, 23 июня 1912 года, послушника Ивана Боева постригли в монашество с именем Иоасаф. В 1914 году перешел в братство Саввинского Сторожевского монастыря. Окончил он свой земной путь архимандритом. 5 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Архимандрит Иоасаф (Боев) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Однако близилось уже время испытаний. При настоятеле Тимолае произошло первое столкновение с нарождающейся богоборческой властью. В январе 1906 года в рапорте на имя Преосвященного Трифона, епископа Дмитровского, отец настоятель рассказывает об этом так: *«Перед праздником Рождества Христова Анискинская боевая дружина (революционеры) во всеоружии с красным флагом в числе 300 человек проследовала близ пустыни к шелковой фа-*

брике братьев Соловьевых с требованием прекращения работ...вскоре возвращаясь обратно и проходя мимо обители подошли к запертым воротам монастыря и вызывали меня или казначея для переговоров, но этого им сделать не удалось; на угрозу силой сломать ворота никто им не ответил и они, не много постоявши, возвратились вспять»¹⁹¹. Во втором обращении к Преосвященному Трифону игумен Тимолай просит освободить монастырь от денежной помощи Москве, пострадавшей от беспорядков 1905 года: «...ввиду революционного движения в Богородском уезде и особенно в Осеевской и Гребневской волостях»¹⁹¹, считая, что обитель в такие моменты должна больше жертвовать своей округе, однако все равно передает столице 1800 рублей. Монастырь открывает все свои закрома, предоставляя окрестным жителям продовольственные запасы, а в странноприимной кормят всех приходящих обедами два раза в день бесплатно.

Вскоре игумен Тимолай был переведен в Свято-Успенскую Почаевскую Лавру¹⁷⁵. 19 октября 1909 года он сдал монастырское имущество иеромонаху Петру (Орлову), в присутствии благочинного монастырей Московской епархии архимандрита Валентина и духовника пустыни иеромонаха Тимона (Квитко).

97

Век XX

Архимандрит Петр

Страшные испытания, выпавшие нашему Отечеству в начале XX века, суждено было пройти Берлюкам с двумя последними настоятелями: архимандритом Петром (Орловым) и игуменом Ксенофонтом (Косенковым).

Сразу после получения указа о переводе игумена Тимолая в Почаевскую Лавру, берлюковская братия пишет прошение на имя благочинного монастырей Московской епархии архимандрита Валентина о своем желании видеть настоятелем Берлюков **иеромонаха Петра (Орлова)** (годы настоятельства: 1909-1923). Такое было только еще раз в истории Берлюковской пустыни, когда в 1865 году братия также единогласно просила Святейший Синод об избрании своим настоятелем иеромонаха Исаяи (Морозова). Как и тогда, просьба была удовлетворена на всех инстанциях. И монастырская братия не ошиблась в своем выборе. В самые трудные годы монастырь возглавил человек неиссякаемой энергии, большого ума, высоких идеалов, и, главное, обладавший отзывчивым и любвеобильным сердцем. Его любили все – и братия, и рабочие. Время его настоятельства пришлось на Первую мировую войну и октябрьский переворот. И именно в такое время раскрылся талант милосердия и благотворительности отца настоятеля, который смог своей любовью покрыть множество тяжелейших проблем.

Павел Иванович Орлов родился в 1867 году в Тамбовской губернии. В 1889 году он пришел в Николаевскую Берлюковскую пустынь и был принят на испытание. 21 января 1893 года настоятель игумен Адриан (Разживин) принимает решение о зачислении Павла Орлова в качестве послушника в обитель и пишет в Московскую Духовную Консисторию прошение: «Тамбовской губернии, Темниковского уезда, Преображенской волости, деревни Еромчино Павлу Иванову Орлову, в том, что он Орлов проживает в сей пустыни более трех лет, по хорошему и усердному поведению, заслуживающему пострижения в монашество, и на пострижение я настоятель согласен»^{191а}. Павел Иванович Орлов был зачислен в братию монастыря 4 сентября 1893 года, а 2 августа 1899 года пострижен в монашество с именем Петр¹⁹². Начиная с 1893 и до самой кончины настоятеля о. Адриана в 1902 году, он станет самым ближайшим его помощником. С 1893 года по 1901 год исполнял послушание келаря. Монах Петр 8 сентября 1900 года был рукоположен в сан иеродиакона, а 7 марта 1904 года в сан иеромонаха. 30 ноября 1909 года иеромонах Петр, по благословению Святейшего Синода, становится исполняющим обязанности настоятеля Николаевской Берлюковской пустыни.

К началу правления настоятеля Петра (Орлова) полностью сложился архитектурный ансамбль Николаевской Берлюковской пустыни и его планировочная схема. В центре - сама обитель, заключенная в монастырских стенах (прямоугольное пространство 55 на 62 сажени). К северо-востоку от монастырских стен, на берегу монастырского озера, располагался мощный хозяйственно - гостиничный комплекс, включавший четыре гостиницы (таков был поток богомольцев, шедших в обитель поклониться святой чудотворной иконе). Гостиницы располагались у въездной дороги со стороны Стромьинского тракта. Рядом были расположены продуктовый магазин и монастырская лавка для богомольцев, а также деревянная часовня во имя Святителя Николая Чудотворца (на месте нынешней автобусной остановки у монастыря) для проезжающих мимо путников. Тут же на центральной площади у монастыря с конца XIX века в дни празднования чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудю» стали проходить ежегодные ярмарки, весьма оживленные и посещаемые, пользовавшиеся большой популярностью не только у местного населения. Недалеко от гостиницы располагалось деревянное здание монастырского училища и древний монастырский источник во имя Святителя Николая Чудотворца (ныне существующий) с большой деревянной часовней над ним. Старый и новый конный дворы и скотный двор стояли отдельно и имели свои внутренние дворы. Монастырь определил старый конный двор и кузницу специально для обслуживания богомольцев, множество которых постоянно находилось в монастыре. Как для проживающих долго, так и для проходящих и проезжающих богомольцев требовался «конный парк», «гараж» для их obsługi. Восточнее были расположены новый конный и скотный дворы - для собственных нужд монастыря. Помимо этого были еще странноприимный дом, сторожка для охраны, сарай для сена, сарай для дров, каменный телятник, каменная сушилка для белья, каменная кузница с кирпичными горнами, каменная кухня для богомольцев, погреб и дома для

огородников и скотников. На юго-западной стороне, в лесу, располагался пещерный скит во имя Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (два храма, два братских корпуса, часовня, святой источник берлюковского старца Макария и большое монастырское кладбище).

В августе 1910 года было произведено подробное описание всего имущественного монастыря, находящегося за его пределами, с целью проведения страхования построек от различных бедствий. Эти описи позволяют нам детально представить картину владений обители. Были описаны и застрахованы строения в сельце Спасское-Кармолино (два деревянных на каменном фундаменте дома и хозяйственные постройки), часовни в Мизиново, Шалово, Псарьки, две часовни в Москве. В Москве пустыни также принадлежали и другие строения: пять домов, два сарая и каменная лавка на Таганской площади *«снаружи и внутри оштукатурена, покрыта железом, длиною 21 аршин, шириною 7 аршин, высотой 4 аршина»*¹⁹³. Единственной крупной постройкой монастыря за время настоятельства о. Петра, стала новая каменная часовня в Москве на Немецком рынке при пересечении улиц Ирнинская и Ладожская по проекту московского архитектора И.Ф.Мейснера. Строительство этой часовни обошлось монастырю в 3.040 рублей 70 коп. Прежняя часовня сильно пострадала во время сильной бури, и в марте 1914 года иеромонах Петр направил прошение с просьбой перестроить часовню во имя святителя Николая Чудотворца.

99

Таким образом, в начале XX века Николаевская Берлюковская пустынь представляла собой богатейший образцовый монастырь с крепкими строениями, богато украшенный, имевший два подворья в Москве и, в общей сложности, около 600 десятин земли (ок. 600 га). Пустынь имела огромное и прекрасно отлаженное хозяйство. Это была целая культура садов и огородов монастырских - культура Берлюковского изобилия. Большая часть произведенного шла нуждающимся. Отец Петр развернул невиданную по своим масштабам благотворительную деятельность, опередившую своим размахом в финансовом плане даже Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. И чем больше монастырь отдавал людям, тем больше произрастало вновь! Это была целая культура дарения. Ежедневно пустынь предлагала бесплатные обеды всем прихожанам. Проживание в гостинице и странноприимном доме также были бесплатные. Приходило в обитель много людей из соседних селений просить подаяний (муки, зерна, овса, хлеба, овощей) и они не уходили неутешенными. Помогала Николаевская Берлюковская пустынь и другим монастырям. Все это обитель делала из года в год, целенаправленно и планомерно. Традиционно Русская Православная Церковь всегда брала на себя обязательства перед обществом, которые называют теперь социальной работой. В 1910 году вышел указ Святейшего Синода, призвавший монастыри к решению проблем, связанных с детской преступностью. 14 июля 1910 года вследствие указа Святейшего Синода в обитель на исправление прибыли первые малолетние преступники: Александр Щипачев и Ермил Муравьев¹⁹⁴. Частыми гостями Берлюковской обители становятся дети из неблагополучных семей и всевозможных приютов, нуждающиеся в духовной помощи.

В связи с этим указом иеромонах Петр пишет письменный отзыв на имя благочинного монастырей архимандрита Валентина, в котором говорит о тяжелом положении в народной среде, о разрушении устоев и падении нравов, о тяжелой миссионерской деятельности монастыря, который находится: *«...в центре фабричного региона, людей весьма часто небезукоризненной нравственности, в корне поколебавших традиционные устои предков, в вопросах веры и нравственности, стремящихся следовать духу времени, вследствие одного примыкать к разным партиям, как-то: социалистических и других, воздвигающих гонения на обитель, каковое и было 11 декабря 1905 года в лице ближайшей с монастырем фабрики Четверикова, численностью более 500 человек, шедших с орудиями, с грубою целью, разрушить до основания стены обители...»*¹⁹⁴ (вспоминается эпизод с бесчинствами у стен обители, о котором докладывал игумен Тимолай). Далее отец Петр, рассуждая о том, как, по его мнению, должно происходить «лечение» малолетних преступников, напишет пророческие строки: *«Для перевоспитания таковых требуется основать нравственное взаимное отношение; требуется талантливый педагогический такт, в противном же случае иначе действовать нравственно на молодежь невозможно, если не приобретешь полного доверия. Вера, доверие сильного духа к брату человеку является могучим рычагом, который поднимает слабого человека, до высоты зрелого. В заключение, взглянув в глаза истине, предвижу, когда холодом ужаса обдает душу, видя роковой распад и утрату христианской жизни. Видя, что опасность слишком велика, слишком сурова, что приходится вести сильнейшую борьбу за лучшее будущее. Руководимый желанием делать добро на пользу ближнего, стараясь с должным уважением к будущему, творить то, чтобы видеть в каждом человеке друга и брата, а не преступника, с полной готовностью внесу на это, по выражение закона, Богоугодное и общепольное дело, по мере своих материальных средств в общую урну посильную лепту. Я осмеливаюсь высказать, что имею желание – высшее самопожертвование жаждущего напоить нравственным знанием, научить глаголам вечной Правды, зажечь свет там, где царил тьма, пробудить желание познать добро и отлучиться от зла»*¹⁹⁴.

Николаевская Берлюковская обитель принимала деятельное участие в **борьбе с пьянством** - большой бедой России. Монастырь стал духовной больницей для многих, кто здесь совершенно бесплатно проживал и лечился. Много сделали на этом поприще настоятели Венедикт, Адриан, Тимолай и Петр. Опыт духовного врачевания пьянства был у них огромный. Игумен Петр - почетный член Богородского общества трезвости. Большое попечение имела пустынь **о церковно-приходских школах**. Как уже отмечалось, школа Берлюковской пустыни была признана лучшей в Богородском уезде, она находилась на полном содержании обители. Многие монашествующие, трудившиеся на ниве образования, были отмечены наградами. Всегда русские монастыри были причастны и к устройению **инвалидных домов** для старых солдат, Берлюковская пустынь не была исключением. Как мы уже знаем, в окормлении у монастыря были и московские больницы для бедных и рабочих. В обители также постоянно находились

люди, подлежавшие исправлению по церковному суду. В Берлюковскую пустынь постоянно приезжают группы паломников из различных приютов и обществ. Есть письма от их руководителей, священников, полные слов благодарности за радушный прием, оказанный в обители. Икона «Лобзание Иисуса Христа Иудой» становится все более известной, почитание ее растет, количество паломников постоянно увеличивается. Каждый настоятель, начиная с о. Венедикта, вынужден был постоянно думать об увеличении площади гостиницы и странноприимных домов. Всем паломникам предлагается ночлег, трапеза и чай с угощениями. В 1912 году рассматривался проект строительства трамвайных путей длиной 17 км от Богородска (нынешнего Ногинска) до Николаевской Берлюковской обители – так велико было число желающих поклониться этой святыне. Помешала этому проекту война.

В годы настоятельства игумена Петра продолжают совершаться знаменитые берлюковские крестные ходы с чудотворной иконой Спасителя. Тогда в московской губернии признавались самыми многолюдными три крестных хода: из Лавры, из Угрешского монастыря и из Берлюковской пустыни. Вот как описывает один из крестных ходов с иконой житель Богородска Федор Куприянов: *«Осенью, недели за две до Покрова, в город Богородск приносили чудотворную икону «Лобзание Иисуса Христа Иудой» из Берлюковской пустыни. Икону встречали торжественно. На дворе было сыро, слякоть. Но все, и даже мы, малыши, пошли за мост встречать Спасителя. Было часа три дня. На дамбе, по которой несли икону, грязь была жидкая на четверть, и меня поразило, что множество народу шло по ней, как посуху. Мы далеко не ходили, а примостились на сухом бугорке. Из Богоявленского собора вышли встречать священники в сопровождении хоругвей. Икону Спасителя несли на специальных носилках восемь человек. Образ возвышался над толпой, сверкал ризой и камнями и как бы возвышался над темным людским морем. Такого образа как Берлюковский Спаситель, я больше нигде не встречал: в середине идет Спаситель, по бокам два воина, и на ходу Его целует Иуда. Образ оставался в городе на несколько дней. Его носили по домам служить молебны...»*¹⁹⁵. А вот описание Крестного хода 1912 года, оставленное нам его непосредственным участником, позволяющее составить впечатление о грандиозности этого события: *«...паломники в количестве 2000 человек прибыли в Берлюковскую обитель, где их встретила братия монастыря с крестным ходом при торжественном колокольном звоне; навстречу выходил настоятель монастыря иеромонах о. Петр»*¹⁹⁶. Можно представить себе величественную картину этого шествия, когда человеческая река, состоящая из 2000 паломников, с пением, иконами и хоругвями вливается под звон колоколов в святые врата Николаевской Берлюковской обители.

24 марта 1910 года иеромонах Петр был награжден набедренником, а 21 февраля 1913 года медалью в память 300-летия Дома Романовых, 9 марта 1913 года утверждён настоятелем Берлюковской пустыни, а 20 мая 1914 года возведен в сан игумена. В начале XX века пустынь процветает.

К 1914 году в монастыре подвизается 47 монахов (в 1849 году их было 43, в 1859 – 59, в 1871 – 42, в 1898 - 36). Так жила и трудилась обитель, когда пришла беда - в 1914 года началась Первая Мировая война. С неимоверной быстротой увеличивалось людское горе, страна напрягала все свои силы в борьбе с очень сильным врагом. Беженцы, хлебнувшие много горя, потерявшие свои дома и сбережения, дети, оставшиеся без родителей, раненые и изувеченные воины, люди, прошедшие все ужасы войны. В обитель приходило множество писем с просьбами, прошениями, мольбой о помощи. Практически каждый день в пустыни регистрировались в журналах входящих бумаг такие прошения. И каждый день приходили указы от благочинного монастырей с указаниями кому надо оказать помощь. Приходили воззвания и обращения от различных обществ, с просьбами внести свою лепту. Одно лишь перечисление этих обществ может занять целую тетрадь. Это Всероссийское общество Красного креста, Марфо-Мариинская обитель милосердия в Москве, Общество помощи слепым, Общество спасения на водах, Всероссийский Земский союз, Московское святителя Алексия братство призрения и воспитания бесприютных и нравственно покинутых детей, Богородский уездный комитет попечительства о тюрьмах и многие другие. Монастырь постоянно оказывает помощь фронту. Сотнями пудов закупается зерно, овес и отправляется на фронт. Например, 5 мая 1916 года монастырь оплатил покупку 4900 пудов овса по цене 2 рубля 40 коп. за один пуд и через Щелковскую группу Богородского уездного военно-промышленного комитета отправил на фронт. Оплачиваются огромные партии медикаментов, закупаемые у К.И.Феррейна для нужд армии. На средства монастыря был построен аэроплан и отправлен на фронт. С первых дней войны, обитель ежедневно отправляет на станцию Щелково подводы с молоком для рабочих, трудившихся для нужд фронта. Русской армии потребовалось большое количество священнослужителей, практически из всех монастырей призывались иеромонахи для окормления солдат на передовой, в госпиталях и полевых лазаретах.

Самым первым обитель покинул иеромонах Серафим (Сергей Иванович Стрельников). Родился он 23 сентября 1873 года в пригородной Кузнецкой слободе города Лебедянь Тамбовской губернии в семье потомственного кузнеца. В июне 1897 года 25-летний Сергей Стрельников пришел в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, и подал прошение о принятии его в братство, где и оставался до 1899 года на испытании. В 1902 году принят послушником в Николаевскую Берлюковскую пустынь, в 1904 – пострижен в монашество с именем Серафим, в 1905 – иеродиакон, в 1907 – иеромонах. Он ушел на фронт 22 июля 1914 года полковым священником в 219 Котельнический пехотный полк ¹⁹⁷, входивший в 55 пехотную дивизию, воевавшую на Западном фронте, при обороне Варшавы от немецкой армии генерала Макензена 55 дивизия и полк подвергся первой на той войне газобаллонной атаке. С самого начала о. Серафим начал писать письма в монастырь настоятелю игумену Петру. Эти письма сохранились до наших дней в фондах Центрального исторического архива Москвы. Он прошел со своим полком всю войну: исповедовал и причащал солдат,

плечом к плечу с ними сражался в бою с крестом в руках, ходил по землянкам и окопам, укрепляя свою паству, замерзал в снегах, форсировал топкие болота, хоронил убитых. Отца Серафима солдаты называли «*боевой батюшка*». Честное исполнение им своего священнического долга, бесстрашие и любовь к солдатам, нашли заслуженную награду – ордена Святой Анны 2 и 3 степени с Мечами, орден Святого равноапостольного князя Владимира 4 степени с Мечами¹⁹⁸. С 1855 года знаки орденов, вручаемых в Российской империи за военные подвиги, дополняются перекрещенными мечами (исключением был орден Св. Георгия, который, по определению, был военной наградой). После этой третьей награды о. Серафим напишет в письме отцу Петру: «Я не щадя своей жизни долг исполняю. За это и наградили. И я Господа благодарю и очень рад, что такой орден получил. О чем и вы, дорогой Батюшка, порадитесь, что Ваша Святая обитель за Царя и Родину героя имеют! И варвара немца я не страшусь – Бог с нами! 19 февраля я ходил по передовым позициям, служил молебны, кропил Святой водой и Кресту прикладывал солдатиков. Они очень рады были. Фронт наш три версты по линии. Когда ходил – троих в 3 роте ранило шрапнелью при мне. А рот всего надо обойти шестнадцать. Смотрел в бойницах как немцы ходят по окопам. От наших окопов отделяет 80 шагов. Четвертую неделю я приобщаю солдатиков по одной или две роты в день. И потом меня просил начальник дивизии причастить 1000 человек, своих солдатиков около 4000 человек, нас недавно молодыми пополнили. Дел очень много, утомился. Останусь в живых – буду очень рад Вас видеть, а убьют меня – то тело пришлют в монастырь. До свидания – слуга Ваш, Царя и Родины Иеромонах Серафим»¹⁹⁹. Вернулся он в Берлюковскую обитель в 1918 году, с 1920 года – настоятель берлюковского подворья в Москве в часовне Св. Николая Чудотворца у Большого Каменного моста, а после его закрытия на приходе Московской области в селе Якшино Коломенского района в храме во имя святителя Василия Великого, где был возведен в сан игумена. Последнее место его служения – настоятель храма Св. Николая Чудотворца села Городец Коломенского района Московской области (храм был разрушен богоборческой властью в 1948 году, сейчас идет его восстановление). В этот период жизни духовным наставником о. Серафима, предположительно, являлся священноисповедник, епископ Коломенский и Бронницкий Феодосий (Ганицкий)²⁰⁰. 28 октября 1930 года игумен Серафим был арестован по обвинению в антисоветской агитации (ст.58 п.10 УК РФ) в церкви Святителя Николая Чудотворца, в древнем селе Городце. Вместе с ним были арестованы местный житель Иван Васильевич Маркин и председатель приходского церковного совета Николай Федорович Страхов. Все трое были помещены в Коломенскую тюрьму (Коломдомзак).

Из материалов следствия²⁰¹: «*Страхов – церковник – кулак, Стрельников – священник – среди верующих проводят злостную агитацию против колхоза, самообложения и займов с предсказанием свержения советской власти. В результате Маркин, кузнец – кустарь и другие сознательно травили колхозные стога, а когда к ним применялись административные меры, наносили ряд угроз с призывом учинения самосуда над колхозни-*

ками. Священник Стрельников всю свою антисоветскую деятельность проводил через Страхова и говорил, что колхозы, кроме разорения, ничего крестьянам не дадут и вступать в таковые никто не будет... Кроме того, внушал крестьянам, что советская власть налогами всех задушила, придумала еще самообложение, чтобы вытянуть с мужика побольше средств». 22 ноября 1930 года Коломенское городское отделение ОГПУ выносит постановление передать дело в Особое Совецание при Коллегии ОГПУ, а 1 декабря 1930 года прокурор Коломенского района Московской области утверждает обвинительный приговор. А теперь обратим внимание на один строго засекреченный документ от 29 декабря 1930 года, находящийся в следственном деле: «Мы требовали установить церковную ориентацию попа Стрельникова и связанный с ним антисоветский элемент, то есть также данные, отсутствие которых почти совершенно обесценивает дело. При чем, если принять во внимание, что у вас была тенденция пришить к этому делу 73-летнего старика Страхова и середняка Маркина, имеющего семерых детей, то наши указания, казалось бы, должны были помочь вам исправить допущенные ошибки. Вместо этого вы ограничились только освобождением из-под стражи Страхова и Маркина и отпиской, что добыть какие-либо материалы не представляется возможным. По нашему мнению, установить церковную ориентацию попа для вас дело вполне возможное, а ваше утверждение, что поп Стрельников за 7 месяцев служения ни с кем связей не имел, совершенно не обосновано. Исходя из этого, просим в возможно короткий срок (4-5 дней), полностью исполнить наш номер 45377»²⁰¹. В комментариях такой документ не нуждается. 12 января 1931 года игумен Серафим (Стрельников) приговорен тройкой при ПП ОГПУ МО к заключению в концлагерь на три года и дальнейшая его судьба пока не известна.

26 октября 1915 года в действующую армию отправился иеромонах Аристоклий (Алексей Иванович Ключарев). Родился в 1871 году, в 1901 году принял постриг в Николаевской Берлюковской пустыни, в 1905 – иеродиакон, в 1911 - иеромонах. Служил в лазарете 111 пехотной дивизии, награжден золотым наперсным крестом. В 1918 году вернулся в обитель, был награжден набедренником. Проживал на территории обители до 1930 года. В один день с отцом Аристоклием отправился на фронт и иеромонах Нифонт (Николай Иванович Квардаков). Родился в 1862 году. В 1900 году принял постриг в Николаевской Берлюковской пустыни, в 1903 – иеродиакон, в 1907 - иеромонах. Служил в лазарете 124 пехотной дивизии, награжден орденом Святой Анны III степени с Мечами. Вернулся в обитель в 1918 году. Дальнейшая судьба неизвестна. 27 октября 1916 года отправился в действующую армию последний насельник монастыря - иеромонах Никодим (Волков). Он служил в 459-м военно-полевом подвижном госпитале в Бердичеве в распоряжении у главного священника Юго-Западного фронта.

О полковых священниках написано много, известна их необыкновенная самоотверженность, бесстрашие и воодушевленность. Сам Император Николай II удивлялся их героизму: «Я никогда не слышал ничего подобно-

го о работе духовенства. Отовсюду слышу самые восторженные отзывы о нем». Даже Верховнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, человек весьма сдержанный и не расточавший лишних похвал, заметил однажды: «Нам нужно поклониться в ноги военному духовенству за поддержку, какую оно оказывает нам в тяжелую годину войны»²⁰². Епископ Верейский Модест, отправляя в 1915 году на фронт состав с пасхальными подарками, говорил: «русское священство сняло с себя нателный крест и надело его на русское воинство. ...Скажите им, что Россия не оставит их семьи, их дети и сироты будут родными детьми народа, который даст им воспитание и образование, согреет их лаской и любовью! Христос Воскресе!»²⁰³.

Послушники, трудовые и мастерские также отправились в действующую армию: Василий Алексеевич Касаткин, Иван Петрович Родин, Иван Матвеевич Прошин, Василий Андреевич Цаплев, Георгий Григорьевич Шамраев, Григорий Архипович Аверьянов, Александр Федорович Федоров, Дмитрий Георгиевич Щепакин, Максим Иванович Пазюк и Петр Максимович Соболюк, Иван Никитич Сеницын. С честью пронесут эти люди через все военные годы наставления своего настоятеля. И все они будут писать письма домой, в родную обитель, просить не оставлять родственников, просить денег и даже просить воспитывать их детей, будут писать, будучи полностью уверены, что никто и ничто не останется без внимания о. Петра. Верили ему люди, потому и просили. Писали как отцу, с надеждою на тепло, поддержку и одобрение. И всем будет отвечать игумен Петр, зная как им трудно, будет писать духовные письма, ободряя, утешая, будет посылать посылочки с чаем, сахаром и теплым бельем, валенками и всегда с деньгами, прося раздавать всем нуждающимся.

105

16 января 1918 года был подписан приказ о расформировании всех управлений армейского духовенства и увольнении военных священников со службы из армии. В обитель возвращаются с фронтов и из госпиталей иеромонахи Серафим, Аристоклий, Михаил, Нифонт, Никодим и Амвросий. Прошедшие всю войну, имеющие множество наград, медалей, грамот и благодарностей, они значительно укрепили братию в это сложное время. Время это было трудное и для страны и для обители. Оно требовало от настоятеля огромной воли, энергии и силы духа. Отец Петр всем этим обладал. Все лучшее, все таланты игумена Петра раскрылись в это тяжелое время. За большие заслуги обители в деле помощи фронту игумен Петр был награжден в 1916 году золотым наперсным крестом²⁰⁴.

1917 год. В феврале произошел демократический бунт, свергший династию Романовых, осенью к власти пришли богоборцы, и вот уже с самых первых своих декретов советская власть начинает наступление на Русскую Православную Церковь. Декрет о земле лишает Церковь земельных наделов, национализация банков влечет за собой потерю хранившихся там церковных вкладов, декларация прав народов России упразднила все привилегии Православной Церкви, выходят декре-

ты о передаче всей системы образования в ведение Наркомпроса, а регистрация актов рождения, смерти и брака передается в ведение государства. Выходит распоряжение об отмене всех выплат, субсидий и дотаций на содержание церквей, священнослужителей и преподавателей Закона Божия. Закрываются храмы, церковное имущество конфисковывается, прекращается выпуск всех церковных печатных изданий. Наступает эпоха гонений на Церковь. Страшная атмосфера всеобщего отречения, измены и предательства, люди, вовлеченные в расправу над Церковью, над своим народом, над своей страной - духовная и историческая катастрофа. Аресты духовенства, мирян, ритуальные и зверские убийства епископов, настоятелей монастырей и пастырей. Расстреливали целыми группами, топили в озерах и реках, кололи глаза, резали уши, прибивали гвоздями к иконостасам, закапывали живыми в землю, кидали в шахты и избивали до смерти и прилюдно. Многие из этих показательных процессов, изуверств, пыток и убийств абсолютно никак не фиксировались. Православная Русь, жившая во Христе, встретила лицом к лицу со злом. В ответ игумен Петр поднимает многолюдные крестные ходы с чудотворной иконой «Лобзание Иисуса Христа Иудой» и древней монастырской иконой «Святитель Николай Чудотворец». В июле 1918 года - крестный ход (около 1000 человек) движется в Павловский Посад, по дороге везде служатся молебны. В октябре - второй крестный ход в Богородск. Икона «Святителя Николая Чудотворца» движется на прекрасной коляске, купленной специально для нее семьей Ольховых из деревни Авдотьино, икона «Лобзание Иисуса Христа Иудой» несетя все время на руках до города. В апреле 1919 года - третий крестный ход в Павловский Посад и все окружающие селения. Еще один крайне важный шаг - настоятель принимает решение о служении Божественной Литургии одновременно во всех храмах монастыря.

19 января 1918 года Святейший Патриарх Тихон в своем Послании призывает создавать «духовные союзы» из прихожан и богомольцев и особо надежных сторонников для ведения миссионерской работы, а при опасности захвата церковного имущества члены союзов должны были встать на его защиту. Игумен Петр организывает при Берлюковском монастыре инициативную группу из прихожан деревни Авдотьино. Возглавили эту группу местные жители и поборники веры отцов, и дедов - Григорий Афанасьевич Ольхов и его дядя Петр Иванович Ольхов. Мы должны постараться понять, какой силой Духа надо было обладать, чтобы в столь тяжелое время принять на себя эту ношу! В начале 1919 года, понимая, что обитель может быть закрыта, о. Петр направляет иеромонахов Нифонта и Палладия в Москву на Берлюковское подворье (часовню Николая Чудотворца у Большого Каменного моста) для проповеднической деятельности. Отец настоятель питал надежду, что люди одумаются и покаются в своих грехах.

21 марта 1919 года исполком Богородского совета рабочих и крестьянских депутатов принимает постановление о передаче Берлюковской пустыни «со всем инвентарем и с 12 десятинами земли в распоряжение

отдела социального обеспечения для устройства детской колонии»²⁰⁵. Однако устройство колонии у властей не получилось, и вскоре стал рассматриваться вопрос об устройении в обители инвалидного дома для красных воинов и их семей. Советская власть собирается выселять монахов из обители, а игумен Петр в октябре 1919 года вновь поднимает крестный ход с чудотворной иконой «Лобзание Иисуса Христа Иудой» в селение Купавна, в нем принимает участие до 900 человек. В ноябре и декабре икона посещает город Богородск и все прилегающие окрестности. В 1920 году обрывается традиция Берлюковских крестных ходов. Последний крестный ход Берлюковской братии был совершен в город Павловский Посад и все его окрестности, он начался в январе и продолжался до февраля. В 1920 году постановлением Президиума Уисполкома Богородского уездного совета братии Берлюковской пустыни оставили только настоятельский корпус с храмом во имя Всех Святых. Все строения монастыря передаются инвалидному дому № 4 для красных воинов и их семей. В храме во имя Василия Великого был устроен клуб, отданный организации «Мособлстрахкасса». Храм Христа Спасителя удалось зарегистрировать как приходской храм деревни Авдотьино. Председателем приходского совета храма стал Григорий Афанасьевич Ольхов. Все остальные строения обители были отданы инвалидному дому.

26 марта 1921 года на подворье у Большого Каменного моста государственными чиновниками была произведена опись всех ценностей, проживающими на подворье были указаны иеромонах Нифонт (Квардаков), иеромонах Палладий (Величкин) и монах Нектарий (Стрельников), подпись под документом поставил настоятель подворья игумен Серафим (Стрельников). Окончательно подворье было закрыто 5 января 1923 года. 18 марта 1921 года были также описаны все ценности и на втором Берлюковском подворье в Москве - часовне Святителя Николая Чудотворца на Немецком рынке. Документы подписал настоятель подворья иеромонах Вениамин (Зегер).

16 февраля 1922 года ВЦИК одобрил декрет, предписывающий в месячный срок изъять из имущества храмов и монастырей все: «драгоценные предметы из золота, серебра и камней»²⁰⁶ и передать в органы Наркомфина. Изъятия должны были осуществить специальные губернские комиссии и созданные в январе 1922 года комиссии по учету и сосредоточению ценностей. 11 марта 1922 года Политбюро ЦК принимает решение о создании особой ударной московской комиссии, для проведения изъятия на Московской земле, где были сосредоточены огромные духовные богатства, накопленные веками русским народом. Понимая, какие ценности должны попасть в их руки, 10 марта 1922 года руководитель внешнеторгового ведомства Л. Красин обратился со служебной запиской к Ленину и Троицкому. Он предлагал создать специальный синдикат по реализации в Западной Европе российских сокровищ: «*ибо спонтанный выброс на рынки больших партий драгоценностей мог даже привести к падению мировых цен на золото, серебро и особенно на алмазы*»²⁰⁷. В результате на 1 декабря 1922 года было изъято ценностей

на 10,7 млн. рублей золотом ²⁰⁸. Не обошла своим «вниманием» советская власть и Берлюковскую обитель. 25 апреля 1922 года в монастырь прибыла уездная богородская комиссия с представителями милиции для изъятия церковных ценностей. Во главе комиссии были товарищи Кудрявцев, Родин и Барышов. Документы об изъятии от имени общины верующих подписал настоятель архимандрит Петр (в то время уже архимандрит). Подписывая этот документ, отец архимандрит Петр выразил свое категорическое несогласие: «с *нетактичным поведением представителей комиссии в обители во время ее работы со святынями*»²⁰⁹. Можно себе представить с каким хамством пришлось столкнуться 63-летнему отцу настоятелю. Всего было изъято вещей по весу: 9 пудов 4 фунта 51 золотник (около 150 кг): серебро, частью серебро с камнями, серебряные ризы, драгоценные камни, среди которых особо описаны бриллианты (всего 11 камней), указан один особо крупный бриллиант, 2 бриллиантовые броши, множество жемчуга, хризолиты, все серебряные оклады, серебряные напрестольные кресты, оклады богослужебных книг и многое другое. В этой описи упомянута и риза с чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудюю». Это последнее официальное упоминание об иконе, в числе других многочисленных монастырских святынь риза с иконы была снята и увезена в «Гохран». Сама икона исчезла. Этот поступок о. Петра – последнее, что мы о нем знаем. Безбожные новые власти это не могло не раздражать, а новых жителей обители – инвалидов революции просто выводило из себя. Дальнейшая его судьба архимандрита Петра (Орлова) нам пока не известна. Мы не имеем даже фотографии о. Петра и не можем описать его облик. Однако память о нем долгие годы жила среди окрестного населения и до сих пор люди его помнят.

К сожалению, рассказывая о жизни обители в советский период, мы не имеем более возможности опираться на документы, так как работа всех церковных структур была полностью прекращена и никакие церковные записи не велись. Поэтому практически единственным источником информации служат уголовные дела, заведенные на братию пустыни в 1930 году и позднее. Пусть сами по себе лживые и надуманные, все же они являются для исследователей истории Церкви ценнейшим материалом. Только благодаря этим документам стало возможным хотя бы частично восстановить историю обители, хоть какие-то имена и, конечно, попытаться узнать, как и где был окончен земной путь последних берлюковских монахов. При отсутствии достоверных документов задача эта очень сложная, иногда требуются годы, чтобы восстановить небольшой исторический эпизод. Но, увы, это единственный путь в исследовании этого периода истории монашества. Есть еще конечно рассказы местных жителей, воспоминания очевидцев, но сейчас все меньше остается людей, которые хорошо помнят историю 1920 – 1930 годов и могут ее достоверно воспроизвести.

Игумен Ксенофонт

Последним настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни в советский период стал **игумен Ксенофонт** (Ксенофонт Герасимович Коенков, годы настоятельства: 1923-1930).

Из материалов дела: *«Уроженец Тамбовской губернии, Козловского уезда, Челкавской волости, села Покровская слобода, возраст 57 лет, служил унтер-офицером царской армии, окончил земскую школу, настоятель монастыря Николаевская Берлюковская пустынь, игумен, крестьянского сословия»*²¹⁰. Из тех же источников нам известно, что, начав свое служение Отечеству как боевой офицер, он в 1898 году решает посвятить свою жизнь Богу и уходит послушником в Троицкую Сергиеву Лавру, а в 1912 году переходит в Московский Данилов монастырь и в том же году принимает там постриг с оставлением имени. Игумен Ксенофонт возглавил обитель в 1923 году. Нам не известны обстоятельства его поставления, а также, на основании какого указа о. Ксенофонт вступил в управление Берлюковским монастырем. Годы настоятельства игумена Ксенофонта пришлось на крайне трудное время. Сейчас нам даже трудно представить, что приходилось испытывать тогда братии. По воспоминаниям местных жителей, любимым развлечением комсомольских дружин было глумление над верой, выражавшееся в невероятных по изощренности актах вандализма, надругательства над иконами и издевательстве над монахами. В монастыре горели костры из икон, срубались и расстреливались кресты, распевались богохульные песни, слышались призывы к расправе над братией. Так изо дня в день жили вместе ветераны красной армии и берлюковская братия. В 1923 году подошла очередь и московских подворий монастыря. 5 января 1923 года Берлюковское подворье у Большого Каменного моста было закрыто, а все имущество по актам передано приходу московского храма Христа Спасителя. 13 января 1923 года та же участь постигла и второе подворье на Немецком рынке, где все имущество было передано храму во имя Пресвятой Троицы, что на Ирининской улице (ныне улица Энгельса). К сожалению, комплекс строений, вместе с каменной часовней Святителя Николая Чудотворца у Большого Каменного моста, был полностью снесен в 1936 году при строительстве нового Каменного моста. Часовня на Немецком рынке во имя Святителя Николая Чудотворца была снесена в 1928 году. Сейчас на ее месте асфальтовая площадка, на которой идет торговля, но в земле под асфальтом целы все фундаменты. Один из московских монастырских домов, цел и в нем сейчас расположен «Макдоналдс». Братия, проживавшая на Берлюковских подворьях в Москве, не вся вернулась в монастырь. Некоторые, по благословию своих настоятелей и местных преосвященных перешли на приходы. Тяжелее воздействовать на монаха, не имеющего семьи, чем на приходского священника, имеющего детей, жену и родственников. Так перешел к епископу Коломенскому Феодосию (Ганицкому) и служил в Коломенском уезде Московской губернии на нескольких приходах настоятель Берлюковского подворья в Москве игумен Серафим (Стрельников), после его закрытия.

Однако, на самом деле, все это можно было считать относительным затишьем на антирелигиозном фронте. Уже в апреле 1927 года «Комсомольская правда» заявила, что борьба с религией приобретает характер классовой борьбы, и призвала каждого члена ВЛКСМ стать воинствующим безбожником²¹¹. В сентябре 1927 года в беседе с представителями американских рабочих организаций И.В.Сталин, на заданный самому же себе вопрос, подавили ли мы реакционное духовенство, ответил: «*Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано*»²¹². И все, кому надо, поняли это правильно! Началась мощнейшая кампания по ликвидации религиозной жизни в стране. 10 декабря 1928 года состоялась специальное заседание Оргбюро ЦК, под председательством Л.М.Кагановича, по выработке конкретных мер борьбы с религией. Наперебой там говорилось о недопустимой терпимости, полной потери бдительности, о слабом использовании мер, о необходимости навалиться на религию, а также не моргать, выйти из окопов, бить по рукам, выкорчевывать, и бить по морде гадов-попов²¹³. Результатом стал документ «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (секретный циркуляр), который настаивал и настраивал местные партийные органы на принятие самых жестких мер в отношении: «*единственно легально действующих контрреволюционных организаций, имеющих влияние на массы*»²¹⁴. 24 января 1929 года документ был одобрен членами Политбюро, подписан Кагановичем и разослан 14 февраля 1929 года на места для исполнения. В СССР развернулась мощная антимонастырская компания. В августе 1929 года Антирелигиозная комиссия призвала обследовать все монастыри силами Союза Воинствующих Безбожников с целью их скорейшего превращения в образцовые социальные очаги культурного строительства. Постановлением Президиума ВЦИК от 6 января 1930 года и циркуляром НКВД РСФСР от 6 февраля 1930 года была поставлена цель – к концу 1931 года на территории СССР все монастыри должны быть ликвидированы. С этой задачей государство справилось в срок – к декабрю 1931 года все монашеские братства и сестричества были подавлены, начались массовые аресты. Однако в течение еще нескольких лет продолжали существовать подпольные монастыри, члены которых могли даже и не проживать вместе, но имели общий духовный устав и игумена.

Как протекала жизнь в монастыре в течение 1923 – 1929 годов практически ничего не известно. Очевидно, что вопрос закрытия храма в Берлюковском монастыре стоял очень остро. Формально Берлюковский монастырь после 29 июня 1920 года больше не существовал, однако рядом с главным монастырским храмом Христа Спасителя, хотя и зарегистрированным как приходской храм деревни Авдотьино, продолжали жить и молиться монахи. Екатерина Андреевна Фокина, няня в инвалидном доме, показала: «*в монастыре живут 6 монахов, 1 человек в деревне Дядькино у гр. Сиканова, и 8 монахов живут в деревнях Громково и Мизиново*»²¹⁰. 9 февраля 1930 года в храме Христа Спасителя теперь уже бывшего Николаевского Берлюковского монастыря состоялась последняя Божественная Литургия. Из материалов следствия мы знаем, что на Богослужение это собралось с окрестных деревень до 200 человек.

После богослужения о. Ксенофонт произнес проповедь. Сказал он так: *«Православные, доколе вы терпеть будете, вы голодны, вас собирают в колхоз для того, чтобы легче было отобрать, вы верите этим лжепророкам коммунистам, эта власть не об Бога, не слушайте ее и не ходите в колхоз, колхозы нам не нужны, засевайте только для себя»*²¹⁰. Из того же источника известно как события развивались дальше. После проповеди в храме стали собирать подписи под документом с названием - «Кто хочет остаться православным и не допустить закрытия колхозом церкви», после чего о. Ксенофонт добавил: *«Мы теперь отживаем последние времена и даже не взойдем в храм Божий, вам нужно поисповедываться и причаститься, так вас и нас коммунисты притесняют»*²¹⁰. Такие слова тогда мог сказать только человек большого мужества, веры, и любви к людям.

18 февраля 1930 года игумен Ксенофонт (Косенков), иеромонах Горгоний (Бухарин), послушник Григорий Архипович Аверьянов и председатель церковного совета Григорий Афанасьевич Ольхов были арестованы и увезены в Москву в Бутырскую тюрьму. 10 марта им было предъявлено обвинение по статье 58\10 УК РФ в организованной и систематической антисоветской деятельности. Из материалов следствия: *«Составляя между собой, перечисленные выше граждане, группировку своей антисоветской деятельностью, путем отработки населения по квартирам, тормозили проведение мероприятий Соввласти в этой местности. Следствием факт а/с деятельности группировки подтвержден. Привлеченные в качестве обвиняемых, виновными себя не признают, за исключением того, что собрание проводили без ведома власти. На основании вышеизложенного и материалов, имеющих в деле, считаю обвинение предъявленное Косенкову, Бухарину, Аверьянову и Ольхову вполне доказанным, а посему полагаю бы дело за № 1555 передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ. Уполномоченный 3 отдела СО ПП ОГПУ МО Петров»*²¹⁰. Председатель Авдотынского сельского совета Егор Иванович Каржавин с готовностью рассказал об открытом сопротивлении мероприятиям советской власти: *«Большое влияние на срыв в работе и построении колхоза, посевной компании, о снятии колоколов, о закрытии церкви в Берлюковской пустыни имеют монахи и глава Церковного Совета Ольхов Григорий Афанасьевич и его дядя Ольхов Петр Иванович, которые до открытой классовой борьбы вели себя скрыто. Но как у нас стал организовываться колхоз, то эти все лица стали делать свои собрания. 9 февраля сего года открыто в церкви игумен и братья Ольховы вели антисоветскую агитацию, чисто контрреволюционную, собирали подписи против закрытия церкви»*²¹⁰.

22 марта 1930 года состоялось вынесение приговора. Заседанием тройки при ПП ОГПУ МО:

«КОСЕНКОВА Ксенофонта Герасимовича – выслать через ПП в Северный край сроком на ТРИ года, считая срок с 18.02.30.

БУХАРИНА Григория Ефимовича – выслать через ПП в Северный край, сроком на ТРИ года, считая срок с 18.02.30.

АВЕРЬЯНОВА Григория Архиповича – заключить в концлагерь, сроком на ТРИ года, считая срок с 18.02.30.

ОЛЬХОВА Григория Афанасьевича – заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет, с заменой высылкой на тот же срок через ПП в Северный край, считая срок с 18.02.30.»²¹⁰.

Сведений о дальнейших судьбах этих людей у нас пока крайне мало. Что-то мы знаем из материалов следствия, что-то удалось выяснить в ходе работы по поиску репрессированной братии обители, проводимой с 2007 года силами прихода монастыря. Приводим здесь все, что нам известно: *«КОСЕНКОВ Ксенофонтий Герасимович (Ксенофонт), 57 лет, поп-монах, настоятель Берлюковского монастыря, холост, б/п, русский, лишенец, со слов не судим»²¹⁰*. Удалось установить, что игумен Ксенофонт был направлен на спец. поселение и проживал в городе Онега. 26 сентября 1932 года был осужден вторично народным судом Онежского района Северного края по ст. 19, 169 часть 1 УК РСФСР на 1 (один) год исправительно-трудовых лагерей, откуда был освобожден 27 июля 1933 года Онежским РО ОГПУ. Из мест заключения отец настоятель вернулся в 1933 году и поселился в городе Сергиев Посад Московской области на частной квартире. 15 мая 1935 года он был вновь арестован и осужден Особым Совещанием НКВД СССР по ст. 59 часть 12 УК РСФСР сроком на 3 (три) года к высылке в город Алма-Ата Казахской ССР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

«БУХАРИН Григорий Ефимович (Горгоний), 54 лет, иеромонах Берлюковского монастыря, б/п, холост, русский, лишенец, со слов не судим»²¹⁰. Родился в 1876 году, в деревне Игнатьевка Лохотецкой волости Ефремовского уезда Тульской губернии. Из крестьян. Пострижен в монашество 16 декабря 1907 года в Берлюковской пустыни, 6 мая 1908 года рукоположен в иеродиакона, 31 мая 1915 года рукоположен в иеромонаха в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Награжден медалью и памятным знаком в память 300-летия дома Романовых.

«АВЕРЬЯНОВ Григорий Архипович, 42 лет, монах, лишенец, б/п, холост, русский, со слов несудим»²¹⁰. Родился он в 1887 году в деревне Криулино Богородского уезда Московской губернии. В 1914 году по благословению игумена Петра отправился защищать Родину на Первую мировую войну. Служил в 313 Балашовском пехотном полку. Вернувшись с войны, был принят в братию послушником 4 августа 1918 года, проходил послушание певчим и пекарем.

«ОЛЬХОВ Григорий Афанасьевич, 58 лет, член церковного совета, кулак, б/п, семейный, русский, со слов не судим»²¹⁰. Родился 17 сентября 1870 года в деревне Авдотьино Богородского уезда Московской губернии

в большой семье потомственных ткачей. Был женат на Марии Михайловне Ольховой (1869-1945), имел братьев Никиту, Константина, Петра. В центре деревни Авдотьино, у старинной часовни, стоит родовый дом семьи Ольховых. Эта династия ведет свое начало от Лариона Ивановича Альхова (1766 – 1841). Григорий Афанасьевич Ольхов проживал после ареста на спец. поселении в Архангельской области, откуда был освобожден 8 июля 1933 года на поруки родственников. После возвращения долгое время не мог устроиться на работу, позднее до самой своей кончины работал в авдотьинской хлебопекарне. Скончался 29 апреля 1949 года, погребен на старом монастырском кладбище у разрушенного богоборцами Казанского храма.

Совсем недавно удалось прояснить судьбу еще одного участника той последней февральской Божественной Литургии 1930 года - иеромонаха Аристоклия (Ключарева), арестованного примерно три недели спустя в селе Заречье Киржачского уезда Владимирской губернии. Отец Аристоклий и раньше часто приезжал в Заречье и служил в Казанской церкви, хорошо знал жителей села, которые искренне его любили. Возможно, он решил поехать туда по благословению о. Ксенофонта после памятной литургии, возможно, был приглашен служить в Заречье вместо арестованного местного священника Ключарева Ф.И., однофамильца о. Аристоклия. Жители Заречья ездили просить за него в Николаевскую Берлюковскую пустынь, что подтверждается материалами следствия: *«В феврале месяце с/г после ареста попа Ключарева Ф.И., на его место церковным советом был приглашен из Московского округа иеромонах Ключарев Алексей Иванович (Аристоклий) имевший раньше связь с попом Ключаревым и др. участниками а/с группы. Иеромонах Ключарев, приехав в село Заречье устраивал массовые исповеди женщин, во время которых распускал слухи, что церкви все скоро закроют, а попов вышлют в Соловки. С приездом Ключарева по селу Заречью распространились слухи о кончине мира, пришествии антихриста, который будет прикладывать печать всем вступившим в колхоз. Райсельсовет узнав, что все эти слухи исходят от иеромонаха Ключарева, взял у него личные документы для проверки»*²¹⁵. В любом случае, мы видим, что о. Аристоклий до конца честно исполнил свой долг. Известно, что его предостерегали, еще до ареста он подвергался нападениям пьяных кимовцев (членов коммунистического интернационала молодежи - так называлась тогда организация, переименованная в 1943 году в комсомол), у него отобрали паспорт и отняли наперсный крест, которым он был награжден, как герой Первой мировой войны. Однако он не испугался. 28 февраля 1930 года о. Аристоклий был арестован Александровским ОГПУ. Вместе с ним были арестованы 46 жителей Заречья: бывшие фабриканты, купцы и простые жители окрестных деревень, виновные лишь в том, что хранили верность православию и вели активную приходскую жизнь при местном храме. Все они проходили по делу № 51/1199. На допросе 11 марта 1930 года иеромонах Аристоклий полностью отрицал свою вину, что, естественно, никак не повлияло на решение Александровского окружного отдела ОГПУ осудить всех по

ст. 58 п. 10 УК РСФСР за организованную и систематическую антисоветскую деятельность. 7 апреля 1930 года обвинительное заключение было утверждено прокурором Александровского округа Семеновым, с формулировкой: *«принимая во внимание, что данные лица имея между собой тесную связь вели организованную и систематическую антисоветскую деятельность в виде агитации и разбрасывания листовок и т.д., направленную к подрыву мероприятий советской власти и ее органов, а также совершали террористические действия путем избияния деревенских общественников...»*²¹⁵. 29 человек не согласились с этим решением и подали коллективное прошение о пересмотре дела. В числе первых, подписавших это прошение, был о. Аристоклий. Прощение было оставлено без внимания, а дело было передано в Иваново, в территориальное подчинение которого входил тогда Александров. 11 мая 1930 года иеромонах Аристоклий был обвинен решением Тройки при ПП ОГПУ по Ивановской промышленной области по ст.ст. 58-8, 58-10 УК РСФСР и приговорен к высылке в Северный край сроком на пять лет. Дальнейшая судьба иеромонаха Аристоклия неизвестна.

114

18 февраля 1930 года, когда была арестована берлюковская братия, можно считать днем окончательного, фактического закрытия монастыря. Все это очень укладывалось в рамки того, что происходило в это время в государстве. Развернувшаяся сплошная коллективизация усилила наступление на Церковь. Руководитель союза воинствующих безбожников Емельян Михайлович Ярославский (настоящая фамилия и имя - Губельман Миней Израилевич) твердо обозначил курс, заявив, что организация колхозов – это в первую очередь означает то, что надо покончить с Церковью и разоблачить священников как пособников и защитников кулака. Конечно, провинциальные власти предпочитали всегда быть лучше подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие молитвенных зданий, чем быть уличенными в отступлении от идеологии. Митрополит Сергей (Страгородский) в письме на имя П.Г.Смидовича от 19 февраля 1930 года указывал, что процесс создания колхозов повсюду, как правило, начинался со снятия колоколов и закрытия храмов²¹⁶. Церкви закрывались обычно за неуплату налогов или за то, что мешали уличному движению, монастыри же закрывали, в основном, арестовывая братию. Таким образом, власти решали две проблемы сразу: негодная братия уезжала в лагерь, а здания переходили «благодарным трудящимся». Монастыри и храмы очень помогали решать вопрос с текущими проблемами - нехватки кирпича, труб, котлов и другого имущества. 8 октября 1930 года Наркомфин признал, что *«наиболее значимым источником всех поступлений по госфондам является культовое имущество, особенно цветные и черные металлы, золочение, драгоценности, мрамор, кирпич, дерево, ткани»*²¹⁷.

Возрождение

Монастырь был окончательно закрыт в 1930 году, последняя братия изгнана и претерпела множество лишений, гонений и мучений, а все здания перешли Дому инвалидов № 4. Позднее с 1973 года на территории разместилась Психиатрическая больница № 16 Департамента здравоохранения города Москвы.

Казалось, что монастырская жизнь и многовековая история Берлюковской пустыни завершилась навсегда. Но Бог поругаем не бывает!

В 1997 году иеромонаху Евмению, тогда еще клирику Владимирской церкви в подмосковных Мытищах, одна незнакомая пожилая женщина подарила старую икону. Это была икона «Лобзание Иисуса Христа Иудой». Отец Евмений недоумевал, почему к нему пришла именно эта икона? А через семь лет следующий настоятель Николаевской Берлюковской пустыни, иеромонах Евмений (Лагутин), ныне игумен, вывез первый грузовик с мусором из храма Христа Спасителя, построенного в свое время специально для явленной чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудой». Началось медленное, но крайне радостное восстановление обители.

115

И вот в 2015 году закончилась, наконец, 13-летняя эпопея борьбы за возвращение зданий и сооружений, исторически принадлежавших обители. Решением Правительства Москвы ансамбль монастыря перешел в ведение Российской Федерации и передан в бессрочное пользование братии обители. С большим запозданием, но все-таки обрел решение Закон о передаче имущества, принадлежавшего ранее религиозным организациям. Территория больницы выведена за монастырскую ограду. Но на этом радостном горизонте громадой высятся проблемы, которые придется решать в ближайшем будущем.

– С чего начинать? – с этим вопросом авторы книги обратились к настоятелю игумену Евмению.

– Не начинать, а продолжать. Размеренно, шаг за шагом делать все необходимое для достижения основной цели – становления жизни духовной. Возрождение монастырей в России в последние десятилетия имеют схожие аспекты. Их немного. Всего два. Первое – это внешняя деятельность по восстановлению монастырских строений и храмов, тяжбы с организациями, незаконно занявшими их, развитие хозяйства, налаживание быта, возрождение монастырских ремесел. И второе. Пожалуй, самое важное и труднодостижимое – добиваться того, чтобы насельники обители не превращались в средства решения вопросов внешней деятельности, а чтобы монастырь стал для них средой, в которой они должны созидать себя. В молитве, послушании, отсечении своеволия. Иными словами – не откладывать на потом решения внутренних духовных вопросов, чтобы пробле-

мы внешнего благоустройства, налаживание хозяйства и быта насельников не порушили тех основных ориентиров, во имя которых мы приходим в монашеское общежитие. Как говорил архимандрит Иоанн Крестьянкин: «... не ушла бы наша энергия в суету внешнего обустройства».

Я считаю положительным моментом то обстоятельство, что наш монастырь начинался с прихода. При храме Христа Спасителя сформировалась устойчивая община, готовая стать монастырем. Это событие и произошло в 2006 году.

Годы, которые мы провели на скромном участке монастырской территории, научили нас с молитвой преодолевать трудности. Помощь наших прихожан, число которых неуклонно растет, помощь равнодушных людей, облеченных властью, помощь благодетелей, добровольных жертвователей и, главное, молитва – вот сила, которой покорятся любые трудности.

Что до конкретики – то все очень просто: необходимо привести храмы и здания монастырского ансамбля в такое состояние, которое соответствовало бы своему историческому и духовному предназначению.

116

Соблюдая при этом традиции религиозной жизни обители в то благословенное время, когда она входила в пятерку сильнейших монастырей России и являлась высокодуховной цитаделью православия.

- Вы верите в реальность осуществления столь грандиозной задачи?
- С нами Бог! И это дает мне право ни минуты не сомневаться.

Примечание:

1. Иван Шевелкин. Поездка в Берлюковскую пустынь. Душеполезное чтение. 1864. Ч 3. № 9. С. 2.
2. Полное собрание русских летописей. СПб. Т.I. С. 13-14.
3. Текст Киево-Печерского Патерика публикуется по списку конца XV – начала XIV века второй Кассиановской редакции. РГБ. Собр. Румянцева. № 305.
4. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 320.
5. Леонид (Кавелин), архимандрит. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 2. С. 8.
6. Там же. С. 11-12.
7. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1902. Т. 2. С. 106.
8. Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 56-57. 117
- 8а. Текст Киево-Печерского Патерика публикуется по списку конца XV – начала XIV века второй Кассиановской редакции. РГБ. Собр. Румянцева. № 305.
9. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 11.
10. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 146-171, 709-713.
11. Географический словарь Российского государства. М., 1807. Ч. V. С. 1210.
12. Сытин П.В. Прошлое Москвы в названиях улиц. М., 1946. С. 13.
13. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1853. Т. VI. Ч. I. Московская губерния. С. 266.
14. Ключевский В.О. Лекции по истории России. Лекция 16. Ссылка с сайта www.dusha-rossii.ru
15. Копышев П.П. К истории древних трактов восточного Подмосковья и Замосковья. Ссылка с сайта <http://www.bogorodsk-noginsk.ru>.
16. Чернов С.З. Сельские монастыри XIV – XV веков на северо-востоке московского княжества по археологическим данным. Российская археология. 1996. № 2. С. 127.
17. Холмогоровы В.И. и Г.И. Исторические материалы о церквях и селах. Вохонская десятина. Выпуск шестой. М., 1888. С. 104-105.
18. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М. 2006. Т.2. С. 107.
19. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 119.
20. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 69.

21. Денисов Л.И. Историческое описание Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1898. С. 8.
22. Стромынский Успенский монастырь – основан в 1379 году преподобным Сергием Радонежским и «устроенный» св. Великим князем Московским Димитрием Донским, давшим обещание построить монастырь в случае победы над татарами. Возможно, и название монастыря связано с победой русских войск над татарами в 1378 году, бывшее на реке Воже в день Успения Божией Матери. Первым игуменом монастыря был ученик Сергия Радонежского – преподобный Савва Стромынский. Монастырь был сожжен поляками в смутное время. На его месте в 1827 году был построен храм, где и поныне покоятся мощи прп. Саввы. Несмотря на то, что в советское время, в течение 30 лет Успенский храм был закрыт, в нем сохранилось внутреннее убранство, старинные иконы, в т.ч. «Кипрская Стромынская» икона Божией Матери. По преданию, эта почитаемая икона была дана в знак благословения прп. Сергием Радонежским его ученику Савве при основании монастыря. В советское время икону спасли местные жители. Семнадцать лет эта святыня благоговейно хранилась двумя женщинами, здесь же, на Стромынской земле. Непрестанно творилась молитва, тщательно следили в доме за чистотой: пол всегда был выметен, вещи прибраны. Протереть стекло, за которым находился образ, означало совершить целый ритуал: две девы перед этим постились несколько дней, молились, а приступали к делу вымытые и в чистой одежде. В 1988 году икона возвратилась в Успенский храм. Вместе с иконой к церкви перешел и куст ивы. Существует предание: там, где находится эта икона, непременно вырастает куст ивы. И, правда, сначала куст вырос на клубничной грядке, рядом с домом этих женщин, его хотели вырубить, но затем в монастырской книге прочли, что такой куст охраняет икону и неизменно следует за ней. После перенесения иконы куст около дома засох, а за алтарем храма вырос такой же и пребывает там до сих пор. На Стромынском кладбище есть две могилки – Евдокии Николаевны Мартыновой и Анны Семеновны Юдкиной, тех самых жительниц Стромыни, которые сохранили для нас эту святыню. Празднование иконы совершается дважды в год: 9 июля (22 по н.с.) и в 1-ю Неделю Великого поста. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское православие. Под ред. Платонова О.А. М., 2009. Т. 2. С. 55; Т. 3. С. 63.
- 22а. Московские церковные ведомости. 1909. № 26. С. 444.
23. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 2-3.
24. Берлюк – одно из значений слова: гора Берлюк – (тюркское: бурмак – крутить и бурулма – излучина) – протяженная лесистая гора с полянами на вершине и на крутом южном склоне гор Восточного Крыма, рядом с Берлюкским ущельем, к юго-западу от горы Караул-Тепе. Очень известное место в Крыму.
25. Копышев П.П. К истории древних трактов восточного Подмосковья и Замосковья. Ссылка с сайта <http://www.bogorodsk-noginsk.ru>.
26. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 4.
27. Там же. С. 6.

28. Там же. С. 7.
29. Холмогоровы В.И. и Г.И. Исторические материалы о церквях и селах. Вохонская десятина. Выпуск шестой. М., 1888. С. 104-105.
30. Там же.
31. Там же. С. 147-148.
32. Георгий Флоровский, протоиерей. Пути русского богословия. Париж. 1937 (репринт). С. 92.
33. Когда уже позже, на Соборе 1917-1918 года обсуждался вопрос о восстановлении патриаршества, один из выступавших священников сказал, что в простом народе многие Синод принимают за лицо, и привел слова одного старосты: «А Святейший Синод, наверно, седенький, беленький, с большой-большой бородой». Никак не получается народу полюбить министерство, не принял он Синода в душе: народу понятно, когда во главе Церкви стоит лицо, а не учреждение. Владислав (Цыпин), протоиерей. Курс лекций по истории Русской Православной Церкви, прочитанный на Высших Богословских курсах Московской Духовной Академии в 2008 году.
34. Поселянин Е.Н. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905 (репринт). С. 23.
35. Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 343.
36. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 398.
37. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 8.
38. Порфирий, иеромонах. Житие и подвиги иеромонаха Иоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни. Муром. 1892. С. 119.
39. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 535-536.
40. Там же. С. 536.
- 40а. Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров. 1998. С. 39.
41. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 536.
42. Там же. С. 523.
43. Там же. С. 559.
44. Там же. С. 538.
45. Там же. С. 521.
46. Там же. С. 546.
47. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 10-11.
48. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб. 1868., С. 522.
49. Там же. С. 515.
50. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 17.
51. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 547.

52. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 20.
53. Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров. 1998., С. 45.
54. Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908. С. 51.
55. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 21.
56. Розанов Н.П. История Московского епархиального управления. М., 1876. Ч. II. Кн. 2. С. 153.
57. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. М., 1994. С. 89.
58. РГАДА. Фонд 280, опись 3, дело 392.
59. Десятина, сажень, аршин, вершок, пуд – старые русские меры длины и веса, применявшиеся в России до введения метрической системы в 1924 году. Десятина – основная дOMETрическая русская мера площади. Десятина казенная = 2400 квадратным саженьям или 1,08 гектара. Сажень = 2,1336 метра = 3 аршинам, или 48 вершкам. Аршин = 16 вершкам = 71,12см. Вершок = 1/16 аршина = 44,45 мм. Пуд = около 16,38 кг.
60. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. М., 1994. С. 112.
61. РГАДА. Фонд 280, опись 3, дело 388.
62. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 70-71.
63. РГАДА фонд 280, опись 3, дело 388.
64. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 24.
65. Там же. С. 26.
66. Там же. С. 27.
67. Там же. С. 28.
68. Там же С. 30.
69. Денисов Л.И. Историческое описание Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1898. С. 24.
70. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 2.
71. Там же.
72. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 69.
73. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 51.
74. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 88.
75. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 32-33.
76. Никон (Головко), игумен. Ссылка с сайта www.peshnosha.ru
77. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 32.
- 77а. Там же. С. 34.

78. Холмогоровы В.И. и Г.И. Исторические материалы о церквях и селах. Выпуск пятый. Радонежская десятина. М., 1886. С. 168.
79. Там же. С. 156.
80. Руднев Василий, священник. Строитель иеромонах Максим. Душеполезное чтение. 1871. № 2. С. 145.
81. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 35.
82. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 36.
83. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 43.
84. Денисов Л.И. Историческое описание Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1898. С. 32-33.
85. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 39.
86. Там же. С. 39-40.
87. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 46.
88. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 77.
89. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 264.
90. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 295.
91. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 41.
92. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 38.
93. Давыд Иванович Широков – купец (1790-1849), крупный богородский фабрикант шелковых и бумажных тканей первой половины XIX века при селе Вохна (ныне г. Павловский Посад), потомственный почетный гражданин Павловского Посада, из казенных крестьян. В 1835-1840 годах – ратман Богородского городского магистрата (Ratmann (нем.), от Rat — совет и Mann — человек) – выборный член городских магистратов, управ благочиния в XVIII— XIX вв.). Его жена, Василиса Никитична, впоследствии также помогала Берлюковской пустыни. Их дочери Дарья (1812-1888) и Пелагея (1826-1887) Давыдовны были отданы замуж за А.С. Морозова и Г.И. Хлудова. По завещанию Давыда Ивановича, был утвержден фонд помощи бедным семьям Павловского Посада, а его дом пожертвован городу. Дарья Давыдовна Морозова (1812-1888) устроила в Павловском Посаде женскую богадельню на 15 человек. На его средства отлит колокол, установлены золотая главка и крест на колокольне Воскресенской церкви в Павловском Посаде. Дом Широковых в Павловском Посаде сохранился, в нем почти столетие работала городская больница, а в настоящее время здесь размещается городской культурно-выставочный центр.
94. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 48.
95. Купеческие династии Куманиных, Лепешкиных, Желудевых и Морозовых: Куманины – одна из старейших московских купеческих семей (выходцы из Переславля-Залесского). Родоначальником московской ветви Куманиных является Алексей Куманин, Переяславский купец. Эта фамилия занимает первое место в московском купеческом сословии по числу членов, возглавлявших Московское городское общественное управление. Почти все

члены этой семьи получили дворянство. В их доме длительное время проживал будущий Берлюковский старец Макарий. Трое представителей этой фамилии приняли постриг в Николаевском Берлюковском монастыре. Лепешкины – известный купеческий род, меценаты. Помогали десяткам храмов не только в Москве, но и за ее пределами, жертвовали крупные суммы монастырям и церквям в Суздале, под Киевом (Девичья пустынь), в Кашире (Белопесоцкий монастырь), Зосимова Троице-Одигитриевская пустынь под Наро-Фоминском во многом строилась на их деньги. «Лепешкины были так широки душой и талантливы, что распространяли свои добрые дела и за пределы храмов или монастырей. Николай Васильевич Лепешкин, например, «за усовершенствование в фабрикации химических продуктов в ситцевой фабрикации, за благоразумное устройство паро- и газоотводных труб для отвращения вредного влияния газов на здоровье рабочих» получил золотую медаль на Владимирской ленте, а «за пожертвования на военные надобности войны 1853-1856 гг.» – бронзовую медаль на Аннинской ленте. И это – среди других наград. Вот – ум, вот сердце русского купца-благотворителя, истинного патриота». Преподобный Марон, пустынный Сирийский, и храм его имени в Москве: прошлое и настоящее. – М., 2008. С. 52.

96. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 195.
97. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 42.
98. Там же. С. 41.
99. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 83.
100. Бабкины – московские фабриканты. Семен Григорьевич Бабкин – купец 1-й гильдии, основал в 1782 году в Москве суконную фабрику, его сыновья, Илья и Петр, владели также суконной фабрикой в Купавне. В начале 30-х годов XIX столетия московская фабрика Бабкина была первой фабрикой, начавшей изготавливать мезерицкие и масляные сукна (вид толстой плотной ткани) в больших размерах. Сукно фабрики в Китае имело хороший сбыт и так и называлось – «бабка». Имя своих владельцев фабрика сохранила на многие годы, в народе и в советское время ее называли «Фабрика братьев Бабкиных». Илья и Петр Семеновичи Бабкины были в очень хороших отношениях с Берлюковской обителью и щедро ей помогали. Бабкин Илья Семенович (1787 – 1842) – московский 1-й гильдии купец, мануфактур – советник, захоронен на кладбище Всехсвятского единоверческого монастыря (1842, 55 лет), там же захоронена его жена – Бабкина Прасковья Ивановна (1847, 56 лет). Бабкин Петр Семенович (1785 -1840) – московский 1-й гильдии купец и кавалер, мануфактур – советник, захоронен на кладбище Всехсвятского единоверческого монастыря в Москве (1840, 55 лет), там же захоронена его жена – Наталья Алексеевна (1840, 53 года). Ссылка с сайта www.bogorodsk-noginsk.ru. См. также Суконная промышленность в России. Исторический очерк. СПб., 1900. С. 93.
101. Виды Николаевской Берлюковской пустыни Богородского уезда. М., 1913.
102. Федор Федорович Набилков (иногда встречается написание его фамилии как Набилкин) – почетный гражданин города Москвы, почетный гражданин города Фридрихсгама (ныне город Хамина в Финляндии), первостатейный

купец. Родом из Ярославской губернии, крепостной графов Шереметьевых. Стал в Москве торговать тканями, разбогател и выкупился вместе со своим братом Василием. Братья прославились своей щедрой благотворительностью. На святом острове Валаам он финансировал строительство скита во имя Всех Святых, щедро помогал монастырям Святой Горы Афонской, построил в Москве богадельню, получившую название «Набилковской». Иеромонах Аникита (князь Ширинский-Шихматов) так написал о нем: «Того же дня имел я сердечное великое удовольствие, посетив знакомого мне христоролюбца Ф.Ф.Набилкина, видеть сияющую на нем благодать Божию. Он, приняв меня с любовью и учредив с усердием, утешил несказанно, поведя меня в устроенные им богадельни на триста человек престарелых и увечных... При сих богадельнях построен и уже внутри отделывался пространный и благолепный храм и создателю своему божественную исходатайствует силу прославления за любовь его к славе Божией. По осмотре богаделен показывал он мне им же созданный и всеми удобствами щедро снабженный дом воспитания для шестидесяти самых бедных сирот, всякого призрания лишенных... Благо тебе, муж боголюбивый, предпосылающий богатство свое в Небеса, и даже готовится тебе обитель светлая в дому Отца Небесного!». Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока. М. 2009. С. 31. Федор Федорович Набилков скончался 4 июля 1848 года на 74 году жизни.

103. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 153.

123

103а. Иван Шевелкин. Поездка в Берлюковскую пустынь. Душеполезное чтение. 1864. Ч. 3. № 9. С. 9.

104. Московский колоколотейный завод Финляндского – основан знаменитой династией мастеров – литейщиков Моториных, с именем которых связан расцвет сверхтяжелого колокольного литья в России. Завод располагался в Москве недалеко от Сухаревой башни. В к. XVIII в. это была пригородная территория, с оврагом – балкой, которая заканчивалась прудом с живописным названием Балкан (отсюда Б. Балканский пер.). Свободные земли, своеобразный ландшафт, вода, полное отсутствие застройки, близость к городу – все это создавало благоприятные условия для создания здесь новых литейных заводов, которые так и называли – московские заводы на Балкане, самые древние из них Самгина и Богданова (основан в 1774 г.). Имя Финляндского завод получает с 1860 года, когда вдова скончавшегося колокольного мастера Павла Михайловича Богданова, за неимением сыновей, передала завод, в качестве приданого, мужу своей дочери Николаю Дмитриевичу Финляндскому. В 1893 году последним владельцем завода стал его сын – Павел Николаевич Финляндский. При нем на заводе ежегодно отливалось по заказам до 20.000 пудов колоколов. По тщательности отливки и обработки они занимали первое место в России. Завод Финляндского имел право изображать герб Российской империи на своих изделиях. Это право он получал трижды на Всероссийских выставках в 1873, 1882, 1896 гг. Москвичи высоко ценили деятельность Финляндского, с большим интересом участвовали в своеобразном представлении, которое каждый раз проходило накануне отливки на заводе большого колокола. Когда форма была готова, П.Н.Финляндский сам шел в торговые ряды на Сухаревку и покупал несколько кусков бронзы или серебра. Это был знак – завтра отливка. И

каждый горожанин, узнав хозяина колоколотейного завода, распускал по городу какой-нибудь самый невероятный слух, и через несколько часов смеялась уже вся столица. Чем больше смеха, тем звонче будет звучать новый колокол. При заключении договора на отливку колокола завод Финляндского давал гарантии заказчику, что колокол будет нарядным и с красивым голосом, который обязательно должен соответствовать его весу. Известны случаи, когда колокола переливались без дополнительной оплаты, чтобы получить необходимый звон и выполнить договорные условия. На нем отливали замечательный 4000-пудовый «Успенский» для Ивана Великого, самый большой из всех действовавших колоколов в России, который в пасхальную ночь задавал тон колоколам всех московских церквей. 14 колоколов храма московского Христа Спасителя заказали отлить также у Финляндского. Отливались заказы для Парижа, Канн, Сан-Франциско, Токио, Афона, Иерусалима, но больше всего их отливали для православных храмов России и, конечно же, для многих монастырей и скитов. В начале XX века это была лучшая торговая марка. Об этом и сейчас свидетельствуют чудные звоны сохранившихся колоколов. А о тех, что не дожили до нашего времени, сложены легенды.

105. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 106.
106. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 126.
107. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 123.
108. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 40.
109. Там же. С. 49.
110. Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии и Святой Земле. М., 2008. С. 21-22.
111. Инок Парфений (Агеев). Автобиография. М., 2009. С. 18.
- 111а. Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии и Святой Земле. М., 2008. С. 22.
- 111б. Там же С. 25.
- 111в. Там же С. 203.
112. Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. М., 2009. С. 57.
113. Там же. С. 61.
- 113а. Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии и Святой Земле. М., 2008. Т. II. С. 75.
- 113б. Там же. С. 80–81.
- 113в. Там же. С. 123.
114. Сказание о жизни и о подвигах в Бозе-почившего старца Даниила, подвизавшегося в Сибирской стране, в Енисейской губернии, в пределах города Ачинска. 6-е изд. Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе. М., 1886. С. 13.
115. Игумен Парфений. Воспоминания о Преосвященном Афанасие, Архиепископе Казанском. Душеполезное чтение. 1868. Ч. 2. № 5. С. 44

- 115а. Там же. С. 46.
116. Громько М.М. Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М., 2007. С. 54, 56.
117. Александрова Т.П., Суздальцева Т.В. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 261.
- 117а. Инок Парфений (Агеев). Автобиография. М., 2009. С. 128.
118. Замечание о книге о. Парфения. Москвитянин. 1855. № 23–24. С. 297.
119. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма. М., 1961. Т. 3. С. 242.
120. Из письма Дружинина А.В. к Тургеневу И.С. от 19 сентября 1858 года. Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847-1861. М.; Л., 1930. С. 217-218.
121. Гиляров-Платонов Н.П. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения. Русская беседа. 1856. Кн. 3. С. 12.
122. Григорьев А.А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 150.
123. Инок Парфений (Агеев). Странствия по Афону и Святой Земле. // Гуминский В.М. «Сказание» инока Парфения и русская литература. М., 2008. С. 254.
124. Там же. С. 249.
125. Соловьев С.М. Русский Вестник. 1856. № 5. С. 17.
126. Там же. С. 28.
127. Гроссман Л.П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса. 1919. С. 155.
128. Pletnev R. Dostojevskij und der Hieromonach Parfenij. Zeitschrift fur slavische Philologie. 1937. Bd. 14. N 1/2. S. 30-46.
129. Инок Парфений (Агеев). Книга о Промысле Божиим, как он чрез православие ведет ко спасению, а неправославных обличает собственными их делами, бывшего инока Горы Афонской, а ныне Николаевской Берлюковской пустыни строителя иеромонаха Парфения. М., 1857. С. 5.
130. Путь к совершенной жизни. О русском старчестве. М., 2006. С. 139.
131. Игумен Парфений. Сказание о начале и настоящем положении Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря. М., 1863. С. 7, 9, 20.
132. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское православие. Под ред. Платонова О.А. М., 2009. Т. 1. С. 272; Жизнь и служение протоиерея Александра Воскресенского. М., 2005. С. 166-180.
133. Семь писем митрополита Филарета к отцу Парфению, игумену Спасо-Преображенского монастыря. Душеполезное чтение. 1868. № 6. С. 160-161.
134. Иван Шевелкин. Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь и соседствующие с ним раскольники. Путевой очерк. Душеполезное чтение. 1865. Ч. 3. № 10. С. 45-46.
135. Парфений (Агеев). Вторичное мое странствие во Святыи Град Иерусалим и во Святую Гору Афонскую в 1870–1871 годах. Душеполезное чтение. 1872. Ч. 2. С. 76-77.

136. Ткаченко В.А. О погребении игумена Парфения в Свято-Троицкой Сергиевской Лавре. Доклад на церковно-научной конференции «Строитель спасения. К 130-летию схиигумена Парфения Агеева». М., 2008.
137. РГАДА. Фонд 1204, Описание 1, дело 11641.
138. РГАДА. Фонд 1204, описание 1, дело 12008.
139. Ткаченко В.А. Новый источник по истории некрополя Троице-Сергиевой Лавры. Сергиево-Посадский музей-заповедник. М., 2000. С. 128-146.
140. Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Москва, 1880 год, С. 63, запись номер 699.
- 140а. СПМЗ. Список надгробий в бывшей Сергиевской Лавре. С. 29–30.
- 140б. СПМЗ. Список надгробий в бывшей Сергиевской Лавре. С. 30.
141. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденция 1866-1891 годы. М., 2010. С. 127.
142. Петр (Пиголь), игумен. Доклад на церковно-научной конференции «Строитель спасения. К 130-летию схиигумена Парфения Агеева». М., 2008.
143. ЦИАМ. Фонд 709, описание 1, дело 163.
144. ЦИАМ. Фонд 709, описание 1, дело 168.
- 144а. Иван Шевелкин. Поездка в Берлюковскую пустынь. Душеполезное чтение. 1864. Ч. 3. № 9. С. 7–8.
145. Тюляевы – московские купцы богородского происхождения, им принадлежали суконные фабрики в Обуховской слободе и при Петровской слободе (ныне город Лосино-Петровский) Богородского уезда. У московской ветви Тюляевых была парусная фабрика в Москве, в Яузской части (в районе Таганки) и соответствующая торговля. Они владели усадьбой Бачурино (ближнее Подмосковье, Калужское направление) и усадьбой при сельце Марьине Богородского уезда и др. Ссылка с сайта www.bogorodsk-noginsk.ru
146. ЦИАМ. Фонд 709, описание 1, дело 176.
147. ЦИАМ. Фонд 709, описание 1, дело 174.
148. Четвериковы – основатели суконных фабрик в Городищах (пос. Свердловский, Свердловская тонкосуконная фабрика) и в Щелково (фабрика «Щелковский фетр»). Имя купцов Четвериковых тесно связано с развитием промышленности в западной части Богородского уезда. Родственные связи соединяли их с Алексеевыми (владельцами фабрики в Глинках), Щенковыми (совладельцами шелкоткацкой фабрики Зубкова в Хомутове) и др. Ссылка с сайта www.bogorodsk-noginsk.ru
149. Никита Васильевич Щенников – московский 2-ой гильдии купец, щедро помогал московским храмам и много лет был старостой Московского Кремлевского Благовещенского собора. В Москве Никита Васильевич с супругой проживал в своем собственном доме рядом с храмом св. Климента папы Римского (расположен рядом со станцией метро «Третьяковская»).
150. ЦИАМ. Фонд 709, описание 1, дело 191.
151. ЦИАМ. Фонд 709, описание 1, дело 200.

- 151а. Иван Шевелкин. Поездка в Берлюковскую пустынь. Душеполезное чтение. 1864. № 3. С. 13.
152. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 33-43.
153. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 184.
154. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 161.
155. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 189.
156. Братья Соловьевы – большие благотворители Берлюковской обители, шелкоткацкие фабриканты в деревне Авдотьино (206 рабочих), занимали первое место в России в производстве бархата, объем его составлял 250000 рублей в год, сумма, по тем временам огромная. Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. Отделение второй. О мануфактурной промышленности. СПб., 1858. С. 294.
- Иван Семенович Соловьев (1818 – 1877) – потомственный почетный гражданин, богородский 1-ой гильдии купец, предприниматель и общественный деятель, владелец бархатной фабрики в дер. Авдотьино Богородского уезда. Жил в Москве на Красносельской улице в собственном доме. Выборный Московского Биржевого Общества (1870-1877), гласный Московской Городской Думы (1873-1877).
- Николай Иванович Соловьев – имел усадебный дом в самой деревне Авдотьино вблизи фабрики (в нем сейчас больница, ее до сих пор называют Соловьевской).
- Иван Иванович Соловьев – потомственный почетный гражданин, богородский городской голова (1855–1858 г.), построил и содержал в селе Воскресенское богадельню на 6 человек. Имел усадьбу в деревне Авдотьино. Шрамченко А.П. Справочная книжка Московской губернии. М., 1890, а также усадебные дома в сельце Власово (Медное Власово) в деревне Торбеево, в деревне Мизиново, в селе Саввинском. ЦГАМО. Фонд 2467, опись 1, дело 3, лист 11об. Член-жертвователъ Елизаветинского Благотворительного Общества (Отчет Богородского комитета Елизаветинского Благотворительного Общества за 1900 г.). Выборный Московского Биржевого Общества (1888-1891), кандидат в выборные (1885-1888 и 1891-1894). Входил в Особый комитет по тарифным делам при Московской Бирже.
157. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 125.
158. Московская Староекатерининская больница – названа так по имени ее основательницы, Государыни Императрицы Екатерины II. Открылась в 1776 году на Мещанской улице (ныне ул. Щепкина, 61/2). Здесь, в малонаселенной окраине близ Крестовской заставы за четыре года до этого находился один из городских чумных карантин, в его деревянных зданиях и разместили эту больницу, рассчитанную на 150 коек. Сразу же по открытии, была освящена и первая больничная церковь во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». В 1899 году церковь перестроили, она стала каменной и с шатром. В это же время была перестроена из находившейся здесь при анатомическом театре часовни еще одна церковь (деревянная), во имя иконы Божией Матери «Целительница», для отпевания покойных. В 1833 году больницу перевели в прекрасное здание на Страстном бульваре, построенное еще

архитектором Матвеем Казаковым. Прежде там была усадьба Голицыных, затем Английский клуб. Больница на Страстном стала именоваться Ново-Екатерининской, а прежняя, на Мещанской – Старо-Екатерининской. В 1835 году она была отдана под арестантскую больницу Бутырской тюрьмы, и ее заведующим стал «святой доктор» Федор Петрович Гааз (см. ниже). В 1841 году в Москве разразилась эпидемия гриппа, на Мещанскую стали поступать больные из рабочих домов и городские бедняки. Такое решение было принято потому, что немногочисленные городские больницы и отделения для простого народа были переполнены, а нуждавшихся в медицинской помощи было множество, так как в связи с отменой крепостного права, в Москву хлынул поток наемной рабочей силы из деревень и провинциальных городов. Уже в 1843 году больница получила официальный статус «больницы для чернорабочих». У Старо-Екатерининской клиники были филиалы, ставшие затем самостоятельными городскими больницами (Яузская, Басманная). В советское время оба храма Старо-Екатерининской больницы были закрыты и полуразрушены, с храма «Целительницы» сбили крест и обратили его в Бюро Судебно-медицинской экспертизы. На территории больницы в настоящее время размещается Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. Владимирского (МОНИКИ). Федор Петрович (Фридрих Йозеф) Гааз – (1780–1853) – русский врач немецкого происхождения, известный под именем «святой доктор», католик. Прожил большую часть жизни (1806–1853) в Москве, в русской православной среде. Прославленный врач, приятель ученых, аристократов, многих именитых москвичей, он вначале был преуспевающим состоятельным чиновником – статским советником, но затем посвятил все свои знания и силы, всего себя беднейшим из бедняков: арестантам, нищим, бродягам, униженным и оскорбленным, бесправным, темным, часто преступным. Для всех – для князей и для каторжан, для профессоров и для беглых крепостных – он был в равной мере заботливым, безотказным врачом; для многих еще и советником, наставником, а для бесправных – заступником. Он был христианином не только по убеждениям, по образу мыслей, но и по сердцу, по образу жизни. «У Гааза нет отказа» – московская поговорка XIX века. Его любимым выражением было: «Спешите делать добро».

- 158а. Денисов Л.И. Историческое описание Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1898. С. 52.
159. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 51.
- 159а. Иван Шевелкин. Поездка в Берлюковскую пустынь. Душеполезное чтение. 1864. № 3. С. 10.
160. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 61.
161. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 65.
162. Нил (Сафонов). Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1875. С. 50.
163. Пимен (Мясников), архимандрит. Воспоминания архимандрита Пимена настоятеля Николаевского монастыря на Угреше. М., 1877. С. 327-328.

164. Николай Васильевич Никитин (1828-1913) – русский архитектор, реставратор и археолог, один из основателей Московского архитектурного общества и его председатель в 1879—1894 годах, почетный вольный общник Императорской Академии художеств. С 1906 занял должность товарища председателя Комиссии по сохранению древних памятников. Стал одним из основателей русского стиля в архитектуре Москвы, построив Погодинскую избу. Участвовал в оформлении залов Исторического музея. Наблюдал за реставрациями придела в ростовском Успенском соборе, Сухаревой башни, церкви Харитония в Огородниках, здания общины «Утоли мои печали». Похоронен в Москве на Лазаревском кладбище.
165. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 246.
166. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 341.
167. Сельцо Сергиевское – то же самое, что и Савинки (Саввинское) – село на Воре. После строительства церкви в 1694 году во имя преподобного Сергия Радонежского Савинки стали именоваться Сергиевское. На карте 1854 года село обозначено как Саввинское, а с начала XX века деревня Савинки.
168. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 250.
169. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 251.
170. Княгиня Ольга Михайловна Кольцова-Мосальская (11 января 1771 года– 31 января 1847). Супруга князя Николая Александровича Кольцова-Мосальского (1758–1843). Оба супруга похоронены в Московском Новодевичьем женском монастыре.
171. Трифон (Туркестанов), митрополит. Любовь не умирает. Из духовного наследия. М., 2007. С. 537.
172. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 307.
173. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 292.
174. Федор Никитич Самойлов (1817–1895) – московский 2-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Москвы, известный благотворитель. Родился в селе Ямкино Богородского уезда. Федор Никитич был женат, но все его дети скончались во младенчестве. В обществе пользовался уважением, избирался ратманом Московского магистрата. Имел награды: бронзовую медаль для ношения в петлице на Аннинской ленте и две золотых для ношения на шее, одну – на Станиславской, а другую – на Андреевской, лентах. В духовном завещании Федора Никитича, а также в сделанных уже после его смерти распоряжениях душеприказчиков покойного, поражает, прежде всего, обширность распространения его богоугодной и благотворительной деятельности, не забыты Федором Никитичем были даже храмы в далекой Японии и на Святой Земле. Его родители покоятся на кладбище села Ямкино: на «старом» кладбище – его мать, Ирина Ивановна, в девичестве Замгина (ск.1818), и на «новом», у церкви Рождества Христова – отец, Никита Самойлович Самойлов (скончался в 1837 году). «Величайший благодетель», «незабвенный» (именно так именован он в различных документах монастыря) Федор Никитич преставился 8 июня 1895 года на 76-м году и был погребен на территории Московского Новоспасского монастыря.

175. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 523.

176. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 389.

177. Александр Степанович Каминский (1829–1897) – московский архитектор. В 1856 году окончил Санкт-Петербургскую Академию художеств по классу К.А.Тона (автора проекта храма Христа Спасителя в Москве). В 1862 году вступил в брак с сестрой знаменитых братьев Третьяковых и с тех пор выполнял их заказы. Пристраивал залы к дому П.М.Третьякова (ныне Третьяковская галерея), построил доходный дом П. М. и С. М. Третьяковых, деловое здание (Кузнецкий мост, 13), особняк С.М.Третьякова (Гоголевский бульв., 6), оформил комплекс Третьяковского проезда. Строил заново и перестраивал особняки для известных и богатых людей того времени: Шаховских (Моховая, 6 и Б. Никитская, 19), Коншиных (Пречистенка, 20 и 16), Потемкиных (Пречистенка, 21), Морозовых (Леонтьевский, 10), Лопатиной (Б. Никитская, 54), Симонова (Рукавишниковой) (Б.Никитская, 41), Охотниковых и Носенковых (Балиных) на Поварской, Сергеевых (Калашный, 17 и 12), Сорокоумовской (Леонтьевский, 8), Щапова (Бауманская, 58), Татищевых (Петровский бульв., 8), «дом Суворова» (Баранова) (Б.Никитская, 40), доходные дома (Лубянка, 15 и Леонтьевский, 8). Выполнял заказы Московского купеческого общества: перестроил в классическом стиле здание Купеческой биржи (Ильинка, 6), Мещанских училищ (Ленинский пр-т, 6). Построил дом купеческого общества на углу Кузнецкого моста и Неглинного проезда, принимал участие в проектировании отделов Политехнической выставки (1872), богаделен (2-й Ездаков пер., 1, Б.Коммунистическая, 29, Щипок, 6, Котельническая наб., 13), приюта (Бутырский Вал, 26), училища (Б. Ордынка, 47). Совместно с А.Е.Вебером возвел комплекс Всероссийской выставки 1882 г. (сохранился Царский павильон по Ленинградскому пр-ту, 31). Выстроил много крупных зданий, придавших новый облик улицам и оказавших существенное влияние на московское зодчество, из сохранившихся построек перечислим: торговые дома (Варварка, 5, Б.Лубянка, 15, Пушечная, 3, Кузнецкий мост, 10/8, Никольский, 8), подворье Иосифо-Волоколамского монастыря с гостиницей и торговыми помещениями (Ильинка, 7), химическую лабораторию московского университета (Никитский, 2), здание Александро-Мариинского замоскворецкого училища (Б.Ордынка, 47), колокольню и трапезную церкви Ильи Обыденного (2-ой Обыденский, 6), доходный дом Иерусалимского патриаршего подворья (Гоголевский бульв., 29), Софийскую больницу с церковью (Садовая-Кудринская, 15), приделы церкви Ризоположения (Донская, 22), колокольню церкви Сергия в Рогожской (Николоямская, 59), спроектировал главную лестницу Политехнического музея. Работы вне Москвы: собор Угрешского монастыря, собор в Ельце (по проекту К. А.Тона), колокольня Берлюковской пустыни, приделы церкви Троицы в Астафьеве Подольского уезда, собор общины в Акатьеве Клинского уезда, корпуса фабрики Баранова в Карабанове.

130

178. Василий Михеевич Борин (1863–?) – московский архитектор, член Императорского Археологического общества. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (сейчас МАРХИ). В 1905 году открыл в Москве свою архитектурно-строительную контору. Много и плодотворно работал в Берлюковской пустыни: колокольня, храм во имя Казанской иконы Божией Матери, новый настоятельский корпус, новые скотный и конный дворы, часовня в центре деревни Авдотьино. Талантливый пи-

сатель, написал подробный труд о прославлении святителя Гермогена (1912). Последнее известное о нем упоминание относится к 1926 году, известно, что работал он тогда в Ярославской строительной артели.

179. Для сравнения: на звоннице Савино-Сторожевского монастыря в Звенигороде висел колокол весом 2125 пудов (литейщик Александр Григорьев), на звоннице Троице-Сергиевой Лавры – колокол «Корноухий» весом 1275 пудов (литейщик Федор Моторин), на звоннице Ростова Великого и сейчас весит колокол «Сисой» весом 2000 пудов. Царь-колокол отлит был в 1735 году по приказу Императрицы Анны Иоанновны литейщиками Иваном и Михаилом Моториными. Его вес 12500 пудов (200 т.), высота колокола 6.14 метра.
180. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 395.
181. Ровенский Г.В. Три века храму св. Николая Чудотворца. История села Здохово и селений прихода Никольской церкви. М., 2007. С. 45-46
182. Московские церковные ведомости. 1896. № 27. С. 367.
183. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 316.
184. Протоиерей Константин Голубев, священномученик (память 19 сентября ст.ст.) – Константин Алексеевич Голубев родился в 1852 году в селе Барановке Вольского уезда Саратовской губернии в семье псаломщика. Окончив саратовскую духовную семинарию по первому разряду, он вступает в церковное Братство Святого Креста Саратовской епархии, занимавшееся миссионерской, церковно-просветительской и благотворительной деятельностью и отправляется в родное село, как миссионер. Деятельность его среди старообрядцев была весьма успешна: за два года к православию присоединилось 1500 человек. В 1895 году митрополит Московский и Коломенский Сергей, озабоченный распространением раскола в Богородском уезде, приглашает Константина Алексеевича Голубева в Богородск на протоиерейскую вакансию. Отец Константин и здесь быстро завоевывает расположение не только своих постоянных прихожан, но и богородских старообрядцев, за деятельность по обращению православных из старообрядчества и сектантства он был награждён наперсным крестом. Отец Константин сражается за человеческие души на всех фронтах: входит в число директоров Богородского уездного отделения попечительного комитета о тюрьмах, сам служит в тюремном храме, пока туда не определён постоянный священник, с 1896 года – председатель Богородского Богоявленского отделения Кирилло-Мефодиевского братства, с 1897 года – заведует церковно-приходской школой под Богородском, на Истомкинской фабрике Шибаевых (см. ниже), в том же году избран членом попечительского совета Богородской женской гимназии. В 1900 году отец Константин открывает при соборе женскую церковно-приходскую школу, в которой сам преподает. Он часто бывает в Москве, служит в Покровском соборе и Чудовом монастыре, в приезды Государя Императора Николая II участвует в торжественных молебнах в Кремле, духовно близок священномученику протоиерею Иоанну Восторгову (память 23 августа ст.ст.). Государственный переворот 1917 года прервал просветительскую работу пастыря. В 1918 году следует арест, несколько дней в Богородской тюрьме, затем без суда и следствия его приговаривают к смертной казни. Из тюрьмы он успевает передать на волю свой

наперсный Крест и служебник. Когда его вели к месту казни, собралась толпа: отец Константин служил в Богородске 23 года, его хорошо знали. О подробностях его гибели мы узнаем из доклада члена Всероссийского Церковного Поместного Собора 1917-1918 годов В. П. Шеина, впоследствии новомученика архимандрита Сергия (память 31 июля ст.ст.), расстрелянного в 1922 году вместе со священномучеником митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским, память 31 июля ст.ст.). В его докладе читаем мы такие слова о смерти отца Константина: «При расстреле в Богородске Московской епархии протоиерея отца Константина Голубева, убийцы нанесли ему только рану и ещё живого бросили в яму и стали засыпать землёй. Несчастный поднимал из ямы голову и молил прикончить его; находящаяся при этом дочь его на коленях с рыданиями умоляла также, чтобы отца не хоронили живым, но ничто не помогало, и злодейство было доведено до конца. Его засыпали живым». С ним были расстреляны женщина, бесстрашно его защищавшая, и красноармеец, родом из Богородска, отказавшийся стрелять. Многие десятилетия место кончины о. Константина почиталось местными жителями. Не раз сравнивали могильный холмик с землей, но он возникал снова и снова, на могиле всегда лежали цветы, здесь ставили иконы, возжигали лампы и служили панихиды. В 1996 году протоиерей Константин Голубев был канонизован, как местночтимый святой. В августе 2000 года Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви он был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Рака с мощами новомученика установлена в Тихвинском храме г. Богородска.

Шибяевы – наряду с Морозовыми, Шибяевы являются, несомненно, наиболее известными фамилиями среди фабрикантов Богородска и ближайших окрестностей. Шибяевым принадлежали фабрики в Истомкине, а также торфоразработки в несуществующей теперь деревне Пушкино Шаловской волости, амбар (контора и склады) на Шуйском подворье в Москве, лавки и лабазы в Нижнем Новгороде и других местах. Некоторое время они были владельцами имения Горки в Подольском уезде (теперь Горки Ленинские). Мало кто знает, что Сидор Мартынович Шибяев (1819—1886) был одним из основателей Тверской мануфактуры, перешедшей затем к Морозовым, что вместе с инженером Рагозиным стал пионером переработки нефти в Баку, где существовала фирма «С.М. Шибяев и К^о», в которую вкладывал он миллионы, заработанные в Истомкине. Судьба распорядилась так, что Шибяевым не удалось удержать предприятия в своих руках. Нефтяная компания перешла в ведение англо-голландской группы «Шелл», а Истомкинскую мануфактуру уже перед самой революцией стал контролировать концерн И.И.Стахеева. Ссылка с сайта www.bogorodsk-noginsk.ru

185. Московские церковные ведомости. 1902. № 6. С. 83.

186. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 457 и 458.

186а. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 117.

187. Константин Васильевич Розов (1874–1923) – великий Патриарший архидьякон. В 1898 году определен митрополитом Московским Владимиром на дьяконское место в московский храм Христа Спасителя. В 1902 году возведен в сан протодьякона и переведен в Успенский собор Кремля. С

1903 года протодьякон при соборе Зимнего Дворца в Петербурге, куда был приглашен Императором Николаем II, с 1907 года вновь в Успенском соборе. Оглашение всех важных государственных документов, манифестов перед народом на Красной площади и другие ответственные поручения он всегда выполнял с честью. Со всех концов Российской империи съезжались на воскресную службу в Неделю Православия в Успенский собор специально «послушать Розова». По красоте голоса (низкий бас), мастерству владения им Розова нередко сравнивали с Ф.И. Шаляпиным. На Поместном соборе Русской Православной Церкви в 1917—1918 годах Розов провозглашал многолетие новоизбранному Патриарху Московскому и всея Руси Тихону в храме Христа Спасителя (тогда же был удостоен звания Патриаршего архидьякона). После 1917 года Розов служил по приглашениям и в других московских храмах, продолжал выступать в духовных концертах. В 1921 году состоялось — впервые в истории русской церкви — наречение Розова великим архидьяконом (к 25-летию его церковного служения). В послереволюционные годы Розов вынужден был ввести в свой концертный репертуар народные песни и некоторые классические романсы, он стал солистом Московской государственной академической капеллы и концерттировал вместе с артистами Большого театра. Образ Розова запечатлён во многих произведениях русской литературы: «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Русь» П.С. Романова, «Записки писателя» Н.Д. Телешова, «Угрюм-река» В.Я. Шишкова. Похоронен на Ваганьковском кладбище. С 1990-х гг. в рамках Международных фестивалей православной музыки проводятся конкурсы диаконского и церковно-певческого искусства имени Розова. Розова Л.К. Великий архидиакон, М., 1994; Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское православие. Под ред. Платонова О.А.. М., 2009. Т. 3. С. 31.

133

188. Московские церковные ведомости. 1909. № 31. С.528-530.
189. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 446.
190. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 540.
191. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 455.
- 191а. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 307.
192. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 384.
193. ЦИАМ. Фонд 203, опись 757, дело 3091.
194. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 482.
195. Куприянов Ф.С. Воспоминания моей юности. М., 2012. С. 96-97.
196. Московские церковные ведомости. 1912. № 39. С. 887.
197. РГВИА. Фонд 400, опись 9, дело 35017.
198. РГВИА. Фонд 2106, опись 2, дело 1; РГВИА. Фонд 2118, опись 2, дело 4; РГВИА. Фонд 2031, опись 1, дело 2.
199. Евмений (Лагутин), иеромонах. Сокровище некрадомое. М., 2006. С. 22-23.
200. Священноисповедник Феодосий (Ганицкий) родился в Киевской губернии в 1860 году. В 1899 году был пострижен в монашество. С 1903 года проходил служение в разных московских обителях, с 1909 года – наместник Московского Златоустовского монастыря (находился в Белом

городе, разрушен). В 1904 году во время войны с Японией, игумен Феодосий, по благословению митрополита Московского и Коломенского Владимира, служил настоятелем походной церкви общины святой Евгении. Проявил храбрость и мужество во многих сражениях, был награжден орденом Святой Анны с мечами второй и третьей степени, орденом Святого равноапостольного князя Владимира, медалью «За отличие в делах против Японцев», наперсным крестом на Георгиевской ленте. С началом Первой Мировой войны архимандрит Феодосий был назначен председателем Военного Благотворительного монастырского комитета Московской епархии и членом Московского епархиального комитета попечения о больных и раненых воинах. В эти годы возможно и состоялось его знакомство с отцом Серафимом. Годы служения на Коломенской кафедре (18 мая 1920–25 сентября 1929) прошли в постоянных трудах по восстановлению монашеской жизни. Неумолимо восстанавливал обители, собирал под свое покровительство монахов со всей страны, ставил их на приходы, назначал настоятелями монастырей города Коломны. 25 сентября 1929 года епископ Феодосий был уволен на покой, а 25 ноября того же года арестован и заключен в Коломенскую тюрьму. 3 февраля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила Владыку к пяти годам ссылки в Северный край. Скончался Владыка Феодосий 3 мая 1937 года, погребен в селе Сушково Луховицкого района за алтарем Казанского храма.

134

201. ГАРФ. Фонд 10035, опись 1, дело П-49410.
202. Евмений (Лагутин), иеромонах. Сокровище некрадмое. М., 2006. С. 14-15.
203. Там же. С. 5.
204. ЦИАМ. Фонд 709, опись 1, дело 539.
205. ЦГАМО. Фонд 66, опись 13, дело 49.
206. РГАСПИ. Фонд 17, опись 3, дело 283.
207. РГАСПИ. Фонд 5, опись 2, дело 1168.
208. ГАРФ. Фонд 1065, опись 4, дело 31.
209. ЦГАМО. Фонд 66, опись 18, дело 71.
210. ГАРФ. Фонд 10035, опись 1, дело П-46654.
211. Комсомольская правда. 1927. №№ за 15 и 22 апреля.
212. Сталин И. В. Сочинения. М. 1952. Т.10. С. 133.
213. РГАСПИ. Фонд 89, опись 4, дело 26.
214. РГАСПИ. Фонд 17, опись 3, дело 723.
215. Архив УФСБ РФ по Владимирской области. Архивное дело № 04713.
216. ГАРФ. Фонд 6343, опись 1, дело 263.
217. ЦГА СПб. Фонд 1000, опись 91, дело 20.

Оглавление

История Николаевской Берлюковской пустыни

Основание _____	3
Николаевская Берлюковская пустынь в первой половине XVIII века _____	18
Строитель Иосия _____	20
Николаевская Берлюковская пустынь в эпоху секуляризации ____	28
Возрождение обители в конце XVIII века _____	31
Начало XIX века. «Пешношский» период _____	39
Обретение чудотворной иконы «Лобзание Иисуса Христа Иудю» _____	44

Духовный расцвет обители в середине XIX века

Строитель Венедикт _____	45
Инок Парфений _____	55
Строитель Иосиф _____	73
Строитель Иона _____	77
Берлюковские старцы _____	79

На рубеже веков: век XIX и век XX

Строитель Нил _____	83
Строитель Адриан _____	86
Строитель Тимолай _____	94

Век XX

Архимандрит Петр _____	97
Игумен Ксенофонт _____	109
Возрождение _____	115

Примечание _____	117
-------------------------	-----

История Николаевской Берлюковской пустыни

Подбор фотографий Александр Панин
Дизайн и верстка Наталья Соловьева

НИКОЛО-БЕРЛЮКОВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Адрес 142431, Московская область, Ногинский район, д. Адотьино

Телефон для справок 8 (968) 374-11-07

Электронная почта

mail@berluki.ru — канцелярия

palomnik@berluki.ru — паломническая служба

reception@berluki.ru — организация экскурсий по монастырю

КАК ДОБРАТЬСЯ

На автобусе из Москвы от ст. метро Щелковская автобусом 321 до остановки д. Адотьино.

На электричке от Ярославского вокзала до станции Чкаловская, далее автобус 321 до остановки д. Адотьино.

На машине по Щелковскому шоссе 30 км. от МКАД, после реки Воря повернуть направо.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ

На банковский счет монастыря

Религиозная организация «Мужской монастырь Николо-Берлюковская пустынь Московской епархии Русской Православной Церкви»

ИНН 5031079930 КПП 503101001

к/с 30101810100000000716

БИК 044525716

р/с 40703810900000000387 в ВТБ 24 (ЗАО)

ОГРН 1085099000073

Учетный номер 0011010691

В назначении платежа необходимо указать: «Пожертвование на ведение уставной деятельности»

Яндекс.кошелек

410013154808475

Webmoney

WMR-КОШЕЛЁК R418466825057

Подписано в печать 10.09.2020.

Формат 70x100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. – 8,5.

Тираж 1000 экз.

Гарнитура «PragmaticaС. Заказ №

Благотворительный фонд

«Возрождение культурного наследия»

141069, Московская область, г. Королев,
мкрн. Первомайский, ул. Советская, 27.

www.fond-vkn.ru e-mail:fond-vkn@mail.ru.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп.58, стр. 3 пом.11.